

ЖАН КАЛЬВИН

ТОЛКОВАНИЕ НА ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ПАВЛА К КОРИНФЯНАМ

Перевод с латинского И.В. Мамсурова

Редактор: В.М. Лоцманов

2007 г.

В данном издании наряду с текстом Синодального перевода Библии используется также перевод с латинского текста Св. Писания, цитируемого самим автором.

Предисловие

Из содержания этого послания явствует, что предыдущее послание возымело у коринфян определенный успех, но не такой, какой должно. Кроме того, отдельные нечестивцы, презрев авторитет Павла, продолжали упорствовать. Многословность Павла в проповеди доверия самому себе и в защите достоинства своего служения говорит о том, что коринфяне не были окончательно утверждены. Были и такие, для которых первое послание послужило скорее поводом для насмешек, нежели принесло пользу. И апостол открыто сетует по этому поводу. Итак, понимая, в каком состоянии их церковь, и учитывая, что перспектива его посещения отдалась по причине других забот, апостол, находясь в Македонии, пишет коринфянам это послание. Теперь мы видим, с какой целью он это сделал. А именно: дабы завершить уже начатое и, придя к ним вновь, найти все в благоустроенном виде.

Павел по своему обыкновению начинает с приветствий, благодаря Бога, что чудесным образом избавлен от великих опасностей. Одновременно он увещевает коринфян, что все его тяготы и невзгоды способствуют их благу и спасению, дабы больше расположить их к себе залогом этой взаимной связи. Он поступает так потому, что нечестивые злоупотребляли сим обстоятельством для преуменьшения дарованной ему благодати. Затем, извинившись за долгое отсутствие, апостол отрицает, что отказался от намеченного посещения по несущественным и маловажным причинам. Он отрицает, что пытается обмануть их, говоря не то, о чем думает. Так что все его слова веют духом, уже знакомым коринфянам по его учению. Павел говорит о том, сколь тверда и неизменна истина его проповеди, будучи утвержденной на Христе, в Котором все обетования Божии законны и незыблемы. И в этом – великая похвала всему Евангелию. Затем Павел признается: он не пришел ранее потому, что не мог тогда проявить к ним мягкость и благодушие. Этим он обуздывает тех, кто воспользовался переменой его намерения как поводом для клеветы. Итак, Павел перекладывает вину на коринфян, поскольку тогда они еще не были готовы принять его. Одновременно Павел показывает, с каким отеческим снисхождением продолжает к ним относиться. Ведь он воздержался от их посещения именно ради того, чтобы не быть вынужденным проявить суровость. И дабы кто не возразил, что он в своих посланиях, весьма сурово выговаривая коринфянам, порой недостаточно сдержан, Павел извиняется за пыл прежнего письма, говоря, что к этому его против его же воли вынудили другие. То, что подобная суровость исходила из его любви, Павел доказывает следующим: он велит принять в общение того самого повинного в инцесте человека, на которого прежде сильно гневался (ибо виновный за это время выказал подобающие признаки вразумления). Свою любовь Павел доказывает также тем, что пребывал в беспокойстве до тех пор, пока Тит не принес ему от них известия. Ибо подобное беспокойство рождается от любви.

С этого места, упомянув о своем приходе в Македонию, Павел начинает рассуждать о славе своего служения. Но, поскольку порицавшие его апостолы могли бы легко превзойти его в самовосхвалении, то, дабы отмежеваться от них и одновременно опровергнуть их глупое превозношение, Павел свидетельствует, что хвалится самой сутью, а не заимствует славу от людей. Для этого он величественно превозносит действительность своей проповеди и, сравнивая Евангелие с законом, возвышает достоинство своего апостольства. Прежде всего Павел свидетельствует: он ничего не приписывает себе лично, но все, чем является, относит к одному Богу. Затем он снова говорит о том, с какой верою и целомудрием исполнял вверенное ему поручение, заслоня уста тех, кто ранее злословил его. Больше того, превозносясь в святом уповании, Павел объявляет ослепленными дьяволом всех тех, кто не видит сияние его Евангелия. И поскольку Павел понимал, что ничтожество его личности (то есть, его невзрачность) уменьшает почтение к его апостольству, он, пользуясь случаем, не только устраняет этот соблазн, но и обращает его вспять. Он говорит, что благодать Божия еще ярче сияет от того, что это сокровище предлагается в глиняных сосудах. Таким образом, то, что злые люди обычно ставили ему в упрек, Павел обращает к собственной славе. Ведь, отягощаемый столькими бедами, он всегда, подобно пальме, восставал победителем. Об этом апостол говорит до середины четвертой главы. Поскольку же слава христиан пребывает вне этого мира, Павел увещевает коринфян всей душою, через презрение к настоящей жизни и умерщвление внешнего человека, приступить к созерцанию блаженного бессмертия.

Далее, в начале пятой главы, Павел хвалится тем, что единственное его желание заключается в том, чтобы угодить своим служением Господу, и надеется, что коринфяне сами засвидетельствуют его искренность. Но, поскольку ему грозила опасность быть обвиненным в суете и превозношении, Павел снова повторяет, что решил на подобный тон по вине клеветников. И не ради себя, желая сохранить почтение к себе, но ради блага самих коринфян, коим полезно было в этом убедиться и увериться. Таким образом, Павел заверяет, что заботится лишь об их спасении и благополучии. Для подтверждения этой мысли он приводит целое учение о том, какую цель должны преследовать слуги Христовы, а именно: забыв о себе, жить для одного лишь Господа. Наконец, Павел заключает: по сравнению с новой жизнью ничто не должно считаться за ценность. И ценим будет лишь тот, кто отречется от себя.

Отсюда Павел переходит к объяснению смысла евангельского служения. Его величие и превосходство должны подвигнуть к благочестивому рвению и служителей, и сам народ. О чем он и говорит в начале шестой главы. И, опять же, упомянув сначала о том, сколь верно он исполняет свой долг, апостол слегка укоряет коринфян, что они сами себе мешают возыметь плод. К своим постоянным просьбам он присоединяет уве-

щевание: избегать идолослужения. Из этого явствует, что коринфяне еще не достигли того, чего он для них желал. Итак, Павел справедливо пеняет на то, что люди, не слышавшие столь ясное учение, повинны в этом сами. Но дабы чрезмерной остротой попреков не сломить слишком нежные души, апостол опять убеждает коринфян в своем благоволении. Он продолжает прерванное ранее извинение в своей суровости, но уже иным способом. Возымев большее упование, Павел признается: он не огорчен тем, что опечалил их. Ведь это способствовало их благу. Так что, поздравляя коринфян с успехом, Павел заявляет, что от всей души желал принести им пользу. Что он и излагает до конца седьмой главы. От начала же восьмой до конца девятой он усиливает в них пыл к совершению милостыни, о которой упоминал в последней главе предыдущего послания. Он хвалит их за хорошее начало. Но, дабы их пыл, как бывает, не охладел со временем, многими доводами Павел поощряет их продолжать шествовать начатой стезею.

С начала десятой главы апостол приступает к защите себя и своего апостольства от клеветы, воздвигаемой нечестивыми. Вначале он показывает, что хорошо оснащен оружием, необходимым для Христовой брани. Затем он уверяет, что весомость его предыдущего послания опиралась на упование доброй совести. И, присутствуя, он не менее весом в своих делах, чем, отсутствуя, в своих посланиях. Наконец, сравнивая себя с клеветниками, он обличает их в суете и превозношении.

В одиннадцатой главе Павел отвращает коринфян от растлевающих их порочных занятий. Он увещевает: нет ничего опаснее, чем отходить от простоты Евангелия. То же, что он начал умаляться в их глазах, а другие – пользоваться большим почетом, произошло не по его вине, но по их надменности и распушенности. Ведь другие не проповедовали чего-то лучшего и более возвышенного, а сам он подвергся презрению только потому, что не щеголял красотой речи, или же потому, что, сжалившись над их немощью, добровольно отказался от своих прав. Эта ирония содержит в себе косвенный попрек в неблагодарности. Разве справедливо унижать его за то, что он приспособлялся к ним? Павел говорит, что воздержался от взимания должной платы не потому, что мало любил коринфян. Он поступил так для того, чтобы лжеапостолы, желая, как он знал, устроить из этого обстоятельства навет, ни в чем не смогли его превзойти. Попрекнув коринфян в несправедном и недобром суде, апостол переходит к благочестивым восхвалениям, напомнив, сколь много мог бы хвалиться, если бы захотел, упомянув, однако, что решился на нелепые восхваления ради их пользы. И, тем не менее, словно одергивая себя, апостол говорит, что его высшая похвала заключается в презираемом гордецами смиреннии, что Господь научил его хвалиться лишь своими немощами.

В конце двенадцатой главы он снова жалуется на коринфян: они принуждают его к унижению, а сами обращаются к честолюбцам, отчуждающим их от Христа. Здесь Павел еще яростнее обрушивается на тех, кто, добавляя к прежним мерзостям открытое бесстыдство, все еще продолжал возводить на него клевету. В тринадцатой главе Павел, объявив таковым суровое мщение, увещевает всех признать его апостольство, причем для их же собственного блага. Ведь сколь опасно презреть того, кто выказал себя перед ними верным и несомненным посланником Божиим.

Глава 1

1. Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, и Тимофей брат, церкви Божией, находящейся в Коринфе, со всеми святыми по всей Ахаии: 2. благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. 3. Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения, 4. утешающий нас во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих! 5. Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше.

(1. Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, и Тимофей брат, церкви Божией, в Коринфе, со всеми святыми по всей Ахаии: 2. благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. 3. Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения, 4. утешающий нас во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог нас утешает. 5. Ибо как умножаются в нас страдания Христовы, так умножается Христом и утешение наше.)

1) *Павел ... Апостол.* Почему Павел пишет о своем апостольстве, и почему добавляет, что достиг такой чести по воле Божией, об этом смотри в предыдущем послании. Там сказано: надобно слушать лишь тех, кто послан от Бога и говорит от Его уст. Посему для утверждения чьего-либо авторитета необходимы две вещи: призвание и верность призванного в исполнении своего долга. И то, и другое отстаивает за собой Павел. То же самое делали и лжеапостолы. Но, присвоив себе чужое звание, они не смогли обмануть детей Божиих, ибо те легко обличили их в бесстыдстве. Так что не достаточно одного имени, если нет самой истины. И всякий претендующий на имя апостола пусть покажет себя таковым на деле.

Церкви Божией ... со всеми святыми. Всегда стоит обращать внимание на следующее: Павел признавал Церковь сообществом, где находилось много нечестивых. Ибо пороки отдельных людей не мешают Церкви считаться таковою, если та обладает признаками истинной религии. Но что апостол имеет в виду, говоря: «со всеми святыми»? Разве эти святые находились вне Церкви? Отвечаю: эти слова относятся к верующим, рассеянным тут и там, в разных местах этой провинции. Вероятно, в то смутное время, когда повсюду свирепствовали враги Христовы, многие находились в рассеянии и не могли составлять священных собраний.

3) *Благословен Бог.* Павел начинает (как уже было сказано) с благодарения Богу. Отчасти, чтобы проповедать Его благодать, отчасти, чтобы своим примером воодушевить коринфян к мужественному перенесению гонений, а отчасти, дабы благочестивой похвалою вознестись над злобными поношениями лжеапостолов. Ибо извращенность мира состоит в том, что он поносит мучеников, которых должен принимать с восхищением. Он находит повод для ругательств в самых величественных делах благочестивых людей. «Благословен Бог», – говорит Павел. Почему? Который утешает нас. Здесь относительное местоимение поставлено вместо причинного союза. Апостол мужественно и воодушевленно перенес свои тяготы. Эту стойкость он приписывает Богу, поскольку не пал духом, подкрепленный именно Его утешением. Он зовет Бога «Отцом Господа нашего Иисуса Христа», и не без причины. Ведь речь здесь идет о благодеяниях. А там, где нет Христа, нет никаких божественных благодеяний. Наоборот, где присутствует Христос, Которым именуется всякое родство на небе и на земле, там имеются все милости и утешения Божии, а также та отеческая любовь, из которой, как из источника, проистекает все остальное.

4) *Чтобы и мы могли утешать.* Подобно тому, как апостол оправдал свои скорби от поношений и левых слухов, одновременно он убеждает коринфян, что небесное утешение сделало его победителем именно для их блага и пользы. Дабы коринфяне воодушевились к соучастию в терпении, а не надменно презрели его духовную брань. Кроме того, апостол жил не для себя, а для Церкви. Поэтому всякую благодать, дарованную ему Богом, он считал данной не ему одному, но и для помощи остальным. Действительно, Господь, благоволит нам, Своим примером приглашает нас быть щедрыми к нашим ближним. Посему не следует заглушать свои духовные богатства. И пусть всякий передает другим то, что воспринял сам. Особенно это относится к служителям слова. Однако имеет отношение и к другим, смотря по дарам каждого. Так Павел признает, что поддержан божественным утешением, дабы и самому оказаться способным утешать других.

5) *Ибо по мере, как умножаются.* Это предложение можно истолковать двояким образом. В активном и пассивном смысле. Первый смысл таков: чем больше упражняюсь я разными скорбями, тем больше обретаю способность утешать других. Но мне больше нравится пассивный смысл: по мере наших скорбей Бог также умножает и Свои утешения. Давид свидетельствует, что с ним происходило то же самое (Пс.93:19): ради множества скорбей моих во мне, утешения Твои увеселили душу мою. Но в словах Павла содержится более полное учение. Ведь он называет скорби благочестивых страданиями Христовыми. Как и в другом месте говорит (Кол.1:24), что он в теле своем восполняет недостаток скорбей Христовых. Ибо тяготы и невзгоды этой жизни общи и для добрых, и для злых. Но, выпадая нечестивым, они служат знаками божественного проклятия. Они проистекают из их грехов, и в них не видно ничего, кроме гнева Божия и участия в грехопадении Адама, способном лишь ввергнуть душу в отчаяние. Верные же тем временем уподобляются Христу и несут в своей плоти Его умерщвление, дабы и жизнь Христова когда-нибудь в них проявилась. Я говорю о

скорбях, которые они несут из-за свидетельства Христова. Ведь, хотя розги Господни, наказующие их за грехи, всегда для них спасительны, они лишь тогда зовутся участниками Христовых страданий, когда терпят из-за исповедания Его имени. Как сказано в четвертой главе, тринадцатом стихе Первого Послания Петра. Итак, Павел хочет сказать, что Бог постоянно помогал ему в скорбях, и, дабы зло не тяготило его чрезмерно, немощь его подкреплялась Христовым утешением.

6. Скорбим ли мы, скорбим для вашего утешения и спасения, которое совершается перенесением тех же страданий, какие и мы терпим. 7. И надежда наша о вас тверда. Утешаемся ли, утешаемся для вашего утешения и спасения, зная, что вы участвуете как в страданиях наших, так и в утешении. 8. Ибо мы не хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Азии, потому что мыотяжены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых. 9. Но сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых, 10. Который и избавил нас от столь близкой смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и еще избавит, 11. при содействии и вашей молитвы за нас, дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас.

(6. Скорбим ли мы для вашего утешения и спасения, которое совершается перенесением тех же страданий, какие и мы терпим; утешаемся ли для вашего утешения и спасения: 7. надежда наша о вас тверда, – зная, что вы участвуете как в страданиях наших, так и в утешении. 8. Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Азии, потому что мыотяжены были чрезмерно и сверх силы, так что беспокоились и о своей жизни. 9. Больше того, сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых, 10. Который и избавил нас от столь близкой смерти, и избавляет, и на Которого твердо надеемся, что еще избавит, 11. при содействии и вашем молитвою за нас, дабы дар, дарованный мне от многих лиц, через многих же был прославляем.)

б) *Скорбим ли мы.* Поскольку перед словами «надежда наша о вас тверда», вставлена связка, Эразм думает, что здесь подразумевается еще одно слово, относящееся к фразе «для вашего утешения и спасения». Текст будет звучать так: скорбим ли мы, это происходит для вашего утешения. Но мне кажется более вероятным, что связка означает здесь другое: «таким же образом» или «тем и другим способом». Павел уже сказал, что принял утешение, дабы передать его другим. Теперь он идет дальше, говоря, что твердо надеется: в его утешении будут участвовать коринфяне. Добавь к этому, что древнейшие греческие кодексы слова «и надежда наша о вас тверда» помещают сразу же за первой фразой. Подобное чтение устраняет двусмысленность. Ибо то, что помещено в середине, должно относиться как к предыдущему, так и к последующему. Хотя, если кто-то захочет выстроить законченные предложения из каждой фразы, добавляя лишнее слово, это не принесет большого вреда. И смысл совершенно не изменится. Ведь, читая в одном контексте, эти фразы надо понимать так: апостол тяготится и утешается ради пользы коринфян. Посему у него имеется надежда, что они станут участниками того же утешения, которое выпало и ему. Однако я последовал тому, что считаю более подходящим.

Кроме того, следует отметить, что скорби означают здесь не только внешние, но и душевные тяготы. Так что слово *παράκλησις* относится к противоположному понятию. Апостол хочет сказать, что душа человека от ощущения скорби тяготится печалью. То, что мы переводим как «утешение», по-гречески звучит *παράκλησις*. Это слово также означает ободрение. Однако, если разуместь тот вид утешения, когда людские души восстают от сетований и вздыханий, то и тогда мысль Павла будет правильно понята. Например: сам Павел отчаялся бы и пал под грузом стольких скорбей, если бы Бог не воздвиг его Своим утешением и не вернул ему мужество. Таким вот образом коринфяне ободряются и укрепляются его страданиями – утешаются его примером.

Теперь подведем краткий итог. Поскольку Павел видел, что его скорби многим дали повод для презрения, то, избавляя коринфян от заблуждения, вначале показывает: они должны ценить его хотя бы потому, что получают от него пользу. Затем, он делает их соучастниками себе, дабы страдания его они сочли в какой-то мере своими. Он как бы говорит: терплю ли я страдания, получаю ли утешение, – все это для вашего же блага; действительно, я надеюсь, что в будущем вы насладитесь полученной от этого пользой. Ибо скорби и утешения Павла были таковы, что могли принести назидание коринфянам, если бы они сами не лишили себя их плода. Итак, Павел свидетельствует: он уверен по поводу коринфян и надеется, что не напрасно скорбел и утешался ради их спасения. Лжеапостолы стремились все происходящее с Павлом сделать поводом для презрения. Если бы они достигли желаемого, скорби, перенесенные им ради спасения коринфян, оказались бы напрасными и бездейственными. И утешения, коими снабдил его Господь, ничего бы не принесли. Этим козням апостол противопоставляет упование: его скорби служат утешению верных. Ведь они, видя, как Павел добровольно подвергается стольким скорбям ради Евангелия, получают из этого повод для утешения. Хотя мы и говорим, что ради благовестия следует переносить скорби, нас смущает осознание собственной немощи, и мы не думаем, что справимся с такой ношей. Здесь нам и должны помочь примеры святых, способные нас воодушевить. Частное утешение Павла распространилось на всю Церковь. Верующие заключили, что Бог, поддержавший и укрепивший Павла в нужде, непременно поможет и им. Таким образом, и то, и другое способствовало их спасению. Это апостол и хочет сказать, замечая как бы в скобках, «которое со-

вершается перенесением» и т.д. Данную фразу он добавляет ради пояснения, дабы коринфяне не подумали, что перенесенные им скорби к ним не относятся. Эразм переводит причастие *ἐνεργουμένης* в активном залоге, но здесь больше подходит пассивный смысл. Ведь Павел хотел только объяснить, каким образом все приключилось с ним ради спасения коринфян. Итак, он говорит, что страдал один, но его страдания способны содействовать их спасению. Не потому что они умиловительны или являются жертвою за грехи, но потому что назидают коринфян, утверждая их в вере. Так что Павел соединяет утешение со спасением, как со способом его достижения.

7) *Зная, что вы.* Хотя некоторые коринфяне увлеклись на время клеветой лжеапостолов, и думали о Павле менее почтительно, видя, как презренно обращается с ним мир, апостол и их соединяет с собой в скорбях и надежде на утешение. Не прибегая к прямому упреку, он исправляет их превратное и злое мнение о себе самом.

8) *Не хотим оставить вас, братия, в неведении.* Апостол упоминает о многочисленности и трудности духовных битв, дабы из них ярче воссияла красота победы. Со времени отправки первого послания он подвергся многим опасностям и выдержал яростные удары судьбы. Вероятно, он имеет в виду ту историю, о которой рассказывает Лука в Деян.19:23. Там Лука не говорит прямо, что опасность была большой, но, упомянув о возмущении всего города, дает читателю вывести остальное. Ведь мы знаем, что влечет за собой народное восстание, как только ему позволяют вспыхнуть. Павел говорит, что сверх меры был отягчен подобным преследованием. И не только сверх меры, но и сверх сил, то есть, был не в состоянии нести этот груз. Эта метафора заимствована от носильщиков, падающих под непосильной ношей, или же от кораблей, тонущих из-за тяжести перевозимого груза. Павел говорит так не потому, что покорился страданиям, но потому что он чувствовал: силы оставили бы его, если бы Господь не придавал ему новой крепости.

Не надеялись остаться в живых. Иными словами: я думал, что с жизнью моей покончено, или же надежда на жизнь была весьма призрачной. Такое настроение обычно охватывает тех, кому не видится никакого выхода из трудностей. Итак, как же пламенный воин Христов, крепкий Его воин лишился сил настолько, что ожидал скорой гибели? Причину упомянутой им скорби Павел относит к тому, что утратил надежду остаться в живых. Я уже говорил, что Павел меряет свои силы не помощью Божией, а ощущением собственных возможностей. Нет сомнения, что все человеческие силы покоряются страху смерти. Кроме того, святым необходимо испытывать упадок сил, дабы, узнав о своей немощи, научиться зависеть от одного Бога, о чем в дальнейшем и идет речь. Однако употребленное Павлом слово *ἐξαπορέομαι* я предпочел перевести просто как «трепетное беспокойство». Не так, как Эразм, переведший его словом «отчаяние». Ведь Павел имеет в виду не что иное, как стесненность крайними обстоятельствами, когда не было оснований надеяться на сохранение собственной жизни.

9) *Имели приговор к смерти.* Вместо того, чтобы сказать: мне неминуемо предстояло умереть, – он заимствует подобие от тех, кто осужден на смерть и ожидает лишь наступление ее часа. Однако Павел говорит, что приговор этот вынес себе сам. Павел хочет сказать, что приговорил себя к смерти в своем мнении, дабы не показалось, что он узнал об этом из божественного откровения. Этот приговор нечто большее, чем упомянутое им *ἐξαπορέομαι*. Ведь одно дело отчаяться в сохранении жизни, а другое – верная смерть. Особо следует отметить указанную Павлом цель собственных страданий. Он попал в нужду для того, чтобы не уповать на себя. Я не согласен с мнением Златоуста, что сам апостол не нуждался в таком врачевстве, но предлагал себя в качестве примера другим. Ибо, как и эти другие, он был человеком, подверженным общим страданиям: не только холоду и жару, но и отчаянию, необдуманности и т.п. Я не говорю, что он постоянно страдал от этих пороков, но утверждаю, что они могли его беспокоить. И Бог своевременно дал ему врачевство, дабы подобные страсти не заползли в его душу. Посему здесь надобно отметить два момента. Во-первых, плотское самоупование столь живуче, что может исчезнуть лишь тогда, когда мы впадаем в полное отчаяние. Ведь плоть горделива и уступает, перестает буйствовать, только тогда, когда к этому вынуждается. И мы не придем к истинному смирению, покуда десница Божия не приведет нас к нему насильно. Во-вторых, остатки этой болезни пребывают даже в святых. Посему они часто доводятся до крайнего состояния, чтобы научиться смирению и отказаться от всякого самоупования. Больше того, корень зла в человеческой душе столь глубок, что даже совершеннейшие полностью не очищаются от него, доколе Бог не поставит их перед лицом смерти. Отсюда можно вывести, сколь неприятно Богу наше самоупование, если для его исправления Он подвергает нас опасности смерти.

Но на Бога, воскрешающего мертвых. Вначале нам надлежит умереть, дабы отрешиться от самоупования и, осознав свою немощь, ничего себе не приписывать. Но этого будет недостаточно, если не последовать дальше. Мы начинаем с отчаяния в самих себе, но только для того, чтобы потом надеяться на Бога. Мы падаем в самих себе, но только для того, чтобы быть воздвигнутыми Его силой. Итак, Павел, сведя на нет плотскую гордыню, заменяет ее постоянным упованием на Бога. Не на нас, – говорит он, – но на Бога. Следующий затем эпитет Павел приспособляет к контексту своей речи. Так же он выражается и в Рим.4:17, где говорит об Аврааме. Ибо верить в Бога, называющего не существующее как существующее, и надеяться на Бога, воскрешающего мертвых, означает то же, что и возлагать надежду на силу Божию, создающую из ничего Своих избранных и воскрешающую мертвецов. Итак, Павел говорит: он подвергся угрозе

смерти, дабы лучше познать силу Божию, как бы воскресившую его из мертвых. Действительно, следуя порядку, Бог вначале познается творцом жизни, исходя из даруемой Им крепости. Но поскольку из-за нашей тупости свет жизни часто слепит нам глаза, для прихода к Богу необходима угроза смерти.

10) *От столь близкой смерти.* Здесь Павел применяет к себе принцип, который в общем виде сформулировал раньше. И, проповедуя благодать Божию, свидетельствует, что не обманулся в своих ожиданиях. Ведь он был избавлен от смерти в ситуации воистину чрезвычайной. Что касается манеры речи, то употребленное преувеличение весьма обычно для Писания. Оно часто встречается и у пророков, и в псалмах. Его допускает и наша повседневная речь. А теперь пусть каждый приложит к себе то, что Павел применил лично к себе.

На Которого надеемся. Апостол и впредь обещает себе благоденствия Божии, которые часто ощущал на собственном опыте. Причем делает это вполне обдуманно. Ибо Господь, давая нам часть обещанного, велит надеяться получить и остальное. Больше того, сколько раз мы получали от Него благодать, столько же раз Он как бы клятвою подтверждал Свои обетования. Хотя Павел не сомневается в том, что Бог охотно ему поможет, он увещевает коринфян молиться за его спасение. Считая несомненным, что коринфяне будут за него молиться, он придает своим словам характер ободрения. Павел утверждает: коринфяне будут молиться не только ради долга, но и с надеждою получить просимое. Помогут мне, – говорит апостол, – также и ваши молитвы. Ибо Бог заповедал нам ходатайствовать друг за друга, и не хочет, чтобы ходатайство это оставалось бесплодным. Данное обстоятельство должно подбадривать нас, когда мы, находясь в стеснении, испрашиваем молитвы братьев, а также, когда сами молимся за них и упрашиваем. Ведь мы слышим: это не только угодно Богу, но полезно и нам. И то, что апостол просит заступничества братьев, вовсе не говорит об отсутствии у него уверенности. Он был уверен: Бог позаботится о его спасении, даже если все вокруг оставят его. Но одновременно Павел знал: Богу угодно, чтобы Церковь помогала ему своими молитвами. Он также слышал обетование о том, что подобная помощь будет законной. Итак, Павел хотел, чтобы братья молились за него, но не потому, что в противном случае лишился бы помощи, предназначенной ему Богом. Итак, смысл в том, что мы должны следовать Слову Божию. То есть – повиноваться Его заповедям и полагаться на обетования. Но так не поступают те, кто прибегает к ходатайству умерших. Ибо, не довольствуясь помощью, установленной Богом, они изобретают новый вид помощи, не подкрепленный свидетельством Писания. Все, что там сказано о взаимной молитве, не распространяется на умерших, но особо приурочено к живым. Следовательно, паписты поступают по-детски, злоупотребляя этими местами для поддержки своего суеверия.

11) *Дарованное нам.* Поскольку в словах Павла имеется некоторая неясность, толкователи разногласят в отношении смысла. Я не буду тратить время на опровержение всех прочих толкований. Это и не нужно, если мы установим истинное и подлинное. Ранее Павел сказал: ему помогут молитвы коринфян. Теперь он говорит, что из этого последует еще один плод: более полное проявление божественной славы. Ибо все, что Бог мне дарует, как бы испрошенное многими, также через многих будет прославляться. Или же многие будут благодарить за меня Бога. Ведь, помогая мне, Он ответит на молитвы не одного, но многих людей. Поскольку же наш долг не оставлять без благодарности никакую божественную милость, особенно когда Он отвечает на наши молитвы, Его щедрость надлежит сопровождать благодарением. Так же заповедует делать и Псалом 49:14. И не только когда речь идет о нашем частном благе, но и когда просят за спасение Церкви или кого-либо из братьев.

Итак, когда мы молимся друг за друга и получаем просимое, слава Божия проявляется еще больше. Это происходит потому, что как частные, так и общественные благоденствия, на пользу всей Церкви, мы непременно сопровождаем благодарением. И в этом толковании нет ничего натянутого. Ведь то, что вставленный греческий артикль разделяет фразы «от многих лиц» и «дар, дарованный мне», вовсе не верно, ибо он часто ставится и между связанными частями предложения. Здесь артикль поставлен вместо противительной частицы. Ведь, хотя дар исходил от многих лиц, для Павла он являлся чем-то особенным. Далее понимать, как поступают некоторые, διὰ πολλῶν в среднем роде значит противоречить контексту. Однако можно спросить: почему Павел говорит о даре от многих лиц, а не от многих людей? Что он хочет сказать, употребив слово «лицо»? Отвечаю: оно означает то же, как если бы было сказано: в отношении многих. Ибо Павлу благодать была дарована так, чтобы от него передаться многим. И поскольку Бог имел в виду многих, Павел и говорит, что причиною были многие лица. То же, что некоторые греческие кодексы гласят ὑπὲρ ὑμῶν – «за вас», хотя и кажется далеким от замысла и контекста Павловых слов, легко может быть истолковано так: Бог для вашего спасения услышит ваши молитвы о спасении моем, и тогда от вашего имени многие возблагодарят Бога.

12. *Ибо похвала наша сия есть свидетельство совести нашей, что мы в простоте и богоугодной искренности, не по плотской мудрости, но по благодати Божией, жили в мире, особенно же у вас. И мы пишем вам не иное, как то, что вы читаете или разумеете, и что, как надеюсь, до конца уразумеете, 14. так как вы отчасти и уразумели уже, что мы будем вашею похвалою, равно и вы нашею, в день Господа нашего Иисуса Христа.*

(12. Ибо похвала наша такова: свидетельство совести нашей, ибо мы в простоте и чистоте Божией, не по плотской мудрости, но по благодати Божией, жили в мире, более же обильно ради вас. 13. И мы пишем вам не иное, как то, что вы разумеете или даже признаете. Надеюсь, что признаете до конца, 14. так как

вы отчасти уразумели уже нас. Ибо мы ваша похвала, равно и вы наша, в день Господа нашего Иисуса Христа.)

12) *Ибо похвала.* Апостол говорит о причине того, почему его спасение должно быть угодно всем. Потому что он жил среди всех в простоте и искренности. Итак, он заслуженно должен быть дорог всем. Было бы бесчеловечно не заботиться о таком служителе Божиим, столь долго и безупречно служившим благу Церкви. Павел как бы говорит: я так вел себя среди всех, что не удивительно, если все благочестивые меня одобряют и любят. И, пользуясь этим поводом, ради интересов своих адресатов, апостол начинает отстаивать собственную чистоту. Ведь не достаточно, когда тебя одобряют одни люди. Кроме того, Павла тяготили несправедливые и злые наветы, превратные и слепые нападки нечестивых. И он приводит в свидетели свою совесть, что означает призвать в свидетели Самого Бога и предоставить сказанное Его суду. Однако, как согласуется похвала Павла собственной чистотой с утверждением: кто хвалится, пусть хвалится в Господе? Кто столь чист, что смеет хвалиться этим перед лицом Божиим? Во-первых, Павел не противопоставляет себя Богу, словно имеет все это от себя как свое собственное. Кроме того, он не помещает в защищаемой им чистоте основание собственного спасения и не возлагает на нее упования. Наконец, он хвалится дарами Божиими так, что признает Бога единственным их дарителем и все относит к Нему. Эти три оговорки позволяют каждому благочестивому по праву хвалиться божественными благодеяниями. Нечестивые же не могут хвалиться в Боге, разве только лживо и превратно. Во-первых, мы относим к Богу все добро, которое имеем, ничего не присваивая себе. Затем, мы сохраняем в качестве основания то, что спасение состоит в одном лишь милосердии Божиим. Наконец, мы полагаемся лишь на Самого Дарителя всех благ. В таком случае похвала любыми благодеяниями будет вполне благочестивой.

В простоте. Павел говорит о простоте Божией в том же смысле, в каком в Рим.3:23 говорит о Божией славе, а Иоанн в 12:43 упоминает о славе Божией и славе человеческой. Любящие людскую славу хотят казаться чем-то перед людьми или почитаться в людском мнении. Слава же Божия есть та, которой обладают перед Богом. Итак, Павел счел недостаточным сказать, что его искренность была очевидна людям. Он добавляет, что таким же был и в глазах Бога. **Εἰλικρίνεια** (которую я перевел как «чистота») – понятие ближайшее к чистоте. Она – открытая и искренняя манера действий, как бы открывающая другим сердце человека. И то, и другое противопоставляется хитрости и тайным намерениям.

Не по плотской мудрости. Здесь как бы содержится оговорка. Ибо то, что можно было пожелать, у него по собственному признанию отсутствовало. Но Павел добавляет: он наставлен благодатью Божией, превосходящей все прочее. Признаюсь, – говорит Павел, – я лишен плотской мудрости, но наделен силой Божией, и если кто ей не довольствуется, пусть преуменьшает мое апостольство. И если плотская мудрость ничего не значит, то у меня нет недостатка в справедливой похвале. Плотскою мудростью он зовет то, что претендует на мудрость вне Иисуса Христа. Смотри первую главу предыдущего послания, а также вторую. Итак, эту мудрость надо разуметь, исходя из благодати Божией, которая противопоставляется ей и всему, что есть высокого в человеческой природе и разуме, а также, исходя из даров Святого Духа, являющих силу Божию в немощи плоти.

Особенно же у вас. Не потому, что в других местах он был менее искренен. Но потому, что дольше прожил в Коринфе, дабы, не говоря о прочих причинах, явить там более яркий и очевидный пример своей верности. Павел упоминает об этом сознательно, как бы говоря: нет нужды привлекать свидетельства откуда-то еще. Ведь сами коринфяне – лучшие свидетели его искренности.

13) *И мы пишем вам.* Здесь Павел косвенно попрекает лжеапостолов за нескромные притязания, которые, однако, не соответствовали действительности. Одновременно он отвечает на их клевету, дабы не сказали, будто он сам приписывает себе больше положенного. Апостол говорит: все, на что он словесно претендует, можно подтвердить делами. Причем, привлекая в свидетели самих коринфян. Кроме того, из-за двусмысленности слов это место было плохо переведено. **Ἀναγνώσκειν** по-гречески означает – то «читать», то «сознать», а **ἐπιγνώσκειν** – то «познавать», то, как говорят латиняне, «признавать». Например, юристы говорят: признавать факт рождения. Те же примечания имеются и у Будея. Таким образом **ἐπιγνώσκειν** значит больше, чем **ἀναγνώσκειν**. Сознает тот, кто, по молчаливому согласию души, понимает истинность сказанного. Однако он этого не признает, то есть, не одобряет открытым согласием. А теперь обсудим слова Павла. Одни читают так: мы пишем вам не иное, как то, что вы читаете и признаете. Это, безусловно, весьма поверхностный, если не сказать, глупый смысл. То, как толкует Амвросий, – не только читаете, но и признаете, – также весьма далеко от мысли апостола. Предлагаемый же мною смысл весьма прост и сам собой вытекает из контекста. Читателям мешала понять его именно многозначность употребленного слова. Итог таков: Павел отрицает, что говорит нечто такое, чего бы не знали и не сознавали коринфяне. Более того, он пишет им именно то, что они сами могут засвидетельствовать. Сначала стоит слово «разумеете», поскольку они убедились в этом на собственном опыте, а потом «признаете», поскольку они вынуждены подписаться под истиной.

Надеюсь до конца. Поскольку коринфяне еще не полностью образумились, не могли по достоинству оценить его верность, но уже начали исправляться и отходить от превратного и злого суждения, Павел говорит,

что надеется на счастливый для них исход. Вы уже признали меня отчасти, – говорит апостол. – Надеюсь, вы еще больше признаете то, каким я был среди вас, и как себя вел. Отсюда ясно видно, что он разумел под словом *ἐπιγνώσκω*. Оно относится к моменту будущего вразумления. Вначале коринфяне твердо его признали, затем из-за кривых толков их суждение стало искаженным; и вот, наконец, к ним кое-как возвращается здравый рассудок.

14) *Будем вашей похвалою.* Мы уже коротко сказали о том, каким образом святым позволительно хвалиться благодеяниями Божиими. Они должны полагаться на одного Бога, и не преследовать никакую иную цель. И такой же благочестивой была похвала Павла. Она заключалась в том, что своим служением Павел привел коринфян в послушание Христово. Похваление же коринфян состояло в том, что их основательно и точно научил столь великий апостол. А это выпадает далеко не всем. Такой способ похвалы со стороны людей не противоречит похвале в одном лишь Боге. Павел увещевает коринфян: им весьма подобает признавать в нем верного и непритворного слугу Христова. Ведь, если бы они отошли от него, то лишились бы собственной похвалы. Эти слова обличают легкомыслие тех, кто, чрезмерно доверяя завистникам и злодеям, добровольно лишает себя наивысшего хваления.

В день Господа. Я понимаю под этим последний день, упраздняющий всю тленную славу мира. Итак, Павел хочет сказать: похвала, о которой он говорит, не суетна, подобно той, которая блистает среди людей. Она постоянна и вечна, потому что устоит в день Христов. Тогда Павел восторжествует о стольких своих победах, одержанных под водительством Христовым. Торжественно служением своим он приведет все народы под славное иго Христово. Коринфская же церковь восторжествует о том, что была основана и научена трудами столь великого апостола.

15. *И в этой уверенности я намеревался прийти к вам ранее, чтобы вы вторично получили благодать, 16. и через вас пройти в Македонию, из Македонии же опять прийти к вам; а вы проводили бы меня в Иудею. 17. Имея такое намерение, легкомысленно ли я поступил? Или, что я предпринимаю, по плоти предпринимаю, так что у меня то «да, да», то «нет, нет»? 18. Верен Бог, что слово наше к вам не было то «да», то «нет». 19. Ибо Сын Божий, Иисус Христос, проповеданный у вас нами, мною и Силуаном и Тимофеем, не был «да» и «нет»; но в Нем было «да», – 20. ибо все обетования Божии в Нем «да» и в Нем «аминь», – в славу Божию, через нас.*

(15. И в этой уверенности я намеревался прийти к вам ранее, чтобы вы вторично получили благодать, 16. и через вас пройти в Македонию, из Македонии же опять прийти к вам; а вы проводили бы меня в Иудею. 17. Имея такое намерение в душе, где я поступил легкомысленно? Или, что я думаю, по плоти думаю, так что у меня то «да, да», то «нет, нет»? 18. Верен Бог, что слово наше к вам не было то «да», то «нет». 19. Ибо Сын Божий, Иисус Христос, проповеданный у вас нами, мною и Силуаном и Тимофеем, не был «да» и «нет»; но в Нем было «да», – 20. ибо все обетования Божии в Нем «да». Посему в Нем и «аминь» Богу, – во славу Его, через нас.)

15) *И в этой уверенности.* Дав надежду на скорый приход, Павел затем изменил намерение. И его извинение говорит о том, что такая перемена дала повод для клеветы. Говоря, что вознамерился прийти, будучи в подобной уверенности, апостол косвенно перелагает вину на коринфян, которые своей неблагодарностью обманули его уверенность и неким образом преградили к себе доступ.

Вторично получили благодать. Первая благодать состояла в том, что все полгода он прилагал усилия, дабы обрести их для Господа. Вторая же состоит в том, чтобы своим приходом утвердить их в однажды принятой вере и побудить к возрастанию в ней святыми увещаниями. Коринфяне же лишили себя этого, когда не пустили апостола. Итак, они сами наказали себя за свой грех. То же, что они приписывали Павлу, было неправдой. Далее, если кто-то вместе со Златоустом прочтет *χαρὸν* вместо *χαρίν*, я не буду особо возражать. Но первое толкование много проще.

17) *Легкомысленно ли я поступил.* Есть две вещи, лишаящие успеха и надежности людские замыслы: или ежечасная смена последних, или чрезмерная самонадеянность самих замышляющих. Обещать и уверять в том, в чем скоро расквасишься – знак непостоянства. И Павел отрицает за собой подобный порок. Я не по легкомыслию, – говорит он, – не сдержал свое обещание. Он также отрицает, что руководствовался необдуманном самоупованием, – так я толкую фразу «думать по плоти». Ведь, как я сказал, людям свойственно дерзко и надменно думать о своих будущих действиях, словно они не зависят от провидения Божия и не подлежат его суду. Бог же, отмщая за подобное высокомерие, лишает успеха замыслы людей и часто выставляет их на посмешище. Фраза «по плоти» допускает и более широкое толкование. Она может включать все порочные помышления, не относящиеся к правильной цели. Таковы помышления, в коих царит самомнение, алчность, или какое-либо иное дурное чувство. Однако (на мой взгляд) здесь Павел говорит не об этом, но об одной лишь необдуманности, которая более чем свойственна намерениям обычных людей. Итак, думать по плоти – это не видеть в Боге своего вождя, но нестись вперед с дерзостью, которую Бог накажет и осмеет. И апостол, дабы очистить себя от таких подозрений, задает вопрос как бы от лица собственных противников. Откуда можно заключить, что нечестивые распространили о нем какую-то клевету.

Так что у меня «да, да». Некоторые связывают это предложение с предыдущим. Они толкуют слова так: в моей силе исполнить все, что я задумал. Подобно тому, как люди замысливают сделать все, что приходит им на ум, и планируют свой путь, хотя, как говорит Соломон (Прит.16:1), не могут обуздать даже собственного языка. Действительно, смысл как будто в том, что утвержденное однажды должно оставаться неизменным, а отрицаемое – никогда не произойти. Так и Иаков в 5 главе своего Послания, ст.12: да будет ваше да, да; а ваше нет, нет; дабы вам не впасть в притворство. Кроме того, имея в виду вышесказанное, это хорошо соответствовало бы контексту. Ибо советоваться с плотью означает желать, чтобы все наши намерения были подобны пророчествам. Однако такому толкованию противоречат следующие затем слова: верен Бог и т.д. И когда Павел хочет сказать, что был постоянен в своей проповеди, он употребляет тот же самый оборот. Было бы абсурдным, если бы он считал пороком, что его да – это да, а нет – это нет, и одновременно записывал это себе в похвалу. Я знаю, что можно на это ответить, если хочется пуститься в утонченные рассуждения. Но мне по душе лишь то, что ясно и несомненно. Посему не сомневаюсь: Павел имел здесь в виду непостоянство, хотя по виду его слова и значат противоположное. Он хотел отклонить клевету, что обещает на словах одно, а делает другое. Так что двойное утверждение и отрицание здесь значит не то же, что у Матфея (5:37) и Иакова. Смысл таков: то, что сейчас у меня «да, да» не может потом по моему желанию стать «нет, нет». Хотя, возможно, здесь мы встречаем пример невнимательности переписчиков, ибо древний переводчик не приводит повтора слов. Как бы то ни было, нам не подобает сильно беспокоиться об отдельных фразах. Лишь бы понять замысел апостола, который явствует из последующего.

18) *Верен Бог*. Из сказанного ясно, что термином «слово» здесь означает учение. Апостол говорит: его проповедь Сына Божия не была различной. Из того, что он всегда излагал одинаковое учение и никогда себе не противоречил, Павел хочет доказать собственную порядочность. Так он устраняет подозрение в легкомыслии и вероломстве. Довод о том, что постоянный в учении истинен в каждом своем слове, не полностью убедителен. Но поскольку Павел не придавал значения тому, что подумают о нем самом, и хотел лишь утвердить величие своего учения, он особенно обращает внимание коринфян на это обстоятельство. Павел дает понять, что добропорядочность, которую видели в его служении коринфяне, отличает всю его жизнь. Но, кажется, что отвержение клеветы апостол переносит со своего лица на свое учение. Павел не хотел, чтобы его апостольство косвенно подверглось упрекам, в ином случае он не стал бы беспокоиться о себе лично. Смотри, сколь усердно Павел занят отвержением наветов. Он приводит Бога в свидетели того, сколь искренней была его проповедь. Не уклончивой, не хитросплетенной, не сиюминутной. В своей клятве Павел соединяет истину Божию с истиной собственного учения. Он как бы говорит: сколь истинен и правдив Бог, столь же истинна и несомненна моя проповедь. И не удивительно. Ибо Слово Божие, по словам Исаии пребывающее вечно (Ис.40:8), есть не что иное, как проповедь миру пророков и апостолов. Так его трактует Петр (1Пет.1:25). Оттуда же и уверенность, с которой в Послании к Галатам Павел возвещает анафему самим ангелам, если те дерзнут противоречить его учению. Кто посмел бы подчинить своему учению небесных ангелов, если бы не имел на своей стороне Бога? Таковую же уверенность совести подобает иметь всем служителям, восходящим на кафедру, дабы вещать от имени Христа. Они должны знать: их учение нельзя ниспровергнуть так же, как нельзя сокрушить Бога.

19) *Ибо Сын Божий*. Доказательство: его проповедь содержала только одного Христа, вечную и неизменную истину Божию. Фраза «проповеданный нами» несет в себе ударение. Ведь может случиться и часто происходит так, что люди искажают и словно затуманивают образ Христов своими выдумками. Павел же отрицает, что он и его соратники повинны в этом грехе. Они искренне и с подобающей достоверностью проповедали Христа в чистом, незамутненном виде. Далее, не вполне ясно: почему Павел не упомянул Аполлоса, сказав о Тимофее и Силуане. Возможно, он особо хотел защитить лишь тех, кто подвергался особым нападкам нечестивых. Впрочем, Павел утверждает: все его учение состоит в простом познании Иисуса Христа, и в этом же заключается все Евангелие. Таким образом, уклоняются в сторону те, кто не учит одному лишь Христу, какой бы видимой мудростью они ни кичились. Ибо как Христос – конец закона, так Он и глава, итог и завершение всего духовного учения. Во-вторых, Павел хочет сказать, что его учение о Христе не уклончивое, не хитросплетенное, не принимает разные формы подобно Протею. Подобно тому, как некоторые, словно жонглируя, говорят то одно, то другое, торгуя своим остроумием. Одни, угождая людям, облачают слова в разные формы, другие сегодня отрицают то, что говорили вчера. Не так проповедовал Христа Павел, не так проповедует Его любой истинный апостол. Посему ложно выдают себя за служителей Христовых те, кто рисует Христа в разных цветах, смотря по тому, как им выгодно. Истинен лишь тот Христос, в Ком различимо постоянное и вечное «да», а это свойство Ему и приписывает Павел.

20) *Все обетования Божии*. Павел снова говорит о том, сколь твердой и неуклончивой должна быть проповедь о Христе. Ведь Христос – основание всех божественных обетований. Было бы более, чем абсурдно, если бы Тот, на Ком утверждаются все обетования Божии, шатался бы Сам. Хотя, как мы вскоре увидим, это положение всеобщее. Оно приспособлено к настоящим обстоятельствам для утверждения учения Павла. Павел рассуждает о Евангелии не в общем и целом, но имеет в виду именно свое Евангелие. Он как бы говорит: если обетования Божии тверды и неизменны, моя проповедь также должна быть твердой. Ведь она держит только Христа, в Котором утверждается все остальное. Этими словами Павел хочет только сказать,

что проповедал подлинное Евангелие, не испорченное никакими добавлениями. Уразумеем же общее учение: все обетования Божии основаны на одном Христе.

Это – выдающееся положение, один из главных артикулов нашей веры. Оно зависит от другого положения: только во Христе Бог Отец проявляет к нам милость. Обетования же – это свидетельства отеческого к нам благоволения. Итак, следует, что обетования исполняются только во Христе. Я называю обетования свидетельствами благодати Божией. Действительно, Бог благодворит и недостойным. Но там, где к Его благодеяниям добавлены обетования, – имеется особый случай. Там Бог объявляет Себя нашим Отцом. Кроме того, мы пригодны к восприятию обетований Божиих, только обретя отпущение грехов, получаемое во Христе. В третьих, обетование, по которому Бог усыновляет нас Себе, главнее всех прочих. Причина же и корень усыновления – Сам Иисус Христос. Ибо Бог – Отец только для членов и братьев Его Единородного Сына. Все проистекает из следующего принципа: вне Христа мы ненавистны, а не угодны Богу. Однако Бог потому обещает нам все обетованное, что любит нас. Посему не удивительно, если все обетования Божии действительны и утверждены во Христе, как учит этому Павел.

Но спрашивается: были ли эти обетования зыбкими и ненадежными до прихода Христа? Ведь, кажется, Павел говорит здесь о Христе, явленном во плоти. Отвечаю: все обетования, данные верующим от начала мира, основаны на Христе. Посему Моисей и пророки всякий раз, когда говорят о примирении с Богом, о надежде на спасение или о благодати, упоминают Христа. То есть, одновременно проповедают о Его приходе и царстве. Я утверждаю: в ветхом завете обетования благочестивым исполнялись постольку, поскольку это было нужным для их спасения. Но верно и то, что они находились в некоем подвешенном состоянии, покуда не пришел Христос, в Котором явилась прямая действительность обетований. Действительно, эти верующие так полагались на обетования, что основывали их истинность на явлении Посредника и к Нему относили всю свою надежду. Наконец, если кто подумает о плоде смерти и воскресения Христова, то легко поймет, сколь прочно запечатлены и утверждены в Нем божественные обетования, вне Его не имевшие бы никакой твердости.

И в Нем «аминь». Здесь греческие кодексы также между собой разногласят. Некоторые содержат единый контекст: все обетования Божии в Нем «да» и в Нем «аминь», ко славе Божией через нас. Однако иное чтение, которому я следовал, более удобно и лучше отражает смысл. Ранее Павел сказал, что во Христе Бог удостоверяет все Свои обетования. Теперь же он заявляет, что наш долг восхвалить это удостоверение. Это происходит тогда, когда, полагаясь на Христа с твердой верой, мы подписываемся под истинностью Божией. Как сказано у Иоанна (3:33). И это же служит божественной славе. Ведь именно к ней направлено все прочее (Еф.1:13; Рим.3:4). Признаю: иное чтение более распространено. Но поскольку оно выхолощено, я, не сомневаясь, предпочел ему свое, содержащее более полное учение. Кроме того, оно больше соответствует контексту. Павел напоминает коринфянам об их долге ответить собственным «аминь», после того, как в простоте научил их истине Божией. Если же кому тяжело отойти от другого чтения, его, тем не менее, непременно следует толковать как увещание к вероучительному и доктринальному согласию.

21. Утверждающий же нас с вами во Христе и помазавший нас есть Бог, 22. Который и запечатлел нас и дал залог Духа в сердца наши.

(21. Утверждающий же нас с вами во Христе и помазавший нас есть Бог, 22. Который и запечатлел нас и дал залог Духа в сердца наши.)

Бог всегда истинен и постоянен во всех Своих обетованиях. Он всегда повторяет нам Свое «аминь». Мы же, будучи суетны, отвечаем Ему «аминь» только тогда, когда Он твердым свидетельством подтверждает в наших сердцах Свое Слово. Делает Он это через Свой Дух, о чем и хочет сказать здесь Павел. Выше он уже учил: поскольку Бог призывает без раскаяния, мы и сами должны с неколебимой верой воспринять предложенную нам благодать усыновления. В том, что Бог остается твердым в Своем намерении, нет ничего удивительного, но чтобы вера наша была столь же твердой – это превышает способности человека. Павел учит, что Бог исцеляет нашу немощь и порок, когда, устраняя неверие Своим Духом, утверждает нас в истине. Так мы начинаем прославлять Его в твердом постоянстве веры. Павел красноречиво соединяет себя с коринфянами, дабы еще больше привлечь к себе их души для утверждения всеобщего единства.

21. Помазавший же нас. Разными словами апостол означает одну и ту же вещь. К утверждению он присовокупляет помазание и запечатление.¹ Или же этим двойным сравнением он иллюстрирует то, о чем ранее говорил прямо. Ведь Бог, изливая на нас небесную благодать Духа, таким образом запечатлевает в наших сердцах несомненность Своего Слова.² В четвертых, Павел заявляет, что Дух дан нам наподобие залога. Это часто употребляемое им сравнение вполне здесь уместно. Ведь Дух, свидетельствуя о нашем усыновлении, является поручителем, а, утверждая нашу веру, является σφραγίς, т.е. – печатью. Посему Он заслуженно зовется залогом, удостоверяя с обеих сторон завет Божий, который иначе оставался бы в некотором смысле неутвержденным.

¹ Когда Дух, будучи помазанием нашим, утверждает нас, и сие ...

² Божия.

Во-первых, стоит обратить внимание на отношение, которое Павел устанавливает между Евангелием Божиим и нашей верой. Как в высшей степени истинно все реченное Богом, так же он хочет, чтобы это утвердилось в наших душах с твердым и постоянным согласием. Кроме того, надо отметить: поскольку подобная уверенность превышает человеческие возможности, труд Святого Духа – внутренне утвердить нас в том, что Бог обещает в Своем Слове. Отсюда Дух носит следующие титулы: помазание, залог, Утешитель, печать. В-третьих, следует отметить: все, не имеющие Духа в качестве свидетеля, дабы ответить «аминь» Богу, призывающего к твердой надежде на спасение, ложно претендуют на звание христианина.

23. Бога призываю во свидетели на душу мою, что, щадя вас, я доселе не приходил в Коринф, 24. не потому что, будто мы берем власть над верою вашею; но мы споспешествуем радости вашей: ибо верою вы тверды.

(23. Бога призываю во свидетели на душу мою, что, щадя вас, я доселе не приходил в Коринф, 24. не потому что, будто мы господствуем над верою вашею; но мы – помощники радости вашей: ибо верою вы стоите.)

Глава 2

1. Итак я рассудил сам в себе не приходиться к вам опять с огорчением. 2. Ибо если я огорчаю вас, то кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною?

(1. Итак я рассудил сам в себе не приходиться к вам опять с огорчением. 2. Ибо если я огорчаю вас, то кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною?)

23) *Бога призываю.* Теперь Павел начинает объяснять, почему изменил свое намерение. Ведь до этого он только опровергал клевету. Говоря, что щадил коринфян, он, косвенно возлагая вину на них, утверждает: несправедливо, если он огорчается из-за их проступка. Но еще несправедливее, если они сами это терпят. Много хуже, если они соглашались со столь презренной клеветой, вместо себя возлагая вину за свой грех на невиновного. Таким вот образом Павел и щадил коринфян. Ведь, если бы он к ним пришел, то был бы вынужден попрекнуть их гораздо суровее. Он же предпочел не применять к ним горькое лекарство, дабы они сами образумились до его прихода. А это свидетельствует о доброте более чем отеческой. О какой великой милости говорило то, что, имея справедливую причину рассердиться, Павел решил не пользоваться этим поводом! К этому он присоединяет клятву, дабы не казалось, что он выдумывает что-то на ходу. Ведь и сам по себе этот вопрос заслуживал внимания, и Павлу было важно избавить себя от всякого подозрения в обмане и притворстве.

Есть два обстоятельства, делающих его клятву законной и благочестивой: основательная причина, и чувство, с которым она произносилась. Причина наличествует там, где не клянутся необдуманно. То есть, не по пустякам и маловажным вопросам, но лишь когда это подобает делать. Чувство же имеется тогда, когда стремятся не к личному благу, но к чести Божией и благу братьев. Всегда следует следить за тем, чтобы наши клятвы служили чести Божией и справедливому делу ближних. Отметим также и форму клятвы. Во-первых, в свидетели призывается Бог, затем – собственная душа Павла. Ведь мы прибегаем к Богу в сомнительных и неясных делах, где людям недостает знаний; прибегаем для того, дабы Он, будучи единственной истиной, засвидетельствовал истинность нашу. И тот, кто призывает в свидетели Бога, одновременно делает Его мстителем за свое возможное вероломство. Ибо это и означает фраза «на душу мою». Павел как бы говорит: не отказываюсь принять от Него и наказание, ежели лгу. Хотя данная оговорка не всегда выражена открыто, слова эти, тем не менее, всегда подразумеваются. Ведь, если мы оказываемся неверными, Бог все равно верен, и никогда от Себя не отречется. Итак, Бог не потерпит безнаказанной профанации Своего имени.

24) *Не потому, будто мы.* Павел упреждает возможное возражение. Кто-то сказал бы: Ага! Значит, на деле ты беспомощен и только по виду внушаешь страх! Но это не основательность христианского пастыря, а свирепость безумного тирана. Павел вначале отвечает на это возражение косвенно, отрицая, что дело обстоит именно так, а затем – прямо, показывая, что обойтись с ними суровее заставила его отеческая любовь. Отрицая, что господствует над их верою, Павел признает: это было бы нетерпимой и несправедливой властью, больше того, тиранией над Церковью. Потому что вера должна быть избавленной от людского ярма и самой свободной на свете. Отметим также, кто именно говорит эти слова. Ведь, если существуют какие-либо смертные, имеющие право на подобную власть, несомненно к ним принадлежит и Павел. Однако он заявляет, что такой власти у него нет. Посему мы заключаем, что вера признает только одно подчинение – Слову Божию, и никак не подвластна человеческому господству. По словам Эразма, если подразумевать в этом месте греческое слово *ἔνεκα*, смысл будет: «не потому, что мы господствуем над вами по причине веры». Этот смысл почти такой же, как предыдущий. Ибо Павел намекает: духовное господство принадлежит одному только Богу. Так что, всегда остается неизменным следующее положение: пасторы не обладают прямой властью над совестью, потому что они служители, а не господа. Что же Павел оставляет за собой и другими служителями? Он называет их помощниками в радости, под которой я понимаю здесь духовное счастье. При этом радость противопоставляется страху, который внушают своей жестокостью тираны и подобные им лжепророки, господствующие силой и принуждением, как сказано у Иезекииля (34:4). Павел же до-

казывает от противного, что ни в коем случае не царствует над коринфянами, но скорее стремится утвердить их в свободе, мире и полном счастье.

Верою вы тверды. Почему он добавляет эту фразу? Одни совершенно не могут это объяснить, а другие учат не достаточно ясно. Я снова считаю, что здесь содержится доказательство от противного. Если следствие веры – укрепление нас в стойкости, абсурдно было бы покорять веру людям. Так опровергается несправедливое господство, обвинение в котором апостол ранее с себя снял.

1) *Итак я рассудил.* Кто бы ни был человек, разделявший послание на главы, здесь он допустил явную ошибку. Ведь именно в этом месте апостол начинает объяснять, как именно он пощадил коринфян. Я рассудил, – говорит апостол, – больше не приходите к вам с огорчением. То есть, не давать моим приходом повода для вашего огорчения. Однажды он уже приходил к ним в своем послании, в котором остро их обличал. Итак, апостол, покуда коринфяне не образумились, решил не приходите к ним снова, чтобы не быть вынужденным снова их огорчать. Он предпочел дать им достаточное время на вразумление. Слово же **ἔκριξι** следует переводить в плюсквамперфекте. Ведь, объясняя свою задержку, Павел говорит здесь о прошлом намерении.

2) *Ибо если я огорчаю вас.* Доказательство предыдущего утверждения. Никто добровольно не хочет огорчаться. Павел же говорит: он столь сильно сострадает коринфянам, что не может радоваться, если они пребывают в печали. Более того, он называет их творцами и причиной своего собственного счастья. Но они не могли бы осчастливить его, если бы грустили сами. Если в пасторах царит подобное чувство, они не станут смущать страхом души тех, кого должны лелеять с радостью и теплом. Ведь именно отсюда происходит чрезмерная суровость, из-за которой мы не так, как подобает, радуемся спасению Церкви.

3. *Это самое и писал я вам, дабы, придя, не иметь огорчения от тех, о которых мне надлежало радоваться: ибо я во всех вас уверен, что моя радость есть радость и для всех вас.* 4. *От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам.* 5. *Если же кто огорчил, то не меня огорчил, но частью, – чтобы не сказать много, – и всех вас.*

(3. *Это самое и писал я вам, дабы, придя, не возыметь одного за другим огорчения от тех, о которых мне надлежало радоваться: ибо я во всех вас уверен, что моя радость есть радость и для всех вас.* 4. *От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я избыточно имею к вам.* 5. *Если же кто огорчил, то не меня огорчил, но отчасти, дабы мне не огорчат всех вас.*)

3) *Писал я вам.* Сказав ранее о том, что причиной его промедления было желание не причинять им заново скорбь и печаль, Павел учит: в первом послании он, действительно, приходил к ним в печали. Но делал это для того, чтобы, придя лично, больше не проявлять суровости. Посему им нет причин жаловаться на первую печаль, с помощью которой апостол желал им помочь. И не только это. Павел говорит: своим посланием он не хотел их огорчить или показать гнев, но, скорее, желал доказать свою заботу и любовь. Таким образом, если в его первом послании содержалась горечь, он не только смягчает ее, но и делает приятной. Однако впоследствии он утверждает как раз то самое, что отрицает в этом месте, и, кажется, сам себе противоречит. Отвечаю: здесь нет никакого противоречия. Ибо Павел не утверждает, что его конечной целью было огорчить коринфян, наоборот, он хотел привести их к истинной радости. Но здесь, прежде чем к этому перейти, он говорит лишь о своей цели, не упоминая о менее приятных средствах ее достижения.

Во всех вас уверен. Уверенность Павла в отношении коринфян должна вызвать у них взаимную уверенность в его благих намерениях. Ведь ненавидящий испытывает зависть. Там же, где присутствует общая радость, должна царить совершенная любовь. Если же коринфяне не соответствовали суждению и мнению о них Павла, они недостойно его обманывали.

4) *От великой скорби.* Еще одна причина смягчить суровость. Ведь нельзя терпеть тех, кто смеется над плачем других и доказывает этим свое жестокосердие. Павел же показывает совсем иное отношение. Великая скорбь, – говорит апостол, – отторгла из меня то, что я написал. Кто не извинит и не сочтет добрым то, что исходит от такого душевного настроения? Особенно если Павел печалился не из-за себя, но из-за них. Кроме того, он не изливает на них свою скорбь для того, чтобы, отяготив их, облегчиться самому, но, скорее, чтобы показать им свою любовь. По этой причине коринфянам не подобало обижаться на его суровые попреки. Апостол также говорит о своих слезах, которые в мужественном и сильном человеке свидетельствуют о непомерной скорби. Здесь мы видим, из какого душевного чувства проистекают благочестивые и святые попреки и обличения. Есть много крикливых попрекателей, которые, вопия и меча молнии на пороки других, изображают из себя великих ревнителей. При этом в душе они совершенно спокойны, так что упражняют лишь свою глотку и язык. Но благочестивому пастырю самому подобает восплакать, прежде чем вынудить к плачу других, самому помучиться в молчаливых раздумьях, прежде чем выказать гнев к другим, самому пострадать больше, чем заставляя страдать других. Отметим также слезы Павла. Они говорят об избытке его нежности, но эта нежность более героическая, чем железная суровость стоиков. Ибо чем нежнее чувства любви, тем более они похвальны. Наречие «избыточно» можно истолковать в сравнительном смысле. Тогда

оно служит молчаливым упреком коринфянам: они оказались не равными в этом состязании, потому что прохладно любят того, кто любит их от всего сердца. Но я понимаю это проще: этим увещанием Павел смягчает все, что в его словах может показаться суровым.

5) *Если же кто.* Третья причина смягчения суровости состоит в том, что Павел имеет общую с ними скорбь, и причина ее пришла извне. Мы, – говорит он, – страдаем равным образом. И виновен в этом некто третий. Хотя о нем Павел говорит весьма мягко «если же кто», не утверждая, но, скорее, сомневаясь. Далее, некоторые понимают это место так, словно Павел хотел сказать: Тот, кто огорчил меня, огорчил также и вас. Ибо вы должны страдать так же, как и я. Так что, не будет, чтобы мучился я один. Однако я не хочу говорить об этом прямо, чтобы *не огорчить всех вас.* Таким образом, вторая часть поправляет здесь первую. Но много лучше толкование Златоуста, читающего все в одном контексте: он огорчил не только меня, но и всех вас. Я же говорю «отчасти», и делаю это для того, чтобы сильно его не огорчать. Я не согласен со Златоустом только в отношении слова «отчасти». Я перевожу его как «некоторым образом». Знаю, что Амвросий понимает это как относящееся ко святым, поскольку Коринфская Церковь была тогда разделенной, но это звучит скорее утонченно, нежели убедительно.

6. Для такого довольно сего наказания от многих, 7. так что вам лучше уже простить его и утешить, дабы он не был поглощен чрезмерною печалью. 8. И потому прошу вас оказать ему любовь. 9. Ибо я для того и писал, чтобы узнать на опыте, во всем ли вы послушны. 10. А кого вы в чем прощаете, того и я; ибо и я, если в чем простил кого, простил для вас от лица Христова, 11. чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы.

(6. Для такого довольно сего наказания, происшедшего от многих, 7. так что вам лучше, наоборот, простить его и утешить, дабы такой не был поглощен чрезмерною печалью. 8. И потому прошу вас утвердить к нему любовь. 9. Ибо я для того и писал, чтобы узнать вашу испытанность: во всем ли вы послушны. 10. А кого вы в чем прощаете, того и я; ибо и я, если в чем простил кого, простил для вас перед Христом, 11. чтобы нами не завладел сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы.)

6) *Довольно.* Апостол некоторым образом выказывает мягкость к тому, кто согрешил паче прочих, и из-за кого он рассердился на всех, потворствовавших его преступлению. Оказав же снисхождение тому, кто более других подлежал наказанию, он ясно продемонстрировал коринфянам, сколь сильно чуждается чрезмерной строгости. Хотя он делает это не только ради коринфян, но и потому что сам добровольно был готов прощать. Так что коринфяне в такой готовности должны были признать его наивысшую человечность. Добавь, что апостол не только себя выставляет способным к прощению, но также увещевает других проявить к согрешившему нежность. Позже мы обсудим это несколько подробнее. Здесь идет речь о том, кто осквернил себя incestом с женою своего отца. Поскольку это преступление было нетерпимым, Павел повелел отлучить этого человека. Он также сурово попрекнул самих коринфян за то, что те столь долго своим терпением потакали этому преступлению. Из этого места явствует, что получивший упрек от Церкви образумился. Итак, Павел приказывает оказать ему милость и даже утешить. Надо обратить внимание на данное место. Апостол учит, с каким великодушием и милостью надо устраивать в Церкви дисциплину, дабы строгость не превысила положенные пределы. Строгость необходима для того, чтобы злые из-за безнаказанности (которую заслуженно зовут приманкой ко греху) не стали более дерзкими. Наоборот, поскольку есть опасность, что наказываемый впадет в отчаяние, необходимо проявлять меру. Дабы Церковь, как только узнает про его вразумление, готова была оказать ему милость. В этой части я хотел бы, чтобы древние епископы проявляли большее благоразумие. Их нельзя должным образом извинить, но, скорее, надо отметить их ошибку и впредь ее остерегаться. Павел для примирения грешника с Церковью довольствовался его вразумлением. Они же, не принимая во внимание вразумление, издавали каноны о трехлетнем, семилетнем и даже пожизненном покаянии. Этими канонами они отлучали несчастных людей от общения с Церковью. Но таким путем грешник или еще больше отчуждается от Церкви или впадает в лицемерие. Даже если бы это установление было само по себе добрым, для отвержения его мне достаточно только одной причины: оно отступает от правила Святого Духа, которое здесь предписывает апостол.

7) *Не был поглощен чрезмерной печалью.* Цель отлучения состоит в том, чтобы согрешившее лицо, смущаясь от осознания своего греха, смирилось перед Церковью и Богом, и с истинным неприятием и исповеданием своей вины молило о милости. Тот, кто до этого дошел, более нуждается в утешении, чем в попреках. Итак, если продолжать вести себя с ним сурово, это будет жестоким обхождением, а не дисциплиной. Надо тщательно остерегаться переходить эту грань. Ибо нет ничего опаснее, чем предоставлять сатане повод внушить грешнику отчаяние. А мы вооружаем сатану всякий раз, когда лишаем утешения тех, кто серьезно кается в своих прегрешениях.

9) *Для того и писал.* Апостол упреждает возможное возражение. Что же ты хочешь? Ведь ты сам яростно ополчился на нас за то, что мы не обращаем должного внимания на проступки грешника. И вот из сурового судьи ты неожиданно становишься его защитником. Разве это не признак человека, мнящегося в разные стороны под воздействием противоположных чувств? Такая мысль могла сильно повредить авторитету Павла. Однако он отвечает, что получил то, чего добивался. Посему он полностью доволен, считая, что надо

дать место и милосердию. Их мягкотелость исчезла. Посему ничто не мешало больше воздвигнуть поверженного и лежащего грешника подобающей кротостью.

10) *А кого вы в чем простили.* Чтобы легче подвигнуть коринфян к прощению, Павел присоединяет свой голос в его поддержку. Он как бы говорит: Не сомневайтесь прощать грешника. Я обещаю, что сочту законным все, сделанное вами. Я же подписываюсь под вашим прощением. Затем Павел говорит, что поступает так ради их пользы. Причем вполне искренне и от души. Он уже показал, сколь сильно хочет способствовать спасению человека, теперь же позволяет делать это и самим коринфянам. *Перед Христом.* Некоторые предпочитают относить это к лицу. Ведь Павел в этом примирении действовал от лица Христова и неким образом занимал Его место. Но мне кажется, что здесь он свидетельствует о своей искренности и честности. Обычно таким оборотом выражают чистую и непритворную прямоту. Если же кому больше нравится первый смысл, то следует отметить: Христос упомянут здесь потому, что имя Его больше других способно склонить нас к милости.

11) *Чтобы не сделал нам ущерба.* Это можно относить к тому, что я ранее сказал о чрезмерной печали. Ибо худшая уловка сатаны состоит в том, что, лишив всякого утешения, он толкает нас в пучину отчаяния. Так толкует это место Златоуст. Я же предпочитаю относить его к Павлу и коринфянам. Ибо им грозила двойная опасность от козней сатаны. Если бы они оказались слишком суровыми и неуступчивыми, или если бы между ними возник разлад. Ибо часто бывает так, что вместо исправительной ревности возникает фарисейская жестокость, больше убивающая, нежели исцеляющая несчастного грешника. Но Павел, на мой взгляд, больше говорит здесь о второй опасности. Ведь, если бы он неким образом не уступил желанию коринфян, сатана выиграл бы от возникшего между ними разногласия.

Ибо нам не безызвестны. То есть: мы, наученные Господом, знаем, что это дело его рук. Он не в силах прямо нас погубить и хочет заставить нас врасплох, выпрыгнув из засады. Итак, поскольку мы знаем, что он искушает нас со злым умением и науськивает тайными внушениями, тем более надо остерегаться потерпеть от него вред. Умыслы значат здесь то же, что у евреев פתג, но в отрицательном смысле, то есть: ухищрения и махинации, о которых верные не должны быть в неведении. И они, действительно, не будут, если предадут себя в управление Духа. В итоге, поскольку Бог учит нас, что сатана постоянно умышляет нас обхитрить, и также говорит, каким именно образом, нам надо остерегаться и не давать ему никакой лазейки.

12. *Придя в Троаду для благовествования о Христе, хотя мне и отверста была дверь Господом, 13. я не имел покоя духу моему, потому что не нашел там брата моего Тита; но, простившись с ними, я пошел в Македонию. 14. Но благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте. 15. Ибо мы Христово благоухание Богу в спасаемых и погибающих: 16. для одних запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь. И кто способен к сему? 17. Ибо мы не повреждаем слова Божия, как многие, но проповедуем искренно, как от Бога, пред Богом, во Христе.*

(12. *Придя в Троаду для благовествования о Христе, хотя мне и отверста была дверь Господом, 13. я не имел покоя духу моему, потому что не нашел там брата моего Тита; но, простившись с ними, я пошел в Македонию. 14. Но благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе и благоухание познания Его распространяет нами во всяком месте. 15. Ибо мы Христово благоухание Богу в спасаемых и погибающих: 16. для одних запах смерти на смерть, а для других запах жизни на жизнь. И кто способен к сему? 17. Ибо мы не искатели слова Божия, как многие, но как бы искренно, как от Бога, пред Богом, вещаем во Христе.)*

12) *Придя в Троаду.* Теперь апостол, упомянув о том, что сделал за это время, где был, каким путем шел, все больше и больше подтверждает сказанное ранее о своем приходе к коринфянам. Он говорит, что пришел в Троаду из Ефеса ради Евангелия. Ибо идущему в Ахаию не надо проходить через Троаду, если только он не желает побывать в Македонии. Но, не найдя там Тита, посланного к коринфянам, от которого должен был узнать о положении тамошней церкви, он, хотя и мог воспользоваться случаем и принести пользу, тем не менее, отложив все, отправился искать Тита в Македонию. Это – особое свидетельство его любви к коринфянам. Он настолько о них заботился, что, не получая от них известий, нигде не мог обрести душевный покой. Даже тогда, когда надеялся на успех в других провинциях. Отсюда явствует, почему Павел отлагал свой приход. Он не хотел приходить, не поговорив прежде с Титом. Затем, из сообщения Тита он понял, что время для встречи еще не пришло. Итак, очевидно: Павел настолько любил коринфян, что все свои путешествия и поступки приспособлял к делу их спасения. Потому он и пришел к ним позднее, чем обещал. Не забыв о данной обещании, не изменив совета, и не впав в легкомыслие, – но потому, что промедление могло пойти им на пользу.

И отверста дверь Господом. Об этой метафоре сказано в последней главе предыдущего послания. Она означает предоставление возможности для проповеди Евангелия. Как по отворении двери открывается вход, так и слуги Господни идут вперед, если им предоставляется возможность. Закрывается же дверь тем, где не видно никакой надежды принести плод. После закрытия двери подобает скорее избрать иной путь, чем, шествуя прежним, напрасно утруждать себя бесполезным занятием. Там же, где появляется возможность називать

дания, мы должны считать, что Господь Своей рукою открывает нам дверь. Открывает, дабы мы принесли туда Христа. Не будем же отказывать в повиновении столь благому приглашению Божию. Однако Павел, кажется, согрешил в том, что, пренебрегши настоящей возможностью (по крайней мере, упустив ее), удалился в Македонию. Разве не надо было скорее заниматься тем, что было под рукою, а не внезапно, после начала работы, переходить к другому занятию. Мы ведь уже сказали, что открытие двери – наивернейшее свидетельство божественного призвания. Отвечаю: Павел был привязан не к одной церкви, но сразу ко многим. Он был не должен, заботясь в настоящем о какой-то одной, забывать о прочих. Кроме того, чем больше он был связан с церковью в Коринфе, тем более был склонен ей помочь. Посему следует думать, что Павел справедливо испытывал особую любовь именно к той церкви, которую сам же и основал. И сегодня наша обязанность – служить всей Церкви и заботиться обо всем ее теле. Однако каждый более прочными и священными узами привязан к собственной церкви, в которой служит лично. Дела у коринфян обстояли весьма плохо, и Павел чрезвычайно беспокоился об их будущем. Потому не удивительно, если, ведомый этим беспокойством, он упустил возможность, которой иначе бы непременно воспользовался. Ведь его не хватало на то, чтобы одновременно заниматься всем. Хотя не похоже, чтобы он удалился из Троицы, не оставив кого-то вместо себя в том месте, где ему была отверста дверь.

14) *Благодарение Богу*. Здесь апостол снова хвалится успехом своего служения. Он говорит, что не бездействовал нигде, где ему случалось побывать. Однако, дабы говорить об этом без зависти, он начинает с благодарения, которое потом повторит еще раз. Он превозносит содеянное им, не надмеаясь, не возвышая самого себя. Непритворно благодарит он Бога, подобно Фарисею, одновременно распираемый гордыней. Но от души желает он признать все достойное похвалы делом одного лишь Бога, дабы возвыситься только Его силой. Павел говорит о своей славе ради коринфян, дабы они, услышав, с какой пользой он служит Господу, не потеряли, чтобы труд его оказался у них бесплодным, и научились уважать того, чье служение Бог соделал везде столь славным и плодоносным. Также не подобает упускать из виду то, как величественно Павел славит Господа. Ибо для коринфян вреднее всего было плохо думать об апостольстве и учении Павла, и, наоборот, полезнее всего для них было почтительно их принять. Многие начали презирать Павла, посему он не должен был об этом умалчивать. Добавь, что апостол святую похвалу противопоставляет поношению со стороны нечестивых.

Всегда дает нам торжествовать. Если перевести слово в слово, будет так: Который превозносит нас в торжестве. Но Павел имеет в виду нечто иное, – не то, что означает эта латинская фраза. Говорится, что торжествуют те пленники, которых с позором, связанных, влекут перед колесницей победителя. Павел же имеет в виду, что участвует в том триумфе, которым торжествует Бог. Это торжество он обрел своими трудами. Подобно тому, как легаты сопровождают колесницу полководца, сидя на лошадях и будучи участниками его славы. Значит, как все служители благовестия воинствуют под водительством Божиим, так же все они обретают победу и славу. Однако каждый участвует в триумфе в зависимости от присвоенного Богом звания и от приложенного усердия. Так они все празднуют победу, но, скорее, Бога, нежели свою. Павел добавляет, что это делается во Христе, в лице Которого торжествует Сам Бог, передавший Ему всю славу Царства. Если же кто захочет перевести: Который торжествует через нас, – то смысл и тогда будет вполне подходящим.

Благоухание познания. Триумф состоял в том, что Бог величественно и властно трудился через Павла.³ Он наполнял мир спасительным благоуханием Своей благодати, когда учением его приводил некоторых ко Христу. Образ благоухания – весьма обычная метафора, ей выражается как приятная сладость Евангелия, так и его действенность в даровании жизни. Между тем, Павел учит: его проповедь до того благоуханна, что животворит души одним лишь своим запахом. Отсюда мы узнаем: в благовестии преуспевают лишь те, кто стремится к нему, возбуждаемый приятным Христовым благоуханием и прощаясь при этом с прелестями мира. Павел говорит: «во всяком месте». Этим он хочет сказать, что везде приносил плод. И где бы ни появлялся, всюду была видна польза. Коринфяне уже знали, в сколь многих местах он посеял Христово Евангелие, теперь же он говорит, что последующие его дела вполне соответствуют первым.

15) *Христово благоухание*. Метафору, которой ранее обозначал познание Христа, Павел на том же основании прилагает теперь к личности апостолов. Подобно тому, как они зовутся светом мира, поскольку просвещают людей, неся факел благовестия. Не потому что сияют собственным блеском, не потому что источают из себя собственное благоухание, но потому что учение, которое они несут, благоуханно и сладостью своею напояет весь мир. Действительно, этот титул относится ко всем евангельским служителям. Везде, где проповедь Евангелия чиста и незамутнена, обнаруживается сила благоухания, о которой говорит Павел. Нет сомнения, что в особенности он имеет в виду себя и себе подобных, обращая себе в похвалу то, что хулители ставили в упрек. Они поносили Павла за то, что многие на него нападали и его ненавидели. Итак, Павел отвечает: верные и искренние служители Евангелия приятно благоухают перед Богом, и не только тогда, когда животворят души спасительным запахом, но даже тогда, когда приносят неверующим смерть. Посему Евангелие не следует из-за этого принижать. И то, и другое, – говорит Павел, – приятное благоухание Богу. И запах, коим избранные возрождаются во спасение, и запах, коим отверженные влекуются на

³ по благодати

смерть. Замечательное место, научающее нас, что каков бы ни был результат нашей проповеди, Богу все равно угодно проповедовать Евангелие и приятно наше служение. И достоинству благовестия не мешает то, что не всем оно приносит пользу. Ведь Бог также прославляется, способствуя гибели отверженных. Посему так и должно происходить. Если же для Бога это приятное благоухание, то таким же оно должно быть и для нас. То есть, нам не подобает смущаться, если проповедь Евангелия спасительна не для всех. Скорее мы должны думать, что ему вполне подобает во славу Божию способствовать гибели отверженных.

Однако, если для мира провозвестники Евангелия и пахнут дурно, потому что успешны не во всем, у них все равно имеется великое утешение. Ведь для Бога они источают сладкое благоухание, и их зловоние для мира – для Бога и ангелов приятный чарующий запах. Слово «благоухание» несет в себе ударение. Павел как бы говорит: сила Евангелия столь огромна в обоих отношениях, что оно животворит или убивает не только своим вкусом, но и самим запахом. Что бы ни произошло, оно проповедуется не напрасно, потому что действительно или в жизнь, или в смерть. Но спрашивается: как согласуется это с природой Евангелия, которую немного ниже Павел зовет служением жизни? Ответ весьма прост. То, что Евангелие проповедуется во спасение, отвечает его сущности, но в спасении этом участвуют только верующие. Между тем, неверующим оно дает повод для погибели, что происходит по их вине. Так и Христос не пришел в мир, чтобы его осудить. И зачем это было делать, если вне Его мы и так все осуждены? Однако апостолов Христос послал не только для разрешения, но и для связывания, не только для отпущения грехов, но и для их удержания. Христос – свет миру, но неверующие от него слепнут. Христос – краеугольный камень, но для многих Он камень преткновения. Итак, всегда надобно отличать основное служение Евангелия от (так сказать) привходящего, за которое надо винить человеческую порочность. Потому и происходит, что жизнь для людей может обратиться в смерть.

16) *И кто способен.* Это восклицание некоторым кажется вставленным с целью устранения гордыни. Павел признает, что быть верным апостолом Христовым превосходит человеческие силы. Посему хвалу за это он приписывает Богу. Другие думают, что Павел имеет в виду малочисленность добрых служителей. Я же разумею здесь скрытое противопоставление, которое сразу же после выражается более явно. Павел как бы говорит: подобное признание обычно, и многие на него претендуют. Но свидетельствовать еще и делами – редкая и особая добродетель. Я присваиваю себе лишь то, что могу, если потребуется, подтвердить своими делами. Итак, те, кому учительское служение маловажно, присваивают себе разные титулы. Павел же, отстаивая свое превосходство, отделяет себя от их числа, от числа тех, в ком не заметно никакой духовной добродетели.

17) *Ибо мы не повреждаем.* Павел открыто противопоставляет себя лжеапостолам, причем делает это ради усиления смысла. Одновременно он лишает их той славы, которую присваивает себе. Я, – говорит он, – заслуженно превозношу свое апостольство. Я не боюсь, что меня обвинят в самомнении, если исследуют мои дела. Но многие ложно претендуют на то же, не обладая ни чем из того, чем обладаю я. Они искажают слово Господне, которое я преподаю с великой верой и искренностью ради назидания Церкви. Впрочем, мне кажется невероятным, что превозносящиеся открыто проповедовали нечестивые и ложные учения. Скорее я думаю, что они ради прибытка и самомнения исказили правильное употребление учения и лишили его всякой силы. Это апостол и называет словом «извращать». Эразм переводит это как «барышничать». По-гречески слово *καπηλεύειν* происходит от маленьких трактиров, где принято было расхваливать товар, чтобы продать его в большем количестве. Я не знаю, в этом ли, или в другом смысле латиняне используют слово «барышничать». Но из второй части очевидно, что Павел имел в виду искажение учения. И не ради отхода от истины, но для того, чтобы предложить его в выгодном виде, а не в подлинной чистоте. Ибо учение Божие искажается двояким образом: прямо – когда, примешанное ко лжи и обману, оно больше не является чистым и подлинным божественным учением, но ложно и за него выдается; и косвенно – когда, сохранив чистоту, оно склоняется в ту или иную сторону ради угождения людям, искажаясь недостойными увертками для сникания их благоволения. Подобно этому есть много людей, в чьем учении нет никакого нечестия. Но поскольку они охотятся за похвалой мира, торгуя своими способностями, обходят неудобные места, стремятся к гнусному барышу, и желают любым способом понравиться, – они искажают учение, которым злоупотребляют, заставляя его служить своей порочной похоти. Я охотно сохранил слово «искажать», поскольку оно лучше выражает, что происходит со всеми играющими со священным Словом Божиим и изменяющими его по своей прихоти. Таковые неизбежно отойдут от истины и станут проповедовать некое вымышленное, неподлинное Евангелие.

Но проповедуем искренно (но как бы искренно). Вставка «как бы» здесь, как и во многих местах, излишня. Искажение, о котором идет речь, апостол противопоставляет искренности, относящейся либо к форме его проповеди, либо к душевному чувству. Мне кажется более вероятным второе. Кроме того, Павел говорит о верном и благочестивом домостроительстве. Ведь Евангелие, врученное от Бога, Павел добросовестно передает Церкви как бы из рук в руки. В-третьих, апостол имеет в виду ощущение божественного присутствия. Ведь обладающий тремя нижеследующими добродетелями не будет пытаться исказить Слово Божие. Во-первых, мы должны руководствоваться ревностью по Богу, во-вторых, помнить, что являемся Его представителями, и говорим, лишь то, что от Него исходит, а в-третьих, должны знать, что делаем все в Его присут-

ствии, и научиться верить все Его суду. Фраза «во Христе» означает «согласно Христу». Перевод же Эразма – «через Христа» далек от мысли апостола.

Глава 3

1. Неужели нам снова знакомиться с вами? Неужели нужны для нас, как для некоторых, одобрительные письма к вам или от вас? 2. Вы – наше письмо, написанное в сердцах наших, узнаваемое и читаемое всеми человеками; 3. вы показываете собою, что вы – письмо Христово, через служение наше написанное не чернилами, но Духом Бога живаго, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца.

(1. Начнем ли мы снова себя представлять? Неужели нужны для нас, как для некоторых, одобрительные письма к вам, или одобрительные от вас? 2. Вы – наше письмо, написанное в сердцах наших, узнаваемое и читаемое всеми человеками; 3. ведь ясно, что вы – письмо Христово, через служение наше написанное не чернилами, но Духом Бога живаго, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца.)

1) *Неужели.* Кажется, Павлу ставили в вину, что он чрезмерно восхвалял свои дела. Так говорили те, кому было горестно, что слава его подавляет их жалкие притязания. Уже после первого послания они (на мой взгляд) стали порицать апостола за неумеренность в собственных похвалах. «Представлять» означает здесь впустую превозноситься, или из-за самомнения перечислять свои заслуги. Клеветущие на Павла хватались за то, что проповедовать собственную славу само по себе постыдно и нелепо. Но Павла извиняла необходимость. Ведь он хвалился вынужденно. Так что цель апостола освобождала его от всякой клеветы. Он стремился только к тому, чтобы достоинство его апостольства оставалось прочным ради назидания Церкви. Если бы от этого не уменьшалась честь Христова, Павел легко промолчал бы и не препятствовал собственному принижению. Кроме того, он видел, что преуменьшение его авторитета сильно вредит самим коринфянам. Итак, Павел упоминает о клевете на самого себя, давая понять, что знает, какие среди них ходят разговоры.

Неужели нужны для нас. Ответ скорее адресован слушателям, чем относится к существу дела. Хотя затем Павел достаточно об этом скажет. Теперь же он обличает злобу тех, кому неприятно, что он, будучи вынуждаем ими самими, упоминает о данной ему благодати Божией, хотя сами они старались ото всех получить письма, наполненные льстивыми похвалами. Апостол отрицает, что заботится о словесном одобрении других. Напротив, его хвалят сами его дела. Он показывает, сколь суетно стремление к славе в людях, опирающихся на свидетельства других. Таким вот образом, изящно и уместно, Павел опровергает их клевету. Однако отсюда нельзя сделать вывод, что получать рекомендательные письма, если делать это для добрых целей, – само по себе плохо. Ведь и сам Павел многим писал рекомендательные письма, чего не делал бы, будь это чем-то недозволенным. Однако здесь требуется соблюсти два условия: рекомендация должна содержать в себе не лесть, но правдивое свидетельство; кроме того, она дается не ради продвижения человека, но для созидания царства Христова. Поэтому, как я сказал, Павел имел здесь в виду исключительно своих клеветников.

2) *Вы – наше письмо.* Павел вполне умышленно помещает свою славу в спасении коринфян. Он как бы говорит: покуда вы остаетесь христианами, мне вполне достаточно этой рекомендации; ибо ваша вера сама меня проповедует, будучи печатью моего апостольства. Говоря же: «написанное в сердцах ваших», Павел, возможно, имеет в виду Силуана и Тимофея. Тогда смысл будет следующим: мы довольствуемся той славой, которая на деле нам принадлежит; людские рекомендации впечатляют людей, но наша восседает в самой совести. Его слова также могут относиться к коринфянам в следующем смысле: просящие рекомендательных писем не имеют в совести то, что записано в свитке. И те, кто рекомендует других, делают это скорее по милости, нежели по здравому суду. Мы же с обеих сторон имеем начертанное в сердцах свидетельство своего апостольства.

Узнаваемое. Вследствие неоднозначного смысла слова *ἀναγινώσκειν* можно прочесть и так: которое узнается и признается. Я не знаю точно, как лучше здесь перевести. Однако не хочу отходить без нужды от общепринятого перевода. Пусть читатель сам подумает о том, какой вариант лучше. Если мы читаем «признавать», будет присутствовать скрытый антитезис между догадками и ясным, прозрачным посланием веры. Действительно, следующая фраза больше склоняет именно к такому толкованию. Ведь послание Христово всегда противопоставляется ложным, вымышленным свидетельствам.

3) *Вы – письмо Христово.* Продолжая использовать свою метафору, Павел говорит, что послание написано Самим Христом. Ведь вера коринфян была именно делом Христовым. Он также говорит, что сам написал это письмо, словно играя роль чернил и пишущей трости. В конце концов, автором он делает Христа, а себя – Его орудием, дабы клеветники поняли: продолжая злобно его поносить, они имеют дело с Самим Спасителем. То, что за этим следует, помещено для увеличения авторитетности его послания. Кроме того, Павел проводит сравнение между законом и Евангелием. Ибо, как мы увидим, пользуясь поводом, он немного позже перейдет к этой теме. Противопоставление чернил и Духа, камня и сердца, весьма способствует подчеркиванию смысла. Ведь Павел более выразителен, когда противопоставляет чернила Духу Божию, и камень – сердцу, чем если бы просто упомянул про сердце и Дух.

Не на скрижалях каменных. Павел намекает на обетования, содержащиеся в Иер.31:31 и Иез.37:26, о благодати Нового Завета. Заключу, – говорит, – с ними новый завет, не такой, какой заключил с их отцами. Но напишу на их сердцах законы Мои и запечатлею их во внутренностях их. А также: уберу от тебя сердце каменное, и дам тебе сердце плотяное, дабы ходил ты в заповедях Моих. Сие благословение, – говорит Павел, – и исполнилось в его проповеди. Откуда явствует: он – верный слугитель Нового Завета. А это – законное подтверждение его апостольства. Эпитет «плотяной» означает здесь не что-то плохое, но мягкое и податливое. Ведь он противопоставляется каменному, то есть – жесткому и упорному. Таково от природы сердце человека, доколе его не покорит Дух Божий.

4. Таковую уверенность мы имеем в Боге через Христа, 5. не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя, но способность наша от Бога, 6. Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит. 7. Если же служение смертоносным буквам, начертанное на камнях, было так славно, что сыны Израилевы не могли смотреть на лице Моисеево по причине славы лица его преходящей, – 8. то не гораздо ли более должно быть славно служение духа? 9. Ибо если служение осуждения славно, то тем паче изобилует славою служение оправдания. 10. То прославленное даже не оказывается славным с сей стороны, по причине преимущественной славы последующего. 11. Ибо, если преходящее славно, тем более славно пребывающее.

(4. Таковую уверенность мы имеем к Богу через Христа, 5. не потому, чтобы мы сами пригодны были помыслить что от себя, как от себя, но способность наша от Бога, 6. Который дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит. 7. Если же служение смертоносным буквам, начертанное на камнях, было в славе, так что сыны Израилевы не могли смотреть на лице Моисеево по причине славы лица его преходящей, – 8. то не гораздо ли более должно быть во славе служение духа? 9. Ибо если служение осуждения – слава, то как, тем паче, не изобилует во славе служение оправдания. 10. То прославленное даже не оказывается славным с сей стороны, по причине преимущественной славы. 11. Ибо, если преходящее во славе, тем более пребывающее во славе будет.)

4) *Таковую уверенность.* Поскольку похвала Павла своего апостольства была величественной, то, дабы не казалось, что он себя проповедует более должного, Павел всю славу отдает Господу, от Которого, по его словам, ему дано все, что он имеет. Этим превозношением, – говорит апостол, – я больше превозношу Бога, чем самого себя. Бога, благодатью Которого есмь то, что есмь. И по привычке своей добавляет «через Христа», ибо Он как бы канал, по которому ко всем нам текут всевозможные божественные благодеяния.

5) *Не потому, чтобы мы сами способны.* Непритворная скромность – лишать себя всего, что имеешь. Нет, Павел говорит то, что думает, от чистого сердца. Мы видим, что он ничего не оставляет самому человеку. Ведь размышление – наименьшее из добрых дел, ему не положена ни первичная, ни вторичная похвала. Однако даже этого апостол не оставляет за нами. И поскольку размышлять – это меньше, чем хотеть, сколь сильно безумствуют те, кто приписывает себе правую волю, хотя Павел не приписывает им даже правых помышлений? Паписты впали в заблуждение из-за слова «достаточность», помещенного древним переводчиком. Они думают, что выкрутятся, если скажут: человек не способен порождать добрые мысли. Между тем они приписывают ему правое разумение ума, которому Бог немного помогает, и которое что-то от себя может. Павел же отказывает человеку не только в *αὐτάρκειαν*, но и в *ἰκανότητα*, которое означает то же, что и «пригодность», если бы так говорили латиняне. Итак, он самым выразительным образом лишает человека всяческого добра.

6) *Он дал нам способность.* Ранее Павел признал, что сам по себе ни на что не годен, теперь же провозглашает, что благодать Божия сделала его пригодным к служению, на которое раньше он был неспособен. Отсюда выводится величие и трудность сего служения. Ведь никто не может на него заступить, если ранее не подготовлен и не научен Богом. Цель апостола состояла и в том, чтобы превознести достоинство Евангелия. Нет сомнения, что Павел также обуздывает притязания тех, кто величественно превозносил свои дарования, не будучи наделен даже каплей небесной благодати.

Не буквы, но духа. Теперь он переходит к сравнению закона и Евангелия, о котором упомянул раньше. Но не ясно, что его на это подвигло. То ли, что в Коринфе жили превратные ревнители закона, или же какая-то иная причина. Я же, поскольку не вижу прочных доказательств, скорее считаю, что именно лжеапостолы смешали в Коринфе закон с Евангелием. Ведь Павел имел дело с бездушными демагогами, добивавшимися признания одной только болтовней. Он видел, что слух коринфян притупила подобная показуха, и хотел показать им, какова главная сила Евангелия и главная похвала его служителей. Он помещает эту силу в действительности Духа. Для доказательства весьма пригодились сравнение Евангелия с законом. В этом я и вижу причину, почему Павел перешел к данному сравнению. Кроме того, несомненно, что под буквой он понимает ветхий завет, а под духом – само Евангелие. Ведь сказав, что он слугитель Нового Завета, Павел в качестве пояснения добавляет: он слугитель Духа, и противопоставляет Дух букве. Теперь надобно понять, почему он использует такие слова. Широко распространено измышление Оригена, что под буквой следует понимать грамматический и подлинный смысл Писания (называемый буквальным), а под духом – смысл аллегорический, обычно называемый духовным. Посему в течение столетий было общепринятым мнение, что Павел дает здесь ключ к аллегорическому толкованию Писания. Однако это совершенно чуждо подлинного

смысла его слов. Ведь под буквой он подразумевает внешнюю проповедь, не затрагивающую сердце, а под духом – живое учение, действительно работающее в сердцах через духовную благодать. Итак, буква означает то же, что буквальная проповедь, то есть проповедь мертвая и недействительная, воспринимаемая только слухом. А Дух есть духовное учение, то есть, не только провозглашаемое устами, но и действительно проникающее в души своим живым смыслом. Павел намекает на недавно процитированное место из Иеремии, где Господь заявляет: Его закон был провозглашен словами, и время его длилось недолго, потому что народ не принял его сердцем. Но Бог обещает Духа возрождения в царстве Христовом, Который напишет Свое Евангелие, то есть – Новый Завет, в людских сердцах. И вот Павел хвалится, что исполнение сего пророчества явлено в его проповеди, дабы коринфяне поняли, сколь пусто красноречие балагуров, разглагольствующих без действия Духа.

Однако спрашивается, разве Бог в ветхом завете говорил только внешним образом, разве Он не говорил внутренне через Дух в сердцах благочестивых? Отвечаю на первый вопрос: Павел рассматривает здесь то, что свойственно закону. Ибо, хотя Бог и тогда действовал через Свой Дух, это было не от служения Моисея, но от Христовой благодати. Подобно этому и у Иоанна (1:17) сказано: закон – через Моисея, благодать же и истина – через Иисуса Христа. Действительно, благодать Божия не бездействовала все это время. Но достаточно и того, что она не была прямым благодеянием закона. Ведь Моисей исполнял свое служение, когда передавал учение жизни с добавлением обетований и угроз. По этой причине Павел зовет закон буквой. Ибо сам по себе он – мертвая проповедь. Евангелие же – это дух, поскольку служение его живое и даже животворящее. На второй вопрос отвечаю так: здесь не просто говорится о законе и Евангелии, но говорится в том смысле, в каком одно противопоставлено другому. Ведь и Евангелие не всегда является духом. Но там, где одно сравнивается с другим, истинно говорится: природа закона – учить людей букве, так что она не проникает дальше их слуха. А природа Евангелия – учить духовно, ведь оно – орудие Христовой благодати. Это зависит от установления Божия, Который восхотел, чтобы действенность Духа больше проявлялась в Евангелии, чем в законе. Ибо только Он может действительно учить людские души.

Далее, то, что Павел зовет служением Духа, не подразумевает, что благодать Святого Духа и Его сила привязана к проповеди. Будто по человеческому хотению из уст вместе со словом исходит и Дух. Павел лишь хотел прославить Христа своим служением и исполнить то, что ранее говорилось о Евангелии. Одно дело, когда Христос соединяет с человеческим учением Свою силу; другое дело, когда человеческое учение сильно само по себе. Итак, мы служители Духа не потому, что содержим Его заключенным внутри нас в качестве пленника. Не потому, что по желанию посылаем Его благодать всем, или тем, кому захотим. Но потому, что Христос просвещает через нас умы людей, обновляет сердца и возрождает всего человека. Такое соединение благодати Христовой с человеческим трудом приводит к тому, что служителю часто приписывается труд, принадлежащий одному Господу. Ведь в этом случае имеется в виду не отдельный человек и его персона, но все евангельское устройство, состоящее как в тайной силе Христовой, так и во внешнем человеческом труде.

Буква убивает. Это место вначале искажил Ориген, а затем и другие толкователи. Они придали ему превратный смысл. Отсюда последовало весьма опасное заблуждение: люди подумали, что чтение Писания не только напрасно, но и вредно, если не привлекаются различные аллегории. Это заблуждение было источником многих зол. Не только появилась вседозволенность в искажении подлинного библейского смысла, но чем более дерзким кто-то оказывался в этой разнузданности, тем более выдающим толкователем он считался. Таким образом, многие из древних играли со священным Словом Божиим, как с детским мячом. По этому случаю и с еретиков была снята узда, препятствующая смущать Церковь. Ведь, когда вошло в привычку из чего угодно делать что угодно, не осталось такого бреда и безумия, который нельзя было бы выдать за какую-нибудь аллегорию. Даже благочестивые, обманувшись сладостью аллегории, поддались на уловку и выдумали множество превратных мнений. Смысл же сего места таков: Слово Божие является причиной смерти, если произносится одними устами. Оно животворно лишь тогда, когда воспринимается сердцем. Итак, слова «буква» и «дух» не относятся здесь к толкованию, но только к силе и плоду учения. Но почему зовется смертоносным то учение, которое возбуждает слух и не затрагивает сердце, – это мы вскоре увидим.

7) *Если же служение смерти.* Апостол возвышает достоинство Евангелия, пользуясь тем, что Бог оказал великое почтение закону. Но по сравнению с Евангелием закон – ничто. Закон был подтвержден многочисленными чудесами, но здесь Павел говорит лишь об одном. А именно: о том, что лицо Моисея сияло блеском, затмевавшем взор у всех присутствующих. Это сияние было символом славы закона. Затем апостол аргументирует от меньшего к большему и говорит, что слава Евангелия должна проявиться еще ярче. Ведь Евангелие много превосходит закон. Во-первых, Павел называет закон служением смерти. Во-вторых, говорит, что учение его начертано чернилами и простыми буквами. В-третьих, оно было начертано на каменных скрижалях. В-четвертых, оно не должно было длиться вечно, но было временным и преходящим. В-пятых, он снова зовет его служением осуждения. Дабы антитезис был полным, он должен был во всех этих моментах противопоставить закону Евангелие. Однако Павел называет его только служением духа и праведности, пребывающем вечно. Если смотреть на слова, сравнение здесь не полно. Ибо Павел ранее сказал, что дух животворит, а затем, что для Духа роль камней играют сердца, а роль чернил – человеческая воля. Теперь давайте коротко рассмотрим эти атрибуты закона и Евангелия. Но будем помнить: Павел говорит не обо

всем учению, содержащемся в законе и пророках, и не имеет в виду то, что происходило с отцами во времена ветхого завета. Он только указывает на то, что в собственном смысле соответствовало служению Моисея. Закон был начертан на каменных скрижалях. Поэтому его учение было буквальным. В этом месте недостаток закона исправлен Евангелием. Ведь учение непременно останется зыбким, покуда начертано только на камне. Итак, Евангелие есть святой и нерушимый завет, поскольку заключено при посредничестве Духа Божия.

Отсюда также следует, что закон был служением осуждения и смерти. Ведь, там, где людей учат об их долге, и они слышат, что все не удовлетворяющие Божией праведности прокляты, люди остаются повинными греху и смерти. Итак, от закона они не получают ничего, кроме осуждения, поскольку в нем Бог требует того, что Ему положено воздавать, но не дает способности это исполнить. Евангелие же, возрождающее людей и примиряющее их с Богом через благодатное прощение грехов, есть служение праведности, и посему, служение жизни.

Однако здесь возникает вопрос: если Евангелие для некоторых есть запах смерти на смерть, а Христос является камнем соблазна и скалой преткновения, положенной для падения многих, почему Павел одному закону приписывает то, что свойственно не только ему, но и Евангелию. Можно ответить, что Евангелие случайно становится причиной смерти, и потому оно скорее повод, а не причина, будучи по природе спасительным для всех. Но трудность не будет разрешена полностью. Ведь и о законе можно сказать то же самое. Мы слышали, что засвидетельствовал Моисей народу, а именно, что он предложил им жизнь и смерть (Втор.30:15). Мы знаем, что сам Павел писал в Послании к Римлянам 7:10: закон принес нам смерть не по своей вине, но по нашей порочности. Итак, поскольку приносить осуждение людям привходяще как для закона, так и для Евангелия, вопрос остается нерешенным. Отвечаю: все это не мешает тому, чтобы между законом и Евангелием была большая разница. Хотя Евангелие и явилось поводом для осуждения многих, оно заслуженно считается учением жизни. Ведь Евангелие – орудие возрождения и предлагает благодатное примирение с Богом. А закон, предписывая только правило доброй жизни, не обновляет сердца в послушание праведности и возвещает нарушителям вечную смерть. Посему он может только осуждать. Или, если угодно, служение закона в том, чтобы показать болезнь, не являя при этом надежды на исцеление. А служение Евангелия – принести исцеление отчаявшимся людям. Закон оставляет человека самому себе, и с необходимостью приговаривает его к смерти. А Евангелие приводит ко Христу и отверзает дверь жизни. Так одним словом: убивать – постоянное и неотъемлемое свойство закона, ибо, как говорит апостол в другом месте (Гал.3:10): все, пребывающие под законом, прокляты. Евангелие же не обладает внутренним свойством убивать, потому что в нем открывается праведность Божия от веры в веру (Рим.1:17). Посему оно сила Божия во спасение всякому верующему.

Остается рассмотреть последнее различие. Павел называет закон временным, подлежащим отмене, а Евангелие пребывающем вечно. Есть множество причин назвать служение Моисея преходящим. Ведь с приходом Христа теням надлежало устраниваться. Но положение это относится не только к теням. Ведь закон и пророки были до Иоанна (Мф.11:13). Итак, Павел хочет сказать, что Христос положил конец служению Моисея как свойственному лишь ему и отделенному от Евангелия. Наконец, Господь говорит: немощь ветхого завета проистекала по словам Иеремии (31:32) из того, что он не был начертан в сердцах. Упразднение закона, о котором здесь упоминается, я отношу ко всему ветхому завету в той части, в которой он противопоставляется Евангелию. Дабы, как требует контекст, это соответствовало речению: закон и пророки были до Иоанна. Ведь Павел рассуждает здесь не только об обрядах, но учит, сколь могущественнее Дух Божий являет силу в Евангелии, чем являл ее во времена закона.

Не могли смотреть. Кажется, Павел хотел косвенно обличить превозношение тех, кто презирал Евангелие как нечто унижительное, не удостоивая его внимания. Сияние закона, – говорит Павел, – было таким, что иудеи не могли его вынести. Что же надо думать о Евангелии, достоинство которого настолько превосходит закон, насколько Христос превосходит Моисея.

10) *То прославленное.* Это не поправка к вышесказанному, но его дальнейшее подтверждение. Павел хочет сказать, что слава закона затмилась с приходом Евангелия. Подобно тому, как луна и звезды сами по себе не только светлы, но и озаряют светом всю землю. И, однако же, они исчезают в сиянии солнца. Так и закон как бы ни был славен сам по себе, слава его – ничто по сравнению с Евангелием. Откуда следует: невозможно достаточно возвеличить и достаточно почтить славу Христову, сияющую в Евангелии, так же как невозможно достаточно восславить блеск солнечных лучей. Так что к Евангелию плохо относятся и даже профанируют его там, где не выдает себя сила и величие Духа, восхищающая сердца до самого неба.

12. *Имея такую надежду, мы действуем с великим дерзновением, 13. а не так, как Моисей, который полагал покрывало на лице свое, чтобы сыны Израилевы не взирали на конец преходящего. 14. Но умы их ослеплены: ибо то же самое покрывало доныне остается неснятым при чтении Ветхого Завета, потому что оно снимается Христом. 15. Доныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их; 16. но когда обращаются к Господу, тогда это покрывало снимается. 17. Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода. 18. Мы же все открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа.*

(12. Имея такую надежду, мы пользуемся великим дерзновением, 13. а не так, как Моисей полагал покрывало на лице свое, чтобы сыны Израилевы не взирали на конец упраздняемого. 14. Но умы их ослеплены: ибо то покрывало доныне остается при чтении Ветхого Завета и не снимается, потому что оно упраздняется Христом. 15. Доныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их; 16. но когда обращаются к Господу, это покрывало снимается. 17. Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода. 18. Мы же все с открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа.)

12) *Имея такую надежду.* Здесь апостол идет дальше. Он говорит не только о природе закона или о постоянном его свойстве, но также и о злоупотреблении им. Хотя к природе закона относится то, что, будучи скрытым под покрывалом, он не полностью явлен очам, а также то, что сиянием своим он внушает страх. Посему Павел в другом месте говорит (Рим.8:15), что израильский народ черпал от него дух рабства ради страха; однако же здесь Павел скорее рассуждает о внешнем и привходящем злоупотреблении. Ибо тогда из-за упорства иудеев повсюду царил соблазн. Ведь они ожесточенно отвергали Христа. Отсюда совесть немощных людей приходила в смущение. Они сомневались в том, должны ли принимать Спасителя, Которого не признал избранный народ. Апостол устраняет подобное сомнение и говорит: их ослепление было изначально предвозвещено в том, что иудеи могли смотреть на лицо Моисея только через покрывало. Как прежде он сказал, что закон был прославлен в сиянии Моисеева лица, так и теперь учит, что покрывало есть знак будущего ослепления израильского народа. Ведь лицо Моисея есть образ закона. Итак, иудеи показали, что могут взирать на закон только через покрывало. А покрывало это, – добавляет апостол, – снимается только через Христа. Отсюда он заключает: никто не способен разуметь закон правильно, если не лицезреет умом Самого Христа. Вначале он полагает различие между законом и Евангелием в том, что сияние первого больше ослепляло, чем просвещало взор смотрящих, в Евангелии же ясно различимо прославленное лицо Спасителя. Затем апостол радуется тому, что величие Евангелия внушает не страх, но любовь; оно не сокрыто, но ясно видно всем. Словом *παρρησία* Павел означает здесь либо возвышенное величие Духа, которого подобает иметь всем служителям Евангелия, либо же ясное и очевидное явление Христово. Второе более вероятно, ибо апостол противопоставляет ей темноту закона.

13) *Не так, как Моисей.* Павел не рассуждает здесь о цели Моисея. Его служением было сообщить народу закон. Так что он без сомнения хотел, чтобы все правильно поняли его смысл. Он не старался намеренно затемнить свое учение – порок здесь надо искать в самом народе. Поскольку Моисей не мог обновить разумение своих слушателей, он довольствовался добросовестным исполнением вверенного ему служения. Более того, он подчинился и тогда, когда Господь повелел ему закрыть свое лицо покрывалом от взора смотрящих. Итак, здесь не сказано ничего оскорбительного для Моисея. Ведь он не был обязан давать больше, чем позволяло вверенное ему устройство. Добавь к этому, что тупость или притупленное восприятие, о котором говорит Павел, относятся здесь только к неверующим. Ведь закон, хотя и был облечен в образы, не переставал при этом внушать мудрость младенцам.

14) *Умы их ослеплены.* Всю вину апостол возлагает на иудеев. Ведь они не преуспели в учении закона из-за своей слепоты. Затем он добавляет, что покрывало сие остается и до сегодняшнего дня. Этим он хочет сказать, что притупленное восприятие длилось не один час, но также изображало будущее состояние всего народа. Павел как бы говорит: покрывало сие, коим Моисей закрыл лицо при обнародовании закона, было символом будущего долгого отупления израильтян. Так и сегодня, когда им проповедуется закон, они, слыша, не слышат, и, видя, не видят. Но мы не должны от этого смущаться, словно происходит нечто новое. Ведь Бог уже раньше явил это в образе покрывала. Впрочем, дабы вину не возлагали на закон, Павел снова повторяет: покрывало наброшено именно на сердца иудеев.

Потому, что оно снимается. Апостол приводит причину того, почему иудеи столь долго слепотствуют при свете. Ведь закон сам по себе светел. Но мы лишь тогда наслаждаемся его светлостью, когда в ней нам является Христос. Иудеи же, насколько могут, отвращают от Христа очи. Итак, не удивительно, если они, не желая видеть солнце, ничего не видят. Это ослепление избранного народа, будучи столь длительным, научает нас не надмеваться от данных нам Богом благоденний. Об этом смотри в Рим.11:20. Причина же ослепления научает нас не презирать Христа, за презрение Которого Бог мстит столь жестоко. Кроме того, мы узнаем: ни в законе, ни во всем Слове Божиим нет никакого света без Христа, солнца праведности.

16) *Когда обращаются к Господу.* Это место до сего дня переводили плохо. И греки, и латиняне думали, что здесь имеется в виду Израиль, поскольку Павел говорит о Моисее. Он сказал, что покрывало лежит на сердцах иудеев, когда те читают Моисея, а потом добавляет: как только обращается к Господу, покрывало устранивается. Кто же не подумает, что здесь сказано о Моисее, то есть – о законе? Ведь конец закона – Христос, к Которому и должно все относиться. Но когда иудеи исключили Христа из закона, закон перенаправился совсем в иную сторону. Посему, как иудеи заблудились в законе, так и закон для них остается запутанным наподобие лабиринта, покуда не будет направлен к своей цели, то есть – ко Христу. Итак, если иудеи взыщут в законе Христа, им тут же явится истина Божия. Доколе же они мудрствуют без Христа, то будут блуждать в потемках и никогда не обретут истинного смысла закона. То, что сказано здесь о законе, относится

и ко всему Писанию. То есть, если Писание не направляют ко Христу как к единственной цели, его непременно извращают и дурно истолковывают.

17) *Господь есть Дух*. Это место также истолковывают плохо. Как будто Павел хотел здесь сказать, что Христос обладает духовной сущностью. Толкователи соединяют данное место со словами Иоанна: Бог есть Дух. Однако настоящее предложение ничего не говорит о сущности Христовой, оно лишь рассказывает о Его служении. Оно согласуется с предыдущим текстом, где мы видели, что закон содержит буквальное учение, не только мертвое, но и причиняющее смерть. Наоборот, теперь Павел зовет его Духом Иисуса Христа. Этим он хочет сказать, что закон лишь тогда станет живым и животворным, когда будет вдохновлен Христом. Душа соединяется с телом, и получается живой человек, наделенный разумом и чувством, пригодный ко всякой жизнедеятельности. Когда же душа уходит из тела, остается бесполезный труп, лишенный всяческих чувств. Это место достойно особого внимания. Оно учит нас, как надо примирять эпитеты, коими Давид расхваливает закон (Пс.18:9): закон Господень обращает души, просвещает очи, дает мудрость младенцам и т.п., – со словами Павла, по виду им противоречащими, словами о том, что закон – служение греха и смерти, буква, способная лишь убивать. Ведь там, где закон одушевлен Христом, ему действительно подobaют эпитеты, приведенные Давидом. Если же Христос устраняется, закон таков, каким его описывает Павел. Итак, Христос есть подлинная жизнь закона.

Где Дух Господень. Теперь апостол описывает способ, коим Христос животворит закон. Он делает это, одаривая нас Своим Духом. Слово «Дух» здесь несет иное значение, чем в предыдущем стихе. Там оно означало душу и метафорически относилось ко Христу, здесь же оно означает Святой Дух, Которого Христос дает Своим людям. Однако Христос, возрождая нас, животворит и закон, показывая Себя источником жизни. Подобно тому, как от человеческой души протекают все ее жизненные движения. Итак, Христос есть (так сказать) всеобщая душа всех, не в отношении сущности, но в отношении благодати. Или, если угодно: Христос есть Дух, поскольку одушевляет нас живительной силой Своего Духа.

Одновременно Павел говорит о следующем из этого благодеянии: где Дух Господень, там свобода. Под словом «свобода» я понимаю не только свободу от греха и рабства плоти, но и упование, которое мы получаем от свидетельства нашего усыновления. Это согласуется с Рим.8:15: мы не приняли опять духа рабства ради страха, и т.п. Здесь апостол говорит о двух вещах: рабстве и страхе. Противоположностью им являются свобода и упование. Таким образом, я согласен: из этого места действительно выводится то, что вывел Августин. По природе мы рабы греха и становимся свободными по благодати возрождения. Ибо там, где голая буква закона, обнаруживается господство греха. Но свободу я понимаю здесь еще шире. Благодать Духа могла бы относиться здесь только к служителям, дабы это место согласовывалось с началом главы. Ведь в служителях должна быть иная степень благодати Духа, и иная степень свободы, нежели в прочих. Однако мне кажется более подходящим первый смысл. Хотя вполне подходит и такой: это приписывается каждому по мере его дарований. Достаточно отметить: Павел говорит здесь о действительности Духа, которую мы все, возрожденные Его благодатью, испытываем в деле своего спасения.

18) *Мы же все открытым лицом*. Не знаю, что пришло в голову Эразму, когда он отнес это только к служителям. Ведь ясно, что это присуще всем верующим. Слово *κατοπτρίζεσθαι* имеет у греков несколько значений. Оно означает и подавать зеркало, и смотреть в него. Но древний переводчик хорошо заметил: с настоящим местом больше согласуется второй смысл. Посему я и следовал его переводу. Павел не напрасно добавляет здесь обобщение: «все мы», то есть – все тело Церкви. Его вывод соответствует предыдущему учению: в Евангелии мы видим ясное откровение Божие, о котором снова прочтем в четвертой главе. Однако одновременно Павел имеет в виду силу этого откровения и ежедневное продвижение в нем. Ведь он воспользовался этим сравнением именно из-за данных трех обстоятельств. Мы не должны бояться неясности, когда приступаем к Евангелию. Ибо в нем Бог являет нам Свой ясный лик. Кроме того, этому созерцанию не подобает быть мертвым: мы должны преобразоваться через него в божественный образ. В-третьих, обе эти вещи не исполняются в нас сразу же: надобно постоянно расти как в познании, так и в уподоблении образу Божию. Это и хочет сказать Павел, говоря: «от славы в славу». Добавляя же, «как от Господня Духа», он снова напоминает то, что сказал ранее: вся сила Евангелия зависит от того, что его животворит для нас благодать Святого Духа. Ведь слово «как» помещено здесь не для обозначения различия, но для выражения способа. Заметь, что цель Евангелия в том, чтобы восстановить в нас образ Божий, поврежденный грехом. И восстановление это продолжается всю жизнь. Ведь Бог постепенно проявляет в нас Свою славу. Здесь можно задать следующий вопрос: Павел говорит, что мы с открытым лицом созерцаем славу Божию. Но в своем Первом Послании (13:12) он пишет: сейчас мы познаем Бога только в зеркале и в тусклом подобии. Эти слова, кажется, противоречат друг другу. Однако на самом деле противоречия нет. Сейчас наше познание Бога действительно тускло и блекло по сравнению со славным лицезрением при втором пришествии Христа. Однако Бог дает нам видеть себя так, как нужно для нашего спасения, и насколько вмещает наше восприятие. Посему апостол и говорит сейчас о постепенном продвижении. Ведь совершенство наступит лишь в будущем.

1. Посему, имея по милости Божией такое служение, мы не унываем; 2. но, отвергнув скрытные постыдные дела, не прибегая к хитрости и не искажая слова Божия, а открывая истину, представляем себя совести всякого человека пред Богом. 3. Если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих, 4. для неверующих, у которых бог века сего ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога невидимого. 5. Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы – рабы ваши для Иисуса, 6. потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа.

(1. Посему, имея такое служение, как получившие милость, мы не унываем; 2. но, отвергнув скрытность постыдности, не прибегая к хитрости и не обманно толкуя слово Божие, а открывая истину, представляем себя совести всякого человека пред Богом. 3. Если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих, 4. у которых бог века сего ослепил умы, для неверующих, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога невидимого. 5. Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы – рабы ваши для Иисуса, 6. потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить познанием славы Божией в лице Иисуса Христа.)

1) *Имея ... служение.* Теперь апостол переходит к собственной похвале, от которой отошел ранее, чтобы дать общее доказательство достоинства Евангелия. Итак, как раньше он рассуждал о природе Евангелия, так и теперь говорит о том, сколь верным и искренним служителем его он является. Вначале он учил тому, каково истинное Евангелие Христово, теперь же утверждает, что именно такое Евангелие и проповедует. Имея, – говорит, – служение сие: то служение, величие которого он столь сильно превознес, силу и пользу которого столь старательно продемонстрировал. Посему, дабы не казаться превозносящим себя чрезмерно, Павел говорит вначале, что не своими стараниями, ни своими заслугами достиг он такой вершины. Но был вознесен к ней одной лишь милостью Божией. Павел более выразителен, делая причиной своего апостольства не просто благодать, а именно милость. «Не унываем» – то есть, не успокаиваемся, покуда верно не исполним свой долг.

2) *Но отвергнув скрытные.* Хваля свою искренность, апостол, напротив, обличает лжепроповедников, ради самомнения искажавших подлинное Евангелие и желавших превозносить только самих себя. Посему отрицаемые за собой пороки Павел косвенно возлагает на них. Под скрытностью постыдности некоторые разумеют тени Моисеева закона, а Златоуст – показуху, с которой себя являли лжеапостолы. Я же разумею под этим всю притворную видимость, коей они исказили чистую природную красоту благовестия. Чистые и честные женщины, довольствуясь своей природной красотой, не намалевываются красками, а блудницы всегда кажутся себе невзрачными, покуда не испортят собственную природу. Так и Павел хвалится, что проповедует чистое Евангелие, в то время как прочие проповедуют его с недостойной показухой и добавлениями. Поскольку их стыдила простота Христова, или же потому, что они не могли являть силу истинных апостолов, лжепроповедники создали новое Евангелие, похожее на мирскую философию, напыщенное извне, но лишенное действенности Духа. Такие вот блудливые краски, коими искажается Евангелие, апостол и зовет скрытностью постыдности. Ведь те, кто бежит в укрытие, за завесу, должны стыдиться своей мерзкой и позорной наготы. О себе же Павел говорит, что отбросил всякую личину. Ведь чем более открыто проявляется лик Христов в его проповеди, тем славнее эта проповедь сияет другим. Однако я не отрицаю, что Павел также намекает на покрывало Моисея, о котором говорил раньше. Лжеапостолам же он приписывает совершенно иное покрывало. Моисей скрывал свое лицо, поскольку слабые и немощные глаза не могли смотреть на блистание славы закона. А эти выставляют покрывало в качестве украшения. Ведь сами они презренны, более того, стали бы выглядеть еще гнуснее, если бы простота Евангелия воссияла открыто. Посему и облекаются в незнамо какие прикрасы и личины.

Не прибегая к хитрости. Нет сомнения, что хитрость, порицаемую Павлом, эти лжеапостолы ценили как высокую добродетель. Подобно этому и сегодня мы видим, как некоторые из проповедников Евангелия больше хотят казаться утонченными, нежели искренними, возвышенными, нежели основательными. Хотя все их остроумие – чистое мальчишество. Но что сделаешь? Их ублажает их собственная утонченность. Из-за нее они имеют успех среди простаков. Однако мы видим, во что ставил Павел подобную притворную добродетель. Он называет хитрость недостойной слуг Христовых. Что же касается следующего за тем перевода: «не обманно толкуя» – то не знаю, достаточно ли выражает он мысль апостола. *Δολοῦν* означает не столько действовать обманным путем, сколько то, что на простом языке называют подлогом, чем обычно занимаются недобросовестные торговцы. Действительно, здесь это слово противопоставляется искренней и подлинной проповеди.

А открывая истину. Апостол защищает за собой славу, состоящую в том, что он просто и без притворства возвестил чистое евангельское учение. Свидетель этому перед Богом совесть всех людей. Как напускному учению софистов он противопоставляет откровение истины, так и суждение об этом приписывает совести и божественному суду. Поскольку софисты злоупотребляли заблуждениями и порочными чувствами людей, они не старались на деле быть настолько достойными похвалы, насколько хотели таковыми казаться. Отсюда мы выводим: слух здесь косвенно противопоставлен совести. Итак, для слуг Христовых достаточно одоб-

рять свою совесть в глазах Божиих. Их не заботят превратные человеческие потуги и мнимый успех в глазах толпы.

3) *Если же сокрыто.* Сказанное им об искренности своей проповеди подвергалось сильной клевете, ибо у апостола было много противников. Павел опровергает эту клевету своим неумолимым авторитетом. Он удивляется всем, кто не признает силу его Евангелия, и утверждает, что это знак отвержения и погибели. Павел как бы говорит: если кто-то отрицает состоятельность возвещаемого мною явления Христа, то этим самым показывает себя отверженным. Ведь всем, имеющим глаза, очевидно и ясно, сколь искренне мое учение. Итак, тем, для кого оно сокрыто, надлежит быть слепыми и лишенными всякого разума. Но слепота неверных никак не мешает ясности Евангелия. Ибо солнце не становится менее светлым от того, что слепцы не воспринимают его света. Кто-нибудь скажет: то же самое применимо и к закону. Ведь сам по себе он светильник, направляющий шаги и просвещающий очи. Сокрыт же он только для погибающих. Отвечаю: в законе заключен Христос, и Его солнце как бы сияет сквозь облака, так что люди имеют достаточно света для собственной пользы. Если же Христос отделяется от закона, не остается ничего, кроме тьмы и лживой видимости света, слепящего, но не просвещающего. Свидетельство великой уверенности – то, что апостол считает отверженным любого, отвергающего его учение. И такой же уверенностью подобает обладать всем, кто хочет считаться служителем Божиим. Имея спокойную совесть, они не должны сомневаться: все противники их учения предстанут перед божественным судом, дабы понести несомненное осуждение.

4) *У которых бог века сего.* Апостол хочет сказать, что их упорное противление ни к чему не приведет. Даже в полдень, – говорит Павел, – они не видят солнца, ибо их чувства ослепил дьявол. Ведь всякому здравомыслящему ясно, что апостол ведет здесь речь о сатане. Это место искажает Иларий, который сражался с арианами, злоупотреблявшими этим текстом, дабы, признавая Христа Богом, одновременно отрицать Его истинное божество. Он толкует его так: Бог ослепил разум сего века. За ним последовал Златоуст, не желая уступить манихеям наличие двух начал. Что придумал Амвросий – не вполне ясно. Августин же соглашался со Златоустом, поскольку также вел войну с манихеями. Итак, мы видим, к чему ведет страсть к противоречию во время споров. Если бы все они спокойно прочли слова Павла, то никому бы из них не пришло в голову искажать данное место. Но поскольку противники вынуждали их к этому, они стремились скорее их опровергнуть, нежели исследовать смысл апостольских слов. Но зачем все это? Ведь по-детски звучал аргумент ариан: если дьявол зовется богом века сего, то имя Божие не выражает во Христе истинное, вечное и единственное божество. Ибо многие, говорит в другом месте Павел (1Кор.8:5), носят имена богов. Однако, утверждает Давид, боги язычников – идолы (Пс.95:5).

Итак, дьявол зовется богом, потому что господствует над ними, потому что почитается ими вместо Бога. Но как это может повредить достоинству Христа? Манихеям это имя также ничем не помогает. Не больше, чем когда дьявол зовется князем мира сего. Посему нет причин бояться относить данное место к дьяволу. Ведь это вполне безвредно. Если ариане выйдут вперед и скажут, что имя Бог доказывает божество Христа не больше, чем божество сатаны, – их клевету легко опровергнуть. Ибо Христос зовется Богом без какого-либо добавления, причем Богом во веки благословенным. Он зовется Богом, Который был прежде создания мира. А дьявол назван богом века сего не иначе, чем Ваал – богом своих почитателей, или собака – богом Египта. Что касается манихеев, то они (как я сказал) для утверждения своего безумия пользуются и другими местами Писания. Но не стоит труда их опровергнуть. Они спорят не столько о слове, сколько о власти. Ведь сатане приписывается здесь сила ослеплять и господство над неверующими. Отсюда они заключают, что сатана по своей способности – творец всякого зла и не подчиняется власти Бога. Словно Писание не возглашает повсюду, что бесы – такие же служители Божии, как и небесные ангелы, каждый в своем роде. Ведь эти передают нам благодеяния Божии во спасение, а те совершают в нас Его гнев. Действительно, добрые ангелы зовутся властями и начальствами, но лишь потому, что используют власть, данную им от Бога. По той же причине сатана – князь мира сего. Не потому, что он сам дал себе господство, по праву им владеет или использует его по своему усмотрению. Он имеет лишь столько, сколько ему позволяет иметь Господь. Посему Писание называет Божиими не только добрых духов и ангелов, но также и духов злых. Нашел на Саула злой дух от Бога. Также говорится: посольство злых ангелов (Пс.77:49). Что касается настоящего места, то ослепление – общее дело как Бога, так и сатаны. Временами оно приписывается Богу, но не в смысле одинаковой власти и способа действия. О способе я умолчу, но Писание учит, что сатана не только по попущению, но и по заповеди Божией ослепляет грешников, исполняя Его мщение. К примеру, сатана обманул Ахава. Мог ли он сделать это сам по себе? Никак. Но поскольку Бог дал ему силы наносить вред, он был послан и стал духом лжи в устах всех пророков. Более того, Бог потому зовется ослепляющим, что после того, как лишает нас правого разума и света Собственного Духа, Он предает нас дьяволу и превратному уму, давая дьяволу силу обманывать. Таким образом, через слугу Своего гнева Он производит в нас праведное мщение. Итак, Павел понимает, что дьявол обладает всеми, кто не признает его учение твердой божественной истиной. Ибо жестче звучит, когда людей зовут владением дьявола, чем когда их слепота приписывается Божию суду. Кроме того, ранее приговорив их к погибели, Павел добавляет: они гибнут только потому, что по вине неверия сами навлекают на себя эту погибель.

Чтобы для них не воссиял. Павел подтверждает сказанное ранее. Отвергающим его Евангелие мешает их собственная слепота. Ибо в Евангелии виден один только Христос. Причем не смутно, но вполне ярко. Па-

вел добавляет: Христос – образ Божий, – желая сказать, что все такие люди лишены божественного познания. Согласно сказанному у Иоанна (14:7): не знающий Меня, не знает и Отца Моего. Вот причина, почему Павел вынес столь суровый приговор сомневающимся в его апостольстве. Ведь эти люди не различали в его проповеди Христа, Которого должны были ясно видеть. Трудно сказать, имел ли он в виду под «Евангелием славы Христовой» просто славное Евангелие (согласно еврейскому словоупотреблению) – или же Евангелие, в котором сияет Христова слава. Я больше склоняюсь ко второму, ибо смысл здесь более полон. Кроме того, поскольку Христос зовется образом невидимого Бога, я понимаю это не столько в отношении сущности (ибо Он, как говорят, единосущен Отцу), но, скорее, отношу к тому, что Христос явил нам Отца. Отец зовется невидимым, поскольку Сам по Себе не постигается человеческим чувством. Но Он являет Себя нам через Сына, делая Себя неким образом видимым. Я говорю это потому, что древние, яростно сражаясь с арианами, чрезмерно упирали на данный стих, рассуждая о том, как Сын внутренне, в тайном единстве сущности, является образом Отчим. Но они пропустили то, что больше всего способствует назиданию, а именно: каким образом Сын представляет нам Отчий образ. Ответ: Он являет нам то, что иначе было бы сокрытым в Боге. Посему слово «образ» имеет отношение к нам самим, как мы вскоре еще раз увидим. Эпитет же «невидимый», хотя он и опущен в некоторых греческих кодексах, я предпочел сохранить как вполне уместный.

5) *Мы не себя проповедуем.* Некоторые видят здесь зевгму и интерпретируют следующим образом: мы проповедуем господами не себя, но одного лишь Сына Божия, явленного Отцом всем людям. Я не отвергаю такой смысл. Но, поскольку выражение будет *ἐμφατικωτέρα*, если понимать его как отрицающее проповедь самих себя, я охотнее придерживаюсь этой версии. Особенно поскольку она принята чуть ли не по общему согласию. Ведь люди проповедуют себя иначе, нежели присваивая себе господство. Они делают это, когда хотят как-то выделиться или получить от Евангелия выгоду. Итак, амбиции, алчность и другие подобные пороки портят чистоту евангельского учения. И в проповеди таких людей виден не только Христос. Значит, желающий проповедать одного Христа с необходимостью должен забыть о самом себе.

А мы – рабы ваши. Дабы кто-нибудь не сказал, что о себе апостол говорит слишком много, Павел утверждает: он больше всего желает быть им слугою. Он как бы говорит: все, что я столь величественно и, по вашему мнению, надменно говорил о себе, направлено лишь на то, чтобы служить вашей пользе. Отсюда следует, что Коринфяне слишком горделивы и неблагодарны, если отвергают такого человека. Более того, их прежний суд представляется совершенно превратным: ведь они не заметили столь святого настроения души. Кроме того, здесь говорится о статусе и положении всех церковных пастырей. Каким бы почетным титулом они ни наделялись, они всего лишь слуги верующих. Действительно, они не могут служить Христу, если одновременно не будут служить Его Церкви. Почетное служение более достойно, чем любое начальство. Однако служением это будет лишь тогда, когда в нем выделяется Христос и только Он один. Посему добром пастырю прилежит воздерживаться от всякого желания господствовать и за высшую честь почитать служение народу Божию. А обязанность народа – оценивать слуг Христовых. Сначала из величия их Господа, а затем – из превосходства их служения. И не презирать тех, кого Господь поставил на столь почетное место.

6) *Бог, повелевший из тьмы.* Знаю, что это место можно истолковать четырьмя способами. Первый таков: Бог повелел свету воссиять из тьмы, то есть, из служения людей, которые по природе своей тьма, Он явил миру свет Евангелия. Второй: Бог сделал так, чтобы закон, облеченный в смутные тени, был заменен светом Евангелия, и таким образом из тьмы произвел свет. Те, кто любит тонкости, легко согласятся с подобными толкованиями, но кто хочет быть ближе к контексту, признает: мысль апостола была иной. За тем идет третье толкование, принадлежащее Амвросию. Все было покрыто мраком, но Бог внезапно возжег свет Своего благовестия. Ведь люди были погружены во мрак неведения, когда Бог через Евангелие неожиданно им воссиял. Четвертое толкование принадлежит Златоусту, который считал, что Павел намекал на создание мира. А именно: Бог Своим словом создал свет, словно изведя его из тьмы, и Он же духовно просвещает нас, когда мы еще пребываем во тьме. Эта аналогия видимого и телесного света относится к духовной благодати, и в ней нет ничего натянутого. Однако и предыдущее мнение вполне законно. Так что, пусть каждый следует здесь своему суждению.

Озарил наши сердца. Апостол, что следует тщательно отметить, говорит здесь о двух озарениях. Одно происходит через Евангелие, другое – тайное и происходит в сердце. Ибо как Бог, будучи создателем мира, изливает на нас солнечный свет и дает нам глаза, чтобы его видеть, так же Он, будучи искупителем, сияет нам через Евангелие в лице Своего Сына. Однако, поскольку мы слепы, это было бы напрасным, не просвети Он также Своим Духом наш разум. Итак, Павел хочет сказать: Бог Своим Духом открывает нам очи разума, чтобы мы стали способны воспринять Евангельский свет.

В лице Иисуса Христа. В том же смысле, в каком раньше Павел говорил, что Христос есть образ Отца, теперь он утверждает, что в Его лице нам явлена слава Божия. Замечательное место, которое учит нас: Бога не надо искать в Его непостижимой высоте (ибо Он обитает в неприступном свете), Его надо познавать постольку, поскольку Он являет Себя во Христе Иисусе. Посему все, что люди хотят узнать о Боге вне Христа, суетно и зыбко. Такие люди отклоняются от правильного пути. Во Христе Бог вначале являет Себя смиренным, но, по крайней мере, тем, кто переходит от креста к воскресению, Он предстает славным и превозне-

сенным. Мы снова видим: в слове «лицо» имеется в виду отношение к нам. Ибо полезнее видеть Бога таким, каким Он предстает нам в Своем Сыне, нежели исследовать Его тайную сущность.

7. Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам. 8. Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; 9. мы гонимы, но не оставляемы; низлагаемы, но не погибаем. 10. Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем. 11. Ибо мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей, 12. так что смерть действует в нас, а жизнь в вас.

(7. Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была Божия, а не наша. 8. Когда отовсюду притесняемы, но не стеснены; страдаем от нищеты, но не бедствуем; 9. мы гонимы, но не оставляемы; низвергаемы, но не погибаем. 10. Всегда носим в теле умерщвление Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем. 11. Ибо мы, покуда живы, непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей, 12. так что смерть действует в нас, а жизнь в вас.)

7) *Но сокровище.* Тем, кто слышал, как Павел величественно хвалился превосходством своего служения, и, наоборот, видел, что сам он презираем и отвергаем в мире, могло показаться, что он смешной и глупый человек, а похвальба его – мальчишеская, если принять во внимание невзрачность его персоны. Этим обстоятельством особенно пользовались нечестивые, желавшие подвергнуть презрению все, что было в Павле. Но то, что мешало славе его апостольства среди неопытных, Павел искуснейшим образом обращает к умножению этой славы. Во-первых, он пользуется сравнением с сокровищем, которое обычно прячется не в разукрашенном и дорогостоящем сосуде. Скорее оно помещается в каком-нибудь дешевом и невзрачном горшке. Во-вторых, Павел добавляет: в этом больше проявится и лучше видна сила Божия. Он как бы говорит: те, кто для принижения моего служения, сеют презрение лично ко мне, несправедливы и превратно судят. Ибо сокровище не становится менее ценным из-за того, что дешев сосуд, в котором оно хранится. Общепринято размещать ценные сокровища в глиняных горшках. Кроме того, они упускают из вида следующее: то, что служители ничем не выделяются, происходит по особому провидению Божию. Ибо никакое величие не должно затмевать божественную силу. Итак, поскольку смирение служителей и внешняя невзрачность их лиц дает место славе Божией, дурно поступает тот, кто меряет достоинство Евангелия личностью служителя. Павел говорит не только об общем состоянии людей, но и о самом себе. Истинно, что все смертные – глиняные сосуды. Посему, если выбирается один, самый выдающийся, он выделяется на фоне прочих почти чудесным благородством, гениальностью и богатством. Если же он – служитель Евангелия, то будет казаться невзрачным и глиняным вместилищем бесценного сокровища. Так что Павел имеет в виду и себя, и остальных своих соратников, подвергавшихся презрению из-за своей внешней невзрачности.

8) *Мы отовсюду.* Это добавлено ради пояснения. Павел показывает, что его презренное состояние никак не уменьшает славу Божию, но, скорее, ее продвигает. Мы, – говорит он, – подвергаемся стеснению, но Господь в конце концов дает нам благополучный исход. Мы страдаем от нищеты, но Господь помогает нам. Множество врагов нападает на нас, но под защитой Божией мы в безопасности. Наконец, даже если нас убивают, и с жизнью нашей, кажется, покончено, мы все равно остаемся живы. Последнее из этих зол – самое страшное. Теперь видно, как Павел обращает в свою пользу все, в чем обвиняли его нечестивые.

10) *Мертвость Господа.* Теперь Павел говорит нечто большее. Ведь то самое, за что лжеапостолы поносили его Евангелие, не только не навлекает на него презрение, но, напротив, показывает его славу. Ибо умерщвлением Иисуса Христа Павел называет все, что делает его презренным в глазах мира, и посредством чего он готовится участвовать в блаженном воскресении. Во-первых, какими бы ни были в глазах людей страдания Христовы, они более ценны в глазах Божиих, чем все триумфы императоров, все великолепие царей. Также надо иметь в виду цель: мы сострадаем, чтобы вместе прославиться. Итак, Павел изящно обуздывает безумие тех, кто ставил ему в вину соучастие Христу. Одновременно он увещевает коринфян, дабы те, презрев невзрачный и отверженный вид апостола, не оскорбили Самого Христа, ища повод к презрению в Его страданиях, которые подобает в высшей степени почитать. Слово «умерщвление» употребляется здесь иначе, нежели в других местах Писания. Оно часто означает отречение от себя, когда мы отвергаемся похотей плоти и обновляемся в послушании Богу. Здесь же имеются в виду скорби, которые упражняют нас в размышлениях о конце земной жизни. Ради ясности, первое умерщвление будем называть внутренним, а второе – внешним. И то, и другое делает нас подобными Христу. Первое прямо, а второе, так сказать, – косвенно. О первом Павел рассуждает в Послании к Колоссянам (3:5) и в Послании к Римлянам (6:6), где учит, что наш ветхий человек распят, дабы нам ходить в обновлении жизни. О втором же он говорит (8:29), уча, что мы предназначены Богом к тому, чтобы уподобиться образу Его Сына. Кроме того, об умерщвлении Христовом говорится в отношении одних верных. Ведь нечестивые, перенося тяготы настоящей жизни, соединяются в этом с Адамом, а избранные – с Сыном Божиим, дабы все скорби, по природе свидетельствующие о проклятии, способствовали их спасению. Всем чадам Божиим обще то, что они несут в себе умерщвление Христово. Но некоторые выделяются большим числом даров, и поэтому ближе уподобляются Христу.

Чтобы и жизнь Иисусова. Лучшее средство во всех жизненных трудностях. Как смерть Христова была дверью в жизнь, так и исходом всех наших зол будет, как мы знаем, блаженное воскресение. Ведь Христос соединил нас с Собой так, что мы станем причастниками Его жизни, если в этом мире несем в себе Его смерть. Следующее за тем предложение можно понимать двояко. Если «предаваться на смерть» считать мучением от постоянных гонений и опасностей, то это особо относится к Павлу и ему подобным, которых яростно преследовали нечестивые. Слова же «ради Иисуса» тогда означают «ради свидетельства Иисусова». Но поскольку ежедневно предаваться смерти означает также иметь смерть перед своим взором и жить так, чтобы наша жизнь напоминала собой смерть, мне нравится толковать это место по-другому, относя его ко всем верующим – к каждому в его собственном служении. Так толкует его и сам Павел в Послании к Римлянам (8:36), а также псалом 43:13. Таким образом, «ради Христа» означает, что это состояние обще всем его членам. Впрочем, Эразм перевел не столь удачно «мы, которые живы». Лучше перевести, как делаю я: «покуда живы». Ибо Павел хочет сказать, что мы, покуда пребываем в этом мире, скорее похожи на мертвых, чем на живых.

12) *Так что смерть.* Сказано иронично. Было бы недостойным, если бы коринфяне жили приятно, по своим прихотям, и в безопасности наслаждались, в то время как Павел боролся бы с бесчисленными трудностями. Такое неравенство было бы несправедливым. Коринфян надлежало попрекнуть в глупости. Попрекнуть за то, что они воображали себе христианство без креста и, не довольствуясь простотой, презирали слуг Христовых, не столь угонченных, как они сами. Как смерть означает все житейские скорби и вообще тягостную жизнь, так и слово «жизнь» означает успешное приятное существование. Согласно пословице: жизнь – значит не проживание, а благоденствие.

13. *Но, имея тот же дух веры, как написано: я веровал и потому говорил, и мы веруем, потому и говорим, 14. зная, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас и поставит перед Собой с вами. 15. Ибо все для вас, дабы обилие благодати тем большую во многих произвело благодарность во славу Божию. 16. Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется. 17. Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, 18. когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое; ибо видимое временно, а невидимое вечно.*

(13. *Но, имея тот же дух веры, как написано: я веровал и потому говорил, и мы веруем, потому и говорим, 14. зная, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас и поставит с вами. 15. Ибо все для вас, дабы благодать, которая будет изобиловать из-за благодарения, воссылаемого многими, изобиловала во славу Божию. 16. Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется. 17. Ибо безмерно кратковременная легкость нашей скорби производит в нас вечное безмерное богатство славы, 18. когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое; ибо видимое временно, а невидимое вечно.*)

13) *Имея тот же дух.* Поправка к предыдущей иронии. Апостол сделал судьбу коринфян столь отличной от своей не из-за своей прихоти, а из-за их заблуждения. Ведь они желали широкого Евангелия, свободного от крестных скорбей, и об апостоле думали не столь почтенно из-за его далеко не блистательной судьбы. Теперь же Павел соединяет себя с ними в надежде на общее блаженство. Он как бы говорит: хотя Бог и щадит вас и обращается с вами более милостиво, чем со мной, это не мешает, чтобы и мне, и вам выпала одинаковая слава воскресения. Ибо где единство веры, там одинаковое наследство. Некоторые думали, что апостол говорит здесь о святых отцах, живших во времена ветхого завета, что он делает их участниками одной с нами веры. Это верно, но не соответствует настоящей цели Павла. Он соединяет с собой в общении веры не Авраама, не прочих отцов, а коринфян. В то время как те из-за ложного самомнения отделили себя от него. Хотя бы, – говорит Павел, – мое нынешнее положение и казалось худшим, чем ваше, некогда мы станем причастниками одной и той же славы. Ибо мы соединены друг с другом одной верой. И те, кто внимательно посмотрит на контекст, согласятся с верностью такого толкования. Духом веры апостол метонимически зовет здесь саму веру, поскольку она – дар Святого Духа.

Как написано. То, что Павел цитирует свидетельство Давида, дало повод для заблуждения. Однако эти слова надо относить к исповеданию, а не к единству веры. Или же, если угодно, они соотносятся с предыдущими, а не с последующими словами. То есть, поскольку у нас имеется твердая вера в блаженное воскресение, мы дерзаем говорить и проповедовать то, во что веруем. Как написано: я веровал, и потому говорил. Это начало псалма 115, где Давид рассказывает: когда он пришел в крайнее стеснение, был поражаем столь сильно, что почти падал, он, однако же, одолел это искушение, вернув себе упование. Псалом начинается так: веровал, и потому говорил. Ибо матерью исповедания является вера. Павел увещевает коринфян подражать себе и делать то же самое. Согласно древнему переводу он вместо будущего ставит прошедшее время. Но это ничего не меняет. Он хочет сказать лишь следующее: верующие должны быть мужественными и бестрепетно исповедовать то, во что веруют сердцем. Пусть увидят наши лженикодимы, какой вздор выдумали они вместо веры, желая, чтобы вера оставалась погребенной внутри и совершенно немой. И они еще хвалятся своей мудростью, если за всю жизнь ни единым словом не исповедывают свою веру.

15) *Ибо все для вас.* Теперь апостол соединяет себя с коринфянами не только в надежде будущего блаженства, но и в тех самых скорбях, в отношении которых их судьба казалась совершенно иной. Он говорит, что

испытывает скорби ради их блага. Отсюда следует, что коринфяне справедливо должны взять на себя часть этих скорбей. То, о чем говорит Павел, зависит, во-первых, от тайного общения, которое имеют между собой члены Христова тела, но, главным образом, от взаимной необходимости, которая должна особо среди них процветать. Это увещание было весьма полезным для коринфян и несло с собой великое утешение. Разве не великое утешение в том, что когда Бог, щадя нашу немощь, обращается с нами мягче, чем те, кто наделен особой добродетелью, скорбят ради общей для всех пользы? Коринфян увещивают: поскольку иначе они не могут помочь Павлу, то пусть хотя бы помогают ему молитвами и состраданием.

Дабы обилие. Павел хвалит согласие между членами тела Христова, ссылаясь на проистекающий из него плод. А именно: оно помогает распространять славу Божию. Под благодатью он метонимически, по привычному словоупотреблению, имеет в виду упомянутое прежде благодеяние избавления. Когда он был стесняем, то не был стеснен, когда нищенствовал, не лишался необходимого, и т.д. Наконец, он имеет в виду вечное избавление от всякого вида зла. И эта благодать, по его словам, изобилует, то есть – не остается заключенной в самой себе, чтобы он один обладал ею, но разливается вширь и достигает коринфян, принося им большую пользу. Помещая же изобилие дара в благодарении, Павел ко славе его Дарителя учит: всякое благо, даваемое нам Богом, погибнет по нашему нерадению, если мы не будем пламенными и усердными в благодарении Творца.

16) *Посему мы не унываем.* Теперь, словно достигнув желаемого, Павел возвышается до еще большего упования. Нет причины, – говорит он, – отчаиваться или уставать под тяжестью креста. Ведь исход этого дела спасителен и успешен не только для меня, но и для других. Так своим примером он увещивает коринфян быть мужественными, если им когда-то выпадут такие же скорби. Кроме того, он обуздывает распушенность, коей они весьма сильно грешили. Ведь, будучи мнительными, коринфяне тем больше ценили человека, чем дальше он был от креста Христова.

Если внешний наш человек. Внешнего человека некоторые плохо и неуместно смешали с человеком ветхим. Но ветхий человек – совсем иное. О нем мы говорили в Рим.6:6. Также ложно Златоуст и другие ограничивают это понятие одним телом. Ведь апостол этим словом означает все, относящееся к настоящей жизни. Как он указывает на двух людей, так и представляет нам две жизни: земную и небесную. Внешний человек – это сохранение земной жизни, которая состоит не только в цветущем возрасте и здоровье, но и в богатстве, почете, дружбе и прочих вспомоществованиях. Итак, насколько уменьшаются те блага, которые нужны для сохранения настоящей жизни, настолько же истлевает внешний наш человек. И поскольку мы, если все происходит по нашему хотению, чрезмерно заняты земной жизнью, Господь, понемногу убирая то, что нас удерживает, призывает к размышлению о жизни лучшей. Необходимо так вести нынешнюю жизнь, чтобы процветал и развивался внутренний человек. Ведь то, что убывает от земной жизни, по крайней мере, в верных добавляется к жизни небесной. В отверженных внешний человек также умирает, но без какого-либо возмещения. А в чадах Божиих это умирание есть начало нового рождения и как бы его причина. Апостол говорит, что это происходит ежедневно, поскольку Бог постоянно упражняет нас в этом размышлении. О, если бы в нашей душе окончательно утвердилось обыкновение постоянно преуспевать с течением времени во внутреннем человеке!

17) *Кратковременное легкое страдание.* Поскольку наша плоть всегда бежит от собственной гибели, какую бы награду ей ни предлагать, и нас больше затрагивает нынешнее чувство, чем надежда на небесные блага, Павел учит, что скорби и тяготы благочестивых ничто в отношении своей горечи, если сравнивать их с бесконечным благом вечной славы. Прежде он сказал, что мы не должны тяготиться тлением внешнего человека, ибо из этого проистекает обновление человека внутреннего. Однако, поскольку тление – видимо, а обновление невидимо, Павел, дабы вырвать из нас плотскую привязанность к настоящей жизни, сравнивает нынешние скорби с будущим блаженством. Этого сравнения достаточно для успокоения и усмирения душ благочестивых, дабы те не пали под тяжестью креста Христова. Ибо почему терпение столь для нас трудно, если не потому, что мы цепенеем от краткого ощущения скорби и не возносим ввысь наши помыслы? Итак, Павел предписывает здесь наилучшее врачевство, дабы ты не сломался и не покорился скорбям. Он противопоставляет их все будущему блаженству, уготованному тебе на небесах. Ведь это сравнение делает легким то, что ранее казалось тягостным, кратким и преходящим то, что казалось долгим и нескончаемым. Но в словах Павла имеется какая-то неясность. Поскольку он говорит гиперболически и ради гиперболы, древний переводчик и Эразм думали, что этими словами превозносится небесная слава, ожидающая верных, или же они относили эту фразу ко слову «производит», что меня вполне устраивает. Но поскольку также подходит и мое толкование, выбор наилучшего предоставляется читателю.

Вечную славу. Павел не хочет сказать, что скорби всегда вызывают такой эффект. Ибо многие несчастнейшим образом тяготятся здесь всякого рода злом, и, однако, для них это не помощь ко спасению, а причина большего осуждения. Но, поскольку речь идет о верующих, сказанное следует относить лишь к ним. Ибо Бог посылает им особое благодеяние, состоящее в том, что общие несчастья человеческого рода готовят их к блаженному воскресению. Паписты злоупотребляют этим местом для доказательства того, что скорби суть причина нашего спасения. Но делают это необоснованно. Если только причиной, по общему обыкновению, не называть здесь сами средства. Действительно, мы охотно соглашаемся, что нам надлежит многими скор-

бями войти в царство небесное. И спор идет не об этом. Мы учим: кратковременная легкость скорбей потому производит в нас вечную славу, что к сему предопределены все дети Божии, – к тому, чтобы, неся свой крест, уподобиться Христу. И таким способом они готовятся к обладанию небесным наследством, получаемым по незаслуженному усыновлению. Паписты же вместо этого придумывают имеющие заслугу дела, коими обретается небесное царство. Повторю вкратце: мы не отрицаем путь скорбей, коим достигают небесного царства; мы отрицаем, что скорбями можно заслужить небесное наследие, которое приходит к нам только по незаслуженному усыновлению Божию. Паписты неразумно хватаются за отдельное слово, на котором сооружают вавилонскую башню: будто царство Христово – не наследство, обретенное для нас Христом, а награда, положенная нам за добрые дела.

18) *Когда мы смотрим не на видимое.* Вот что делает для нас легкими и терпимыми все скорби мира сего. А именно: мы должны направить наши помыслы к вечности небесного царства. Пока мы смотрим вокруг, время кажется долгим, но как только мы устремляем взор ввысь, тысячи лет уподобляются краткому мигу. Но это и хочет сказать апостол: мы заблуждаемся от вида настоящих вещей, поскольку в них нет ничего, кроме временного. Итак, надежно успокоиться можно только в уповании на вечную жизнь. Отметим его выражение: смотрим на невидимое. Ведь око веры проникает дальше, чем все чувства человеческой природы. Поэтому вера и зовется лицезрением невидимых вещей.

Глава 5

1. Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный. 2. Оттого мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище; 3. только бы нам и одетым не оказаться нагими. 4. Ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем, потому что не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью. 5. На сие самое и создал нас Бог и дал нам залог Духа. 6. Итак мы всегда благодушествуем; и как знаем, что, водворяясь в теле, мы устранены от Господа, – 7. ибо мы ходим верою, а не видением, – 8. то мы благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа.

(1. Ибо знаем, что, если земной наш дом хижины сей разрушится, мы имеем от Бога здание, дом нерукотворенный, вечный, на небесах. 2. Оттого мы и воздыхаем, желая облечься в наше жилище на небесах; 3. если только и одетые, мы не окажемся нагими. 4. Ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем, потому что не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное разрушено было жизнью. 5. Тот, Кто приготовил нас к сему, есть Бог, Который и дал нам залог Духа. 6. Итак мы всегда уповаем; и знаем, что, обитая в теле, мы странствуем вдали от Господа, – 7. ибо мы ходим верою, а не видением, – 8. Говорю, уповаем и лучше желаем выйти из тела и водвориться у Господа.)

1) *Ибо знаем.* Затем следует **ἐπεξερῶσαί** или полировка предыдущей мысли. Ибо Павел стремится исправить в нас нетерпение, ужас перед крестом, презрение к смирению, гордыню и распутство. А этого не может произойти, если не вознести душу к небу через презрение к миру. Апостол пользуется двумя доводами. С одной стороны, он показывает несчастный удел людей в этой жизни, с другой – высшее и совершенное блаженство, ожидающие верных на небесах после их смерти. Ведь что сохраняет в людях желание земной жизни, кроме самообмана? Они думают, что, живя здесь, являются блаженными. Наоборот, не достаточно понимать скорби настоящей жизни, если не думать одновременно о будущем счастье и славе. И злым и добрым общее то, что те и другие хотят жить. Обще им и то, что, понимая, сколькими скорбями здесь отягощены (разве что неверные признают только неудобства плоти, а благочестивые больше страдают из-за духовной скорби), они часто воздыхают, часто оплакивают свою судьбу и желают избавления от этих зол. Но, поскольку все естественно боятся смерти, неверные охотно уходят из жизни лишь тогда, когда отказываются от нее из-за отчаяния и отвращения. Верные же покидают ее добровольно, потому что надежда их – вне этого мира. Таков краткий смысл довода, приведенного апостолом. Теперь подробнее обсудим каждое слово.

Мы знаем, – говорит Павел. Это знание проистекает не от человеческого разума, а от откровения Святого Духа. Посему оно относится лишь к верным. О бессмертии души кое-что знали даже язычники. Но никто из них не ведал ее достоверно, никто не мог сказать, что говорит о том, что знает. Одним лишь верным позволено так заявлять, тем, которым истина эта возвещена Словом и Духом Божиим. Кроме того, следует отметить: это знание не является общим, словно верующие только в общем убеждены, что положение детей Божиих по смерти улучшится, но о самих себе не ведают ничего твердого. Как бы такое знание породило столь пламенное утешение? Но каждый в отдельности должен иметь особое знание о самом себе. Ибо именно это и воодушевляет меня мужественно встречать смерть: твердое убеждение, что направляюсь я в лучшую жизнь. Тело, в которое мы теперь облечены, апостол называет жилищем, подобным хижине. Ибо, как хижины строятся для временного жилища из легкого материала, лишены твердого фундамента, а затем разрушаются и сами собой падают, так же и смертное тело дано людям словно непрочная хижина, в которой они обитают совсем недолго. Этой же метафорой воспользовался и Петр во Втором Послании (1:13,14), а также Иов, назвавший тело глиняным домом (Иов.4:19). Этой хижине Павел противопоставляет вечное и прочное здание. Непонятно, означает ли он данным именем состояние блаженной жизни, ожидающее верных после смерти, или нетленное и прославленное тело после воскресения плоти. И тот, и другой смысл вполне подходит. Хотя я предпочитаю понимать так: закладка этого здания – блаженное состояние души после смерти, а

завершение – слава последнего воскресения. Такому толкованию больше соответствует контекст апостольских слов. Эпитеты, коими Павел величает это здание, еще больше подтверждают его неизбежность.

3) *Только бы нам.* Сказанное об уверенности в будущей жизни апостол ограничивает одними верными. Ведь уверенность эта – их особый удел. Нечестивые также совлекаются тела, но, поскольку не представляют взору Божию ничего, кроме позорной наготы, то и не облачаются в небесную славу. Верные же предстают перед Богом, облеченные во Христа, украшенные Его праведностью, и принимают тогда одеяние прославленного бессмертия. Ибо я предпочитаю понимать этот текст именно так. А не как Златоуст и некоторые другие. Они думают, что здесь не говорится ничего нового, но только повторяется сказанное раньше про облечение в вечное жилище. Итак, апостол говорит здесь о двух видах одежды: той, в которую нас облакает Бог в этой жизни, то есть – о праведности Христовой и освящении Духа, и той, в которую Он облакает после смерти – о бессмертии и славе. Первое есть причина второго. Ведь кого Бог постановил прославить, Он прежде оправдывает. И этот смысл выводится из слова «также», которое без сомнения добавлено ради усиления. Павел как бы говорит: верующим после смерти уготовано новое одеяние, если они будут одетыми и в этой жизни.

4) *Воздыхаем под бременем.* Воздыхают и нечестивые, потому что не довольствуются настоящим своим состоянием. Но затем побеждает противоположное чувство, то есть – желание жить. Они ужасаются смерти и больше не тяготятся длительностью смертной жизни. Но у благочестивых воздыхание рождается от знания о том, что здесь их странствие протекает вдали от родины. От знания о том, что, заключенные в тела, они находятся как бы в глиняном сосуде. Они тяготятся этой жизнью, поскольку не могут наслаждаться в ней истинным и совершенным блаженством. Ведь от рабства греху они избавляются только через смерть, посему они воздыхают по иному состоянию. Однако всем живущим от природы принадлежит желание бытия. Как же верные могут охотно желать своего несуществования? Этот вопрос апостол разрешает, говоря, что смерть верующие желают не для того, чтобы что-то потерять, но для обретения лучшей жизни. Хотя слова Павла говорят о большем. Он соглашается: по природе мы избегаем ухода из нынешней жизни. Никто не захочет добровольно быть раздетым. Но затем апостол добавляет: природный страх перед смертью побеждается упованием. Как и любой без труда отбросит тряпичное, грязное, потертое и рванное одеяние, чтобы облечься в изящную, удобную, новую и прочную одежду. Павел объясняет свою метафору, когда говорит: *чтобы смертное поглощено было жизнью.* Ведь плоть и кровь не наследуют царства Божия. Посему, тому, что тленно в нашей природе, необходимо погибнуть, дабы мы восстановились и вошли в совершенное состояние. По этой причине наше тело и зовется тяготящей нас темницей.

5) *На сие самое.* Это добавлено для того, чтобы мы знали: такое чувство полностью сверхъестественно. Ибо к нему подталкивает не наш природный помысел, не принимающий даже стократного возмещения за самое малое умерщвление плоти. Итак, необходимо, чтобы это чувство приготовил в нас Бог. Одновременно говорится и о способе сего приготовления: Бог утверждает нас Своим Духом как надежным залогом. Хотя слово «также» кажется употребленным скорее для усиления. Павел как бы говорит: Бог есть Тот, Кто образует в нас это желание. И чтобы наша душа не поколебалась, Святой Дух дан нам в качестве залога. Ведь свидетельством Своим Он удостоверяет истину обетования. У Духа Святого имеется два служения: показывать верующим, чего надо желать, а затем действительно затрагивать их сердца и устранять всякое сомнение, дабы они были стойкими в выборе добра. Однако вполне уместно отнести слово «приготовил» также и к обновлению жизни, которым Бог украшает нас еще в этом мире. Ведь таким образом Он отделяет нас от прочих людей и показывает, что определил нас к особой судьбе по Своей благодати.

6) *Всегда благодушествуем.* А именно: уповая на залог Духа. Иначе мы всегда бы трепетали, или, по крайней мере, то надеялись, то боялись. Мы не удержали бы один и тот же душевный настрой. Посему благодущие, о котором говорит Павел, лишь тогда обитает в нас, когда поддерживается Духом Божиим. Следующий затем союз следует переводить как причинный: мы благодушествуем, поелику знаем, что устраняемся из тела, и т.д. Ведь это знание есть причина нашего спокойствия и упования. Так что неверующие потому мучаются от вечного беспокойства и надменно восстают на Бога, что знают о своей скорой гибели. И высшее, конечное свое счастье они помещают в этой жизни. Мы же живем со спокойной душой и окрыленно бежим навстречу смерти, потому что имеем надежду лучшую.

Устранены от Господа. Все Писание вопиет о том, что Бог к нам близок. Здесь же Павел учит, что мы от Него устранены. По виду имеется противоречие, но разный способ присутствия и отсутствия легко его разрешает. Итак, Бог близок всем людям, поскольку силой Своей поддерживает всех. Он обитает в них, поскольку в Нем они живут, движутся и существуют. В Своих же верных Он присутствует большей действительностью Духа, живет в них, обитает среди них и даже внутри них. Но, между тем, Он отсутствует среди нас. Потому что не являет Себя видимым образом, когда мы еще странствуем вдали от Его царства, и лишены блаженного бессмертия, коим наслаждаются сущие с Ним ангелы. Хотя в этом месте странствие относится лишь к нашему познанию, как будет явствовать из тут же приводимой причины.

7) *Ходим верою.* **Εἶδος** я здесь перевел как «видение», потому что немногие понимают, что означает слово «вид». Апостол приводит причину, почему мы отсутствуем у Господа. Потому что не видим Его лицом к лицу. Отсутствие состоит в том, что Бог не лицезрется нами напрямую. И именно потому, что мы ходим

верою, вера сама по себе заслуженно противопоставлена видению. Ведь она воспринимает то, что сокрыто от человеческого взора, простирается на то, что еще не стало явным. Таково положение верующих: они больше похожи на мертвых, нежели на живых, часто кажутся покинутыми Богом, всегда нося в себе материю смерти. Итак, им необходимо надеяться сверх надежды. Сейчас же то, на что они надеются, сокрыто, как сказано в Рим.8:24, и вера есть лицемерие не явленных нам вещей. Посему не удивительно, если апостол говорит: мы лишены видения, пока ходим верою. Мы видим, но лишь в зеркале и образе, то есть, вместе самой вещи мы полагаемся на слово.

8) *Благодушествуем.* Апостол снова повторяет, что прежде говорил об уповании благочестивых. Они не ломаются под тяжестью креста и не отчаиваются душою, делаясь беспокойными. Последнее же из всех зол – это смерть. Однако верующие вздыхают по ней, словно по началу совершенного блаженства. Посему союз этот можно понимать как причинный: ничто не может приключиться с нами, что лишило бы нас упования и благодушия. Так и погибель (столь ужасная для прочих) для нас – великая выгода. Ибо нет ничего лучше, как выйти из тела, дабы перейти к жительству с Богом и открыто наслаждаться Его присутствием. Значит от истлевания внешнего человека мы не терпим никакого урона. Заметь здесь то, о чем уже говорилось: истинная вера порождает не только презрение, но и желание смерти. Посему, наоборот, признак неверия – когда ужас перед смертью господствует в нас, подавляя радость и утешение надежды. Верующие желают смерти, но не для того, чтобы в неуместном желании упредить день Господень. Они добровольно остаются в земном жилище, покуда это угодно Господу. Они предпочитают скорее жить ради славы Христовой, нежели умереть для самих себя и своей пользы. Ведь желание, о котором говорит Павел, есть вера. Итак, она несколько не отклоняется от божественной воли. Из этих слов Павла также можно заключить, что души, разлученные с телами, живут у Бога. Ведь, если, устранив от тела, они входят в присутствие Божие, то, несомненно, с Ним живут. Здесь некоторые спрашивают: почему же тогда святые отцы столь сильно боялись смерти. Как, например, Давид, Езекия и вся израильская церковь. Это видно из шестого псалма, из Ис.38:3, Пс.113:25. Знаю, что обычно на это отвечают. Смерть потому была для них столь ужасна, что откровение о будущей жизни в то время оставалось неясным. Посему утешение их и было слабым. Согласен: это некоторым образом разрешает вопрос, но разрешает не полностью. Ибо не всегда трепетали перед угрозой смерти святые отцы ветхой церкви. Скорее они воодушевленно принимали смерть и в душе радовались ей. Ведь Авраам по исполнении дней своих отошел без всякого ропота, об Исааке мы тоже не читаем, чтобы он избегал смерти, Иаков же при последнем издыхании исповедал, что ждет спасение Господне. Да и сам Давид умирал спокойно, без слез, так же поступил и Езекия. То же, что Давид и Езекия однажды, рыдая, молили избавить их от смерти, происходило оттого что Господь наказывал их за определенные грехи. Посему в приближавшейся смерти они чувствовали гнев Господень. Это и было причиной их волнения, которое и сегодня могут ощущать верные во времена Христова царства. Желание же, о котором говорит Павел, есть расположение хорошо настроенной души.

9. И потому ревностно стараемся, водворяясь ли, выходя ли, быть Ему угодными; 10. ибо всем нам должно явиться пред судилище Христова, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое. 11. Итак, зная страх Господень, мы вразумляем людей, Богу же мы открыты; надеюсь, что открыты и вашим совестям. 12. Не снова представляем себя вам, но даем вам повод хвалиться нами, дабы имели вы что сказать тем, которые хвалятся лицем, а не сердцем.

(9. И потому стараемся, находясь ли дома, выходя ли наружу, Ему угождать; 10. ибо всем нам должно явиться пред судилище Христова, чтобы каждому получить соответственно тому, что сделано в теле, доброе или худое. 11. Итак, зная страх Господень, мы вразумляем людей, Богу же мы открыты; надеюсь, что открыты и в ваших совестях. 12. Не снова представляем себя вам, но даем вам повод хвалиться нами, дабы имели вы что-то против тех, которые хвалятся лицем, а не сердцем.)

9) *И потому.* Разобрав вопрос о том, сколь великодушными надлежит быть христианам в перенесении скорбей, чтобы, даже умирая, быть победителями смерти, – причем именно потому, что через скорби и смерть они приходят к блаженной жизни, – апостол из того же самого начала выводит и другое положение: они должны совершать все это с особым усердием, дабы угодить Богу. Действительно, надежда на воскресение и размышление о последнем суде неизбежно должны возбуждать в нас усердие. Наоборот, мы ленивы и нерадивы в своем служении именно потому, что нам редко или никогда не приходит на ум мысль, о которой мы обязаны постоянно помнить: здесь мы – лишь временные странники и, совершив земной путь, должны вернуться ко Христу. Заметь, что апостол говорит: это усердие присуще как мертвым, так и живым. Этим еще раз подтверждается бессмертие души.

10) *Должно явиться.* Хотя это присуще всем, не все подряд до такой степени возносятся мыслью, что каждый миг думают о предстоящем суде Христовом. Но Павел, говоря, что всегда ходил пред Христом в святом и правом усердии, хочет косвенно упрекнуть мнительных учителей, для которых достаточно одного людского одобрения. Ведь, сказав, что никто не может избежать, он неким образом призывает их к небесному судилищу. Кроме того, слово «явиться», хотя его и можно толковать как «предстать», по моему мнению, означает более глубокую мысль. Тогда мы все выйдем на свет, в то время как ныне многие скрываются в сумерках. Ибо тогда будут открыты книги, остающиеся сейчас запечатанными.

Чтобы каждому получить. Поскольку это место говорит о воздаянии за дела, надо коротко отметить: как Бог наказывает за злые дела, так и за добрые Он воздает наградой. Однако на разном основании. За злые дела воздается кара, которую они заслуживают, но в вознаграждении добрых дел Бог не смотрит на заслуги или их достоинство. Ведь никакое дело не совершенно и не законченно настолько, чтобы заслуженно Ему нравиться. Кроме того, дела любого человека угодны Богу только тогда, когда исполняется весь закон. Но нет никого, кто был бы столь совершенен. Посему остается одно спасение: чтобы Бог принял нас по незаслуженной благодати и оправдал нас, не вменяя нам грехи. Приняв же нас в благодать, Бог также по незаслуженной благосклонности принимает и наши дела. Отсюда и происходит награда. Итак, нет ничего абсурдного в том, что апостол удостоивает добрые дела награды. Лишь бы мы поняли: это не мешает людям даром получить вечную жизнь. Об этом я много говорил, комментируя предыдущее Послание, и наши *Наставления* подробно освещают данную тему. Говоря, «в теле», Павел понимает не только внешние дела, но и все дела, совершаемые во время телесной жизни.

11) *Итак, зная.* Апостол возвращается к своей персоне, или снова применяет лично к себе всеобщее учение. Я, – говорит он, – хорошо знаю страх Божий, который должен царить в сердцах всех благочестивых. Знать страх Господень означает быть причастником знания, что однажды надо дать отчет на судилище Христовом. Ведь тот, кто думает об этом всерьез, неизбежно убоится и стяхнет с себя всякое небрежение. Итак, Павел свидетельствует, что добросовестно и верно исполнял свое апостольство, как тот, кто, помня о грядущем отчете, в страхе ходит перед Господом. Поскольку же противники могли возразить: ты сильно себя превозносишь, но кто знает, правда ли то, о чем ты проповедуешь, – Павел говорит, что он исполнял учительское служение перед людьми, но Богу известно, с какой искренностью он совершал свое дело. Он как бы говорит: как уста мои обращаются к людям, так и сердце мое к Богу.

Надеюсь. Уточнение сказанного. Апостол добавляет: свидетелем его добросовестности является не только Бог, но и сами коринфяне, видевшие его и имевшие с ним общение. Итак, надо отметить два момента: не достаточно, если кто честно и мужественно ведет себя перед людьми, если он при этом не прав душою перед Богом. Во-вторых, напрасно притязать на что-то, если не можешь доказать, что это имеешь. Ибо больше всего дерзки в присвоении себе всего именно те, кто ничего не имеет. Итак, кто хочет доверия к себе, пусть представит дела, внушающие его словам веру. Но быть открытым совести означает больше, нежели быть известным делами. Ибо совесть смотрит глубже, нежели суд плоти.

12) *Не снова представляем.* Апостол подтверждает только что сказанное и одновременно упреждает клевету. Ведь могло показаться, что он слишком заботится о собственной славе, упоминая о себе столько раз. Более того, скорее всего нечестивые как раз это и ставили апостолу в вину. И фраза «не снова представляем» сказана Павлом как бы от их лица. Слово «представлять» употребляется здесь в смысле – превозноситься и рекламировать себя. Добавляя же, что «дает им повод хвалиться», апостол хочет сказать: он действует больше ради них, нежели ради самого себя, и все им сделанное способствует их славе. Также Павел косвенно попрекает их в неблагодарности. За то, что они не сочли своим долгом возвеличить его апостольство и, тем самым, освободить от этого его самого. Также они не поняли, что сами больше Павла заинтересованы в прославлении его апостольства. Эти слова учат нас: слуги Христовы должны заботиться о мнении других лишь в той степени, в какой это полезно для Церкви. Павел уверяет, что именно такое чувство и царит в его душе. Пусть другие посмотрят, справедливо ли они претендуют на его пример. Также мы научаемся здесь тому, что истинная похвала служителя скорее обща для него и для Церкви, нежели относится лишь к нему. То есть, похвалой бывает то, что способствует общему благу.

Дабы имели вы. Апостол хочет сказать: надлежит отвергать суесловие тех, кто превозносит себя впустую. И в этом прямая обязанность Церкви. Ведь подобное самомнение – одна из самых вредных болезней. И покрывать ее, делая вид, что не замечаешь, – гибельнейшее дело. Поскольку же коринфяне об этом не заботились, Павел напоследок увещевает их о том, что надобно делать. «Хвалиться лицом, а не сердцем» означает напускать дым от внешней помпы и за ничто считать искренность сердца. Ведь те, кто правильно настроен в своем сердце, будут хвалиться в одном лишь Боге. Там же, где имеется пустая видимость, нет никакой искренности и никакой душевной правоты.

13. Если мы выходим из себя, то для Бога; если же скромны, то для вас. 14. Ибо любовь Христова объемлет нас, рассуждающих так: если один умер за всех, то все умерли. 15. А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего. 16. Потому отныне мы никого не знаем по плоти; если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем. 17. Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое.

(13. Если мы безумствуем, для Бога безумствуем; если же здравы, здравы для вас. 14. Ибо любовь Христова принуждает нас, рассуждающих так: если один умер за всех, то все умерли. 15. А за всех умер, чтобы живущие после того не для себя жили, но для умершего за всех и воскресшего. 16. Потому отныне мы никого не знаем по плоти; если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем. 17. Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, вот, соделано все новое.)

13) *Если мы выходим.* Это сказано в виде уступки. Ибо похвала Павла была здоровой, а если и безумием – то трезвым и мудрейшим. Но поскольку многим она казалась глупой, Павел говорит как бы от их лица. Павел утверждает две вещи: он никогда не думал о себе, но стремился лишь послужить Богу и Церкви. Кроме того, он не боится людского мнения, и готов считаться и безумным, и здоровым, лишь бы верно исполнять Божие и церковное служение. Итак, смысл следующий: пусть люди принимают, как хотят, что я много говорю о своей добросовестности, – я делаю это не ради себя, но только ради Бога и Его Церкви. Итак, я готов молчать и говорить, если того требует слава Божия и благо Церкви, я охотно стерплю, что мир сочтет меня безумцем, лишь бы безумствовать не для себя, но для Бога. Это место достойно не только замечания, но и усердного размышления. Ведь если мы не будем настроены так же, малейшее препятствие уведет нас от исполнения долга.

14) *Ибо любовь Христова.* Слово любовь можно понимать как в пассивном, так и в активном смысле. Я предпочитаю последний. Если мы не жестки как камень, то непременно полностью посвятим себя Христу, как только подумаем о том, какой любовью Он возлюбил нас, пойдя за нас на смерть. И Павел толкует самого себя, добавляя: справедливо, чтобы мы жили для Него и умерли для себя. Итак, как прежде он сказал, что понуждается к служению страхом, зная, что некогда надо будет дать отчет, так и теперь указывает на другой стимул: безмерную любовь к нам Иисуса Христа, пример которой явила нам Его смерть. Знание об этой любви должно принудить наши чувства, дабы они склонялись не к чему иному, как к ответной любви. В слове «принуждать» содержится метафора. Ведь не может быть так, чтобы всякий, истинно размышлявший о той чудной любви, засвидетельствованной нам в смерти Христовой, не предал себя ей в послушание, как бы связанный и прикованный к ней прочнейшей цепью.

Если один умер за всех. Следует со тщанием отметить здесь цель смерти. Христос потому умер за нас, чтобы мы умерли для себя. Отметим также и объяснение: умереть для нас значит жить для Христа. Или же, точнее, отречься от себя, дабы жить для Христа. Ведь Христос искупил нас для того, чтобы иметь в Своей собственности как принадлежащее Себе стадо. Отсюда следует, что мы больше не принадлежим себе. Похожее место имеется и в Рим.14:15. Хотя здесь раздельно говорится о двух вещах. Во-первых, мы умерли во Христе, дабы исчезло всякое самомнение и желание превозношения, а уничижение было не в тягость. И, во-вторых, мы обязаны Христу жизнью и смертью, поскольку Он полностью привязал нас к Себе.

16) *Потому отныне.* Знать здесь означает «полагать». Апостол как бы говорит: мы не судим по внешней личине, не считаем самым великим того, кто таковым лишь кажется. Под плотью же он понимает внешние дарования, которые обычно ценят люди; в итоге же – все, что считается достойным похвалы без духовного возрождения. Хотя в собственном смысле апостол говорит здесь о внешней помпе (называемой видимостью). Он намекает на упомянутую им смерть и как бы говорит: так как все мы должны умереть для настоящей жизни, и в нас ничего нет, то никто не должен считаться рабом Христовым по плотскому превосходству.

Если же и знали. Смысл таков: хотя Христос и жил временно в этом мире, и люди видели Его в условиях, сопровождающих земную жизнь, теперь Его следует познавать иным образом, а именно – духовно, дабы не мыслить о Нем ничего мирского. Этим местом злоупотребляли некоторые фанатики, включая Сервета, дабы доказать, что человеческая природа Христа ныне поглощена божеством. Но нетрудно понять, сколь далеко смысл апостола отстоит от сего безумия. Ибо он говорит здесь не о сущности тела, но о внешнем виде. Он не говорит: мы больше не признаем во Христе плоти, – но отрицает, что оцениваем Христа по плоти. Все Писание вопиет о том, что ныне Христос ведет не менее славную жизнь в нашей плоти, чем ранее славно соизволил в ней пострадать. Больше того, если устранить эту основу, вся наша вера обрушится. Откуда надежда бессмертия, если не оттого что пример бессмертия мы видим в лице Христа? Как верую в нас была восстановлена праведность, – оттого что Христос, исполнив закон, упразднил непослушание Адама, – так от нее же нам явилась и жизнь. Оттого что Христос явил нашей природе царство Божие, из которого она была изгнана, и поместил ее в небесном жилище. Итак, если мы не признаем ныне Христовой плоти, у нас исчезнет все упование и утешение, которые мы в Нем по праву имеем. Однако мы признаем Христа нашим братом по плоти вовсе не плотским образом. Ведь мы полагаемся лишь на знание Его духовных даров. Итак, Он является для нас духовным не потому, что, отложив тело, обратился в дух, но потому, что возрождает Своих и управляет ими силою Своего Духа.

17) *Итак, кто во Христе.* Поскольку фраза апостола здесь не завершена, ее следует дополнить так: если кто во Христе, то есть – занимает место в царстве Христовом или в Церкви, то он – *новая тварь*. Апостол осуждает всякое почитаемое людьми превосходство в том случае, если отсутствует обновление сердца. Учение, красноречие и остальные дарования, действительно, многоценны и достохвальны, но там, где нет страха Господня и правой совести, вся их слава исчезает. Итак, никто не должен гордиться каким-либо превосходством, ведь главная похвала христиан – самоотречение. И это сказано не только для отвержения суетности лжеапостолов, но и для исправления мнительной самооценки коринфян, коим внешняя личина была важнее подлинной искренности. Хотя порок сей присущ любому столетию. Ибо найдется ли человек, который не ценил бы показуху больше, чем истинную святость? Итак, будем помнить про это увещание: не обновленные Духом Божиим, какими бы прикрасами не отличались, не должны занимать в Церкви какое-либо место.

Древнее прошло. Пророки, говоря о царстве Христовом, провозглашают новое небо и новую землю. Это значит, что все будет обращаться в лучшее, куда не исполнится радость благочестивых. Поскольку же царство Христово – духовно, обращение сие должно состояться в Духе. Посему апостол заслуженно начинает именно с этой мысли. Итак, изящна и уместна аллюзия Павла, приспособившего славу Христова царства для похвалы духовного возрождения. Древним он называет то, что не преобразовано Духом Божиим. Так что это имя противопоставлено благодати обновления. Говоря «прошло», апостол имеет в виду «исчезло», как обычно исчезают тленные вещи, когда проходит их время. Итак, один лишь новый человек процветает и торжествует во Христовом царстве.

18. Все же от Бога, Иисусом Христом примирившего нас с Собою и давшего нам служение примирения, 19. потому что Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово примирения. 20. Итак мы – посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом. 21. Ибо не знавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделали праведными пред Богом.

(18. Все же от Бога, Иисусом Христом примирившего нас с Собою и давшего нам служение примирения, 19. потому что Бог был во Христе примиряющим с Собою мир, не вменяя им преступлений их, и поместил среди нас слово примирения. 20. Итак мы за Христа осуществляем посланничество, и как если бы Сам Бог увещевал через нас; за Христа просим: примиритесь с Богом. 21. Не знавшего греха Он сделал за нас грехом, чтобы мы в Нем сделали праведностью Божией.)

18) *Все же от Бога.* Под всем апостол понимает все, относящееся к Христову царству. Он как бы говорит: если мы хотим принадлежать Христу, нам подобает возродиться от Бога. Однако это вовсе не повсеместный дар. Итак, он говорит здесь не об общем сотворении, но о благодати возрождения, коей Бог особо удостоивает Своих избранных, и которую Павел проповедует происходящей от Бога. Не потому что Бог творец и зиждитель неба и земли, а потому, что, обновляя Своих по Собственному образу, Он предстает новоявленным творцом Церкви. Итак, пусть всякая плоть смирится, а верные научатся следующему: как только они становятся новой тварью, им надо сразу же начинать жить для Бога. А этого не может быть, если верные не забудут о мире. Ведь они уже не от мира, потому что родились от Бога.

Примирившего нас. Здесь содержатся две мысли. Одна о примирении людей с Богом, другая – о том, как мы наслаждаемся этим примирением. Все это наилучшим образом соответствует сказанному ранее. Ведь апостол всякому превосходству предпоставляет добрую совесть. Теперь же он показывает, что к этому стремится все Евангелие. Одновременно он указывает на достоинство апостольского служения, дабы коринфяне знали, что должны в нем искать. Ведь они потому не могли различить между истинными и ложными служителями, что им нравилась одна лишь внешняя видимость. Итак, данным напоминанием Павел пробуждает коринфян от сна, дабы те больше преуспели в евангельском учении. Отсюда и происходит прерватное восхищение мирскими людьми, служащими больше своей мнительности, нежели Христу – оттого что мы не знаем, в чем заключается вообще проповедническое служение. Теперь я возвращаюсь к тем двум мыслям, которые здесь излагаются. Первая состоит в том, что Бог примирил нас с Собою через Христа. Затем сразу же следует пояснение: потому что Бог был во Христе, и в Его лице совершил это примирение. К этому добавляется новое пояснение: потому что Христос сделался умилованием за наши грехи, обретя для нас спасение. Вторая мысль такова: благодать примирения сообщается нам через Евангелие, дабы мы стали ее причастниками. Это, возможно, самое примечательное место во всех сочинениях Павла. Посему подобает тщательно разобрать каждое сказанное им слово.

Служение примирения. Великолепное название Евангелия – оно есть посольство для примирения людей с Богом. Особым также является достоинство служителей: Бог посылает их к нам с заданием быть вестниками и как бы поручителями. Однако это сказано не столько для прославления служителей, сколько для утешения благочестивых. Дабы, всякий раз, слыша Евангелие, они знали: Бог говорит с ними о возвращении в Его благодать, и как бы заключает с ними договор. Что желаннее этого блага? Итак, будем помнить, что в этом и состоит главная цель Евангелия. Чтобы Бог, упразднив вражду между Ним и нами, принял нас, по природе детей гнева, в Свою благодать. Это поручение и вверено служителям – принести к нам весть о толиком благе. Больше того, соделать нас уверенными в Божией отеческой к нам любви. Любой человек может быть свидетелем сей божественной благодати, но Павел учит, что эта обязанность особо вверена служителям. Итак, когда законно поставленный служитель возвещает из Евангелия, что Бог с ними примирился, его надо слушать не иначе как Божия посланника, исполняющего (как говорят) общественную миссию и наделенного для ее исполнения законным авторитетом.

19) *Бог во Христе.* Некоторые понимают просто, как если бы было сказано: Бог во Христе примирил с Собою мир. Но смысл здесь богаче и глубже. А именно: во-первых, Бог был во Христе, а во-вторых, Его ходатайством Он примирил с Собою мир. Здесь это говорится об Отце. Ведь смысл стал бы несобственным, если понять так, что во Христе была Его божественная природа. Итак, Отец был в Сыне, согласно сказанному: Я в Отце, и Отец во Мне (Ин.10:38). Посему, имеющий Сына имеет и Отца. Павел же говорит это для того, чтобы мы научились довольствоваться одним Христом. Ведь в Нем мы открываем Самого Бога Отца, и Он действительно сообщает нам Себя через Христа. Смысл такой же, как если бы Павел сказал: поскольку Бог

был от нас далек, Он пришел к нам в лице Иисуса Христа. И так Христос сделался для нас истинным Эммануилом, а Его пришествие – приходом Бога к людям. Вторая часть предложения говорит о служении Христа, о том, что Он – наше умилоствление. Ведь вне Него Бог сердится на всех нас, потому что мы отпали от Его праведности. Итак, для чего Бог явился людям во Христе? Для примирения, дабы, устранив вражду, усыновить тех, кто ранее был Ему чужд. Хотя Искупитель Христос и пришел к нам из источника божественной любви, покуда люди не признают, что именно Посредник умилоствил Бога, с их стороны неизбежно будет оставаться вражда, мешающая им придти к Богу. Об этом подробнее мы расскажем ниже.

Не вменяя людям. Вот как люди возвращаются в благодать Божию. А именно: они считаются праведными, получив отпущение грехов. Ведь покуда Бог вменяет нам грехи, Он с необходимостью нас ненавидит. Бог не может быть другом грешников. Но, кажется, что это положение противоречит другому месту (Еф.1:4), где сказано: мы были возлюблены Богом до создания мира. Иоанн также говорит (3:16): великая любовь, которую имел к нам Бог, и была причиной того, что Он изгладил наши грехи через Христа. Причина же всегда предшествует своему следствию. Отвечаю: мы были возлюблены до создания мира, но только во Христе. Однако я признаю, что любовь Божия по времени и по порядку была первой со стороны самого Бога. Со стороны же нас начало любви положено в Христовом жертвоприношении. Ибо, когда мы созерцаем Бога вне Посредника, то можем увидеть только Его гнев. Посредник же, поставленный между Ним и нами, заставляет нас чувствовать Божие умилоствление. Но поскольку также необходимо знать, что Христос исшел к нам из источника незаслуженного божественного милосердия, Писание учит и тому, и другому. Гнев Отца был утихомирен жертвою Сына, и потому Сын был принесен для умилоствления людских грехов. Бог же от такого залога умилоствился над ними и принял их в Свою благодать. Итог следующий: там где грех, пребывает гнев Божий. Итак, Бог не иначе и не прежде умилоствляется по отношению к нам, нежели разрушив наши грехи путем их не вменения. Это благодеяние наша совесть не может принять без посредничества Христовой жертвы. Посему Павел обоснованно делает ее началом и причиной примирения с нашей стороны.

И дал нам. Апостол снова повторяет: поручение дано служителям Евангелия с целью донести до нас благодать Божию. Но можно возразить: где же теперь пребывает Христос, наш Примиритель с Богом? Сколь далек Он теперь от нас? Итак, апостол говорит: как Христос однажды пострадал, так и сегодня Он предлагает нам плод Своего страдания через Евангелие, которое по воле Его предстает в этом мире твердой и подлинной скрижалю однажды совершенного примирения. Миссия же служителей состоит в том, чтобы сообщить нам плод Христовой смерти. Но дабы кто не бредил о магическом сообщении, которое выдумали паписты, надо обратить внимание на сразу же следующие слова: все это сообщение состоит в проповеди Евангелия. Ибо папа со своими жертвами оправдывает под этим предлогом всю свою нечестивую и проклятую торговлю, проводимую им якобы для спасения душ. Господь, – говорит он, – наделил нас поручением и властью отпускать грехи. Да, – отвечаю я, – если вы исполняете ту миссию, о которой говорит Павел. Кроме того, отпущение, совершаемое в папской церкви, полностью магично. Отпущение грехов они заключают в свинец и пергамент, привязывают его к выдумкам и суевериям. Что общего имеет все это с Христовым установлением? Итак, церковные служители лишь тогда законно и правильно восстанавливают нас в благодати Божией, когда через Евангелие служат нам свидетелями примиренной с нами Божией милости. Убери это свидетельство, и не остается ничего кроме чистого обмана. Итак, остерегайся поместить вне Евангелия хотя бы каплю твоей надежды. Не отрицаю, что благодать Христова сообщается нам и через таинства, и что они подтверждают в нашей совести примирение с Богом. Но поскольку в таинствах запечатлено свидетельство Евангелия, их не следует ценить отдельно, но надо соединять с Евангелием как его дополнения. Наконец, служители Церкви только при том условии исполняют миссию свидетельства и примирения, если говорят от Евангелия как от подлинной скрижали Божией.

20) *Как бы Сам Бог.* Это немало утверждает посольство веры, более того – совершенно для него необходимо. Ибо кто положится на человеческое свидетельство о своем вечном спасении? Спасение – слишком важная вещь, чтобы мы могли довольствоваться человеческими обещаниями. Если только не ясно, что люди эти поставлены Богом и через них говорит Сам Бог. Сюда же относятся и те торжественные слова, которыми Христос украсил апостолов: кто слушает вас, Меня слушает. Все, что разрешите на земле, будет разрешено на небесах. И тому подобное.

От имени Христова просим. Отсюда мы заключаем, сколь справедливо восклицает Исаия (52:7): блаженны ноги благовествующих. Ведь только то достаточно нам для полного счастья (и без чего мы будем полностью несчастными), что приносит нам Евангелие. И если это служение поручено всем церковным служителям, так что ни апостолом, ни пастором нельзя считать того, кто его не исполняет, можно сразу же заключить, какова на самом деле вся иерархия папы. Они хотя и считаются апостолами и пастырями. Но, будучи немymi идолами, – как соотносуют свои притязания с этим отрывком из Павла? Слово «просим» выражает несравненную похвалу благодати Христовой; Он снисходит до того, что не гнушается нас просить. Тем менее извинительна наша извращенность, если мы во всяком смиреннии сразу же не станем обучаемыми и послушными.

Примиритесь. Следует отметить, что Павел говорит здесь с верными. Он свидетельствует, что каждый день исполняет для них это поручение. Итак, Христос не захотел только однажды загладить наши грехи, и Еван-

гелие установлено не для того, чтобы отпустить нам только грехи, совершенные до крещения. Но как мы ежедневно грешим, так же ежедневно возвращаемся в благодать по божественному отпущению. Ибо это и есть вечное послание, которое должно каждый день звучать в Церкви до скончания мира. Евангелие нельзя проповедовать, не обещая при этом отпущения грехов. Здесь мы видим подходящее свидетельство для опровержения нечестивого мнения папистов, велящего после крещения искать отпущение грехов где-то еще, а не в умилоствлении Христовой смерти. Во всех папистских школах вошла в обиход догма: после крещения мы заслуживаем отпущение грехов через покаяние при посредничестве власти ключей. Словно крещение приносит это отпущение без покаяния. Но под покаянием паписты понимают удовлетворения. А что же говорит здесь Павел? Он отсылает нас к единственному Христову умилоствлению, отсылает и после крещения не меньше, чем до него. Он делает это, дабы мы знали: отпущение всегда приходит к нам незаслуженно. То же различие, которое выдумали паписты, Павел пропускает, словно ничего не знает о нем. Далее, все, что ни болтали бы паписты о ключах – одно лишь пустословие. Ведь они воображают себе ключи без Евангелия, хотя ключи суть не что иное, как свидетельство незаслуженного примирения, возвещаемого нам благовестием.

21) *Не знавшего греха.* Не видишь ли, что, по словам Павла, возвращение в благодать основано только на единственной Христовой жертве? Итак, научимся же всегда думать о ней, когда желаем разрешиться от вины. Павел здесь яснее учит тому, о чем мы вскользь упоминали ранее: Бог лишь тогда милостив к нам, когда признает нас за праведников. Именно это и означают два положения: мы приняты Богом, и Бог считает нас праведными. Не знать грех означает быть лишенным греха. Итак, Христос, – говорит Павел, – будучи свободным от греха, *сделался за нас грехом.* Вошло в обиход называть грехом умилоствительную жертву, по этой причине латиняне также зовут ее умилоствлением. Павел и в этом, и в других местах заимствует эту фразу от евреев, для которых **חטאת** означает как умилоствительную жертву, так и сам грех и преступление. Однако и значение данного слова, и все предложение будет понято лучше, если сравнить обе части антитезиса. Грех здесь противопоставляется праведности, когда Павел учит: мы сделали праведностью Божией потому, что Христос соделался грехом. Праведность же понимается здесь не как качество и настрой, но как вменение, в том смысле, что праведность Христова считается принятой нами. Что же тогда обозначает грех? Состояние вины, которой мы подлежим по божественному суду. Как на жертву переносилось проклятие человека, так и осуждение Христа стало нашим оправданием, и язвами Его мы исцелились.

Праведными перед Богом. Во-первых, праведностью Божией разумеется здесь не та, которая даруется нам от Бога, но та, которая Им одобрена. Так и Иоанн (12:43) славой Божией зовет ту, что ценится у Бога, а людской – ту, которую суетно одобряет мир. И в Рим.3:23 Павел, говоря, что мы лишены славы Божией, имеет в виду, что в нас нет ничего, чем бы перед Богом хвалиться. Ведь казаться праведным перед людьми не очень трудно, но это ложная тень праведности, являющаяся причиной погибели. Итак, лишь та праведность истинна, которая принята Богом. Теперь вернемся к антитезису праведности и греха. Как мы станем праведными перед Богом? Как Христос стал грехом? Так, что, действуя от нашего имени, Он стал вместо нас виновным, и был судим словно грешник, но не за Собственные, а за чужие грехи. Хотя Сам Он был чист и свободен от всякой вины, Христос подвергся наказанию, положенному не Ему, но нам. Таким-то вот образом мы стали теперь в Нем праведными. Не потому, что собственными делами удовлетворили суду Божию, но потому, что считаемся праведностью Христовой, в которую облакаемся по вере, делая ее нашей. Посему предлог «ἐν» я предпочел сохранить, а не заменить словом «через». Ведь такой перевод лучше передает мысль Павла.

Глава 6

1. Мы же, как споспешники, умоляем вас, чтобы благодать Божия не тщетно была принята вами. 2. Ибо сказано: «во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе». Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения. 3. Мы никому ни в чем не полагаем преткания, чтобы не было порицаемо служение, 4. но во всем являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, 5. под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, 6. в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благости, в Духе Святом, в нелицемерной любви, 7. в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, 8. в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны; 9. мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; 10. нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем.

(1. Мы же, помогая, умоляем вас, не тщетно принимать благодать Божию. 2. Ибо сказано: «во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе». Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения. 3. Никому ни в чем не полагая преткания, чтобы не было порицаемо служение, 4. но во всем являя себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, 5. под ударами, в темницах, в гонениях, в трудах, в бдениях, в постах, 6. в искренности, в знании, в терпимости, в кротости, в Духе Святом, в нелицемерной любви, 7. в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, 8. в славе и бесчестии, в дурной и доброй молве: как обманщики, но правдивые; 9. как неизвестные, но знаменитые; как умершие, но вот, живые; как наказуемые, но не умирающие;

10. как огорчаемые, но всегда радующиеся; как нищие, но многих обогащающие; как ничего не имеющие, но всем обладающие.)

1) *Как споспешники.* Павел перечисляет поручения, коими Бог наделил евангельских служителей. С верностью исполнив эти поручения, они также должны по мере сил стараться, чтобы дела их не остались тщетными. Они должны добавить к ним постоянные увещания, дабы посланничество их стало действенным. Это и есть смысл Павлова *σπιερευοῦντες*, то есть – быть настойчивыми в продвижении своей миссии. Ибо не достаточно учить, если при этом не понуждать. Таким образом, приставка *σὺν* относится к Богу, или к посланничеству, порученному Его служителям. Ведь увещания помогают евангельскому учению, дабы оно принесло плод. И служители соединяют усердие свое с заповедью Божией. Как и послу прилежит убеждать людей в том, что он возглашает от имени суверена. Но приставка *σὺν* может также относиться к общему усердию служителей. Ведь, если они от души исполняют дело Господне, то должны протягивать друг другу руку и друг другу помогать. Лично мне больше нравится первое толкование. Златоуст же относит сказанное к слушателям, с которыми сотрудничают служители, пробуждая их от лени и оцепенения. Здесь служителей учат: не достаточно просто возвестить учение, надо стремиться к тому, чтобы его принимали слушатели. И не один раз, но постоянно. Ибо первая обязанность вестников Божиих по отношению к людям состоит в том, чтобы предложить благодать Божию, а вторая – приложить все усилия, чтобы та не оказалась предложенной напрасно.

2) *Во время благоприятное.* Павел цитирует пророчество Исаии, вполне подходящее его увещанию. Здесь без сомнения, как явствует из контекста, идет речь о царстве Христовом. Итак, Отец, делая Сына вождем и собирателем Церкви, обращается к Нему с такими словами: во время благоприятное Я услышал Тебя. Однако мы знаем про аналогию между Главой и членами Его тела. Ибо Христос был услышан от нашего имени. В Его руке заключается все наше спасение, именно о нем Он взял на Себя заботу. Посему нас всех в лице Иисуса Христа учат не пренебрегать возможностью обрести спасение. Там же, где греческий переводчик пишет *ἐυπρόσδεκτον*, у пророка стоит *רַצוֹן*. То есть, относящееся к благоволению и незаслуженному расположению. Так данное свидетельство приспособляется к настоящей цели апостола. Поскольку Бог указывает на определенное время явления благодати, значит не всякое время для этого подходит. Когда говорится о конкретном дне спасения, значит оно не предлагается во всякий день. Далее, это все зависит от провидения Божия. Ибо благоприятное время есть то же самое, что и время полноты (Гал.4:4). Также надо отметить порядок времен. Вначале время благоволения, затем – *день спасения*. Так дается понять, что наше спасение происходит, как из своего источника, лишь от милосердия Божия. Итак, не следует искать причины в нас, словно делами мы подвигаем Бога даровать нам Свою благодать. Почему наступает день спасения? Потому что наступило благоприятное время. То есть, потому, что Бог определил нас к этому по незаслуженному благоволению. Между тем, надо иметь в виду замысел Павла: необходимо спешить, чтобы не упустить случай. Ведь Бог гневается, когда мы медлительно и вяло принимаем предложенную Им благодать.

Вот, теперь. Пророк говорил это о времени, когда Христу во искупление людей предстояло явиться во плоти. Павел же переносит данное пророчество на время, когда Христос открывается нам в постоянном евангельском учении. И заслуженно. Как однажды спасение было послано миру с явлением Христа, так и теперь оно ежедневно посылается нам, когда мы становимся причастниками Евангелия. Прекрасное место, приносящее немалое утешение: когда нам проповедуют Евангелие, мы должны твердо знать, что нам открыт доступ в царство Божие. Тогда перед всеми возносится знак благоволения Божия, и нас приглашают принять предложенное спасение. Ведь возможность его принять надо оценивать по призванию. Однако, если мы не воспользуемся этой возможностью, надо опасаться отвержения. Об этом отвержении и говорит Павел: дверь вскоре закроется перед всеми, кто своевременно не вошел. Ибо это мщение всегда следует за презрением к Слову.

3) *Не полагаем претыкания.* Несколько раз уже говорилось, что Павел то в общем хвалит евангельское служение, то конкретно демонстрирует свою добросовестность. Итак, теперь он говорит о себе, и в своем лице предлагает нам образ испытанного и верного апостола, дабы показать коринфянам, сколь превратны были судьи, предпочтшие ему ветреных хвастунов. Ведь, воздавая почести их притворству, коринфяне выше всего ставили утонченных людей, лишенных всякого рвения, а о лучших служителях думали низко и презренно. Нет сомнения: то самое, что Павел говорит теперь в свою пользу, и вызвало презрение с их стороны. Тем большего упрека были достойны те, кто счел за поношение повод для истинной похвалы. Итак, Павел говорит здесь о трех вещах: он учит, по каким добродетелями надо оценивать евангельских учителей, показывает, что сам наделен этими добродетелями, и, наконец, своим примером увещивает коринфян не признавать слугами Христовыми тех, кто ведет себя иначе. Цель его в том, чтобы снискать себе и себе подобным авторитет во славу Божию и ради блага Церкви, или же в том, чтобы устранить возникшую смуту. Во-вторых, Павел хочет отвадить коринфян от порочного пристрастия к лжеапостолам, что служило препятствием в их евангельском преуспевании. Служители полагали для них претыкание, те служители, которые своими пороками задерживали в слушателях евангельский прогресс. И Павел отрицает, что поступал таким образом. Он свидетельствует, что тщательно остерегался осквернить свое апостольство каким-либо бесславием. В этом и состоит замысел сатаны: найти в служителях порок, который приведет к бесчестию самого Евангелия. Там, где ему удастся опорочить служение, погибнет всякая надежда на успех. Итак, тот, кто хо-

чет с пользой служить Христу, должен всячески стараться поддерживать честь своего служения. Способ этого – стремиться лишь к тому, что достойно похвалы. Ибо смешнее всего желать высокой оценки со стороны других и одновременно навлекать на себя поношение порочной и постыдной жизнью. Итак, лишь тот достоин уважения, кто не делает ничего недостойного слугителя Христова.

4) *В великом терпении.* Сюда же относится и следующее затем длинное перечисление. Все испытания, которыми Господь обычно проверяет Своих слугителей, Павел выдержал с честью. Нет такого испытания, которым бы он ни был проверен, дабы еще больше укрепить доверие к своему служению. Среди прочего он перечисляет и нечто такое, что постоянно требуется от всех слуг Христовых. Таковы: труды, искренность, знание, бодрствование, кротость, любовь, слово истины, Дух, сила Божия, оружия праведности. Однако Павел называет и то, что не всегда необходимо. Ибо, чтобы быть слугой Христовым, не нужно подвергаться ударам и заключению в темницу. Посему эти признаки могут не иметь места даже в лучших слугителях. Однако всем следует настроиться таким образом, чтобы, если будет угодно Господу, предать себя вместе с Павлом бичеваниям и темнице. Терпение есть сдержанность души в противных обстоятельствах, оно – постоянная добродетель доброго слугителя. Скорби имеют больший охват, чем нужды, если под нуждами здесь понимать нищету. Далее, многим слугителям свойственна нищета, однако не всем. Почему же средний недостаток препятствует человеку быть слугителем, если он благочестив, прав душой, честен в жизни, наделен прочими добродетелями? Как нищего нельзя считать хорошим слугителем лишь потому, что он нищ, так и богатого не следует отвергать только на основании богатства. Более того, в другом месте (Фил.4:12) Павел хвалится тем, что знал изобилие, не меньше, чем хвалится здесь своей нищетой. Итак, надо, как я сказал, проводить различие между временными и вечными похвалами.

5) *В изгнаниях.* Чем спокойнее, чем более кротким был дух Павла, там большей была его способность выдерживать гонения. Он также ставит себе в похвалу то, что, опасаясь гонений, тем не менее, стойко их переносит. Ибо похвала не только в том, чтобы не провоцировать гонения (как обычно поступают все смутьяны), но и в том, чтобы не ожесточаться, страдая по чужой вине. Действительно, и то, и другое требуется от евангельских слугителей: они должны стремиться не к подвигам, но к умиротворению. Однако и во время смут они пребывают несломленными. И не отклоняются от правого пути, даже если небо падает на землю. Хотя Златоуст под *ἡκαταστασία* предпочитает понимать частые изгнания. Ибо Павел нигде не находил спокойного приюта.

В постах. Павел не имеет в виду голод вследствие бедности, но добровольное упражнение в воздержании. Знание же можно понимать двояко: или как само учение, или как умение действовать разумно и правильно. Второе я считаю более вероятным, потому что апостол сразу же говорит о слове истины. Дух метонимически означает здесь духовную благодать. Однако необоснованно измышление Златоуста, который из того, что апостол упоминает Дух отдельно, заключает, будто остальные добродетели были присущи Павлу по природе. Словно кротость, знание, искренность, оружия правды, происходят не от Духа Святого. Павел же упоминает Дух отдельно, как род, относящийся ко всем разновидностям. Что касается силы Божией, то она являла себя во многом: в великодушии, в действительности, в проповеди истины, в распространении Евангелия, в презрении к врагам и им подобным.

7) *Оружием правды.* Под праведностью понимай правоту совести и святость жизни. Павел употребляет подходящую метафору, поскольку всем служащим Богу действительно подобает воевать. Ибо враг их дьявол постоянно готов к нападению. Вооруженными же им надлежит быть во всех отношениях. Ведь, если дьявол ничего не достигнет при первом нападении, он сразу же готовит второе. То спереди, то сзади, то здесь, то там восстает он на верных слугителей.

8) *В чести и бесчестии.* Не слабое испытание для проверки человека. Ведь хуже всего человек переносит поношение и презрение. Посему во всех историях можно видеть, что лишь немногие герои устояли и не сломились под гнетом поношений. Так что признак души, утвержденной в добродетели – не отказываться от задуманного, не взирая даже на бесчестие. Редкая добродетель, но без нее нельзя явить себя слугой Божиим. О доброй славе надо заботиться, но лишь настолько, насколько нужно для назидания братьев. Дабы мы не зависели от слухов, а скорее относились и к ним, и к славе одинаково спокойно. Ведь Бог позволяет нам искушаться злословием со стороны нечестивых, проверяя, бескорыстно ли мы праведны. Кого отваживает от служения людская неблагодарность, показывает, что взирает не только на Бога, но и на себя. Итак, видя, как Павел подвергался бесславию и поношениям, но не пал духом, с негибимой душой все это перенес, и достиг своей цели, не будем и мы унывать, если с нами приключится то же самое.

Обманщиками. Здесь апостол говорит не только о том, как его оценивали нечестивые и внешние, но и о том, что о нем думали свои. Пусть теперь каждый поразмыслит сам, сколь недостойной была неблагодарность коринфян, и какого великодушия стоило продираться сквозь столь трудные препятствия. Однако Павел лишь косвенно обличает их превратный суд, говоря, что живет и радуется, когда его презирают словно мертвого и бедствующего. Он также попрекает их неблагодарность, говоря, что обогатил многих, хотя его презирали как нищего. Ибо среди них были и те, кого он содержал на свои средства. Больше того, все до одного весьма многим были ему обязаны. Павел иронически называет себя неизвестным, хотя плоды его трудов были известны и видны везде. Кроме того, сколь бесчеловечно презирать бедность того, кто поддер-

живал тебя из своего достатка? Богатства же он имеет в виду духовные, кои должны цениться много больше земных.

11. Уста наши отверсты к вам, Коринфяне, сердце наше расширено. 12. Вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно. 13. В равное возмездие, – говорю, как детям, – распространитесь и вы. 14. Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? 15. Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным? 16. Какая совместность храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога живаго, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом. 17. И потому выйдете из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я приму вас. 18. И буду вам Отцем, и вы будете Моими сынами и дщерями, говорит Господь Вседержитель.

(11. Уста наши отверсты к вам, Коринфяне, сердце наше расширено. 12. Вы не стеснены в нас; но стеснены в утробах ваших. 13. То же самое воздаяние требую я как от сынов: да расширитесь и вы. 14. Не тяните ярмо с неверными, ибо какое участие праведности с беззаконием? Какое общение света с тьмою? 15. Какое согласие Христа с Велиалом? Или какая доля верного с неверным? 16. Какая совместность храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога живаго, как сказал Бог: буду обитать в них и буду ходить среди них; и буду их Богом, и они будут Моим народом. 17. И потому выйдете из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я приму вас. 18. И буду вам Отцем, и вы будете Моими сынами и дщерями, говорит Господь Вседержитель.)

11) *Уста наши отверсты.* Поскольку отверстые уста есть признак упования, если связать это предложение с предыдущим, смысл будет таков: у меня есть много поводов для похвальбы, и уста мне отверзает правая совесть. То же, что вы думаете о нас плохо, происходит не по нашей вине, но потому, что вы неправильно судите. Ибо вы должны были лучше думать о моем служении, которое Бог столькими способами сделал для вас почтенным. Однако я перевозжу иначе. Потому отверсты уста мои, – говорит Павел, – что расширено и мое сердце. Что же означает сие расширение сердца? Оно означает окрыленность, происходящую от благоволения. Метафора сия вполне обыденна – когда стесненное и сдавленное сердце означает скорбь, скуку, или раздражение. Ему противопоставляется сердце расширенное, по причине противоположных чувств. Итак, Павел говорит здесь только то, что мы ежедневно ощущаем. Там, где мы имеем дело с друзьями, наше сердце расширяется, все чувства обнаруживаются, ничто не остается сокрытым или запертым. Больше того, сама душа как бы выпрыгивает и хочет показаться всем. Отсюда и язык наш становится свободным и несвязанным, не заплетается, не исторгает из глотки отрывочные звуки, как обычно бывает, когда душою владеет не столь радостное чувство.

12) *Вам не тесно.* То есть, по вашей вине вы не можете воспринять мою из-за вас радость. Мои уста отверсты для близкой беседы с вами. Мои чувства охотно на вас изливаются, но вы запираете свою утробу. Павел хочет сказать: по вашему же превратному суду вам не нравится то, что от меня проистекает.

13) *В равное возмездие.* Он смягчает упрек как ласковым именованьем их детьми, так и увещанием, коим намекает, что до сих пор надеется о них на лучшее. То же самое воздаяние он понимает как взаимный долг. Ибо между отцом и детьми имеется взаимная ответственность. Ведь как родители должны кормить детей, наставлять их, управлять их помыслами, охранять их, так и дети по справедливости должны воздавать родителям благодарностью. В итоге, Павел имеет в виду *ἀντιπελαργίαι*, как называют ее греки. Я, – говорит апостол, – испытываю к вам родительские чувства, вы же, в свою очередь, проявите ко мне сыновнее благочестие и почтение. Хотя следует отметить особое обстоятельство: коринфяне, имея столь человеческого отца, со своей стороны должны стать послушными и за общение с Павлом воздать ему обучаемостью. Поэтому он и велит им расшириться в сердце. Древний переводчик, не уразумев мысли Павла и добавив причастие «имеющие», выразил больше свое понимание, чем Павлово. В нашем же толковании (принадлежащем также и Златоусту) нет ничего натянутого.

14) *Не преклоняйтесь.* Словно восстановив свой авторитет, Павел начинает свободнее порицать их за то, что они соединились с неверными во внешнем идолопоклонстве. Он увещевал их явить себя обучаемыми по отношению к нему как к своему отцу. Теперь же он по праву порицает порок, которым они страдали. В первом послании мы говорили, каким был этот порок. Коринфяне, считая себе все дозволенным во внешних вещах, повсеместно оскверняли себя суевериями нечестивых. А именно, посещая пиршества неверных, они участвовали в их мирских и нечистых обрядах. И, греша столь тяжко, коринфяне считали себя безвинными. Итак, Павел обрушивается здесь на внешнее идолопоклонство, приказывая коринфянам полностью от него отойти. Но начинает он с общего учения, дабы от него перейти к конкретному примеру. Ведь тянуть ярмо с неверными означает участвовать в бесплодных делах тьмы и протягивать им руку в знак согласия. Многие толкуют это место как относящееся к браку, но контекст ясно показывает их заблуждение. Слово, которым пользуется Павел, означает войти в общение с целью тянуть одно ярмо. Метафора заимствована здесь от быков и лошадей, коим необходимо одинаково ступать и тащить один груз, когда они находятся в одной упряжке. Итак, запрещая нам соучаствовать с неверным и тащить с ними общее ярмо, Павел лишь хочет, чтобы мы не принимали участие в их осквернении. Верно то, что нам светит одно солнце, питаемся мы одним хлебом, дышим одним воздухом, и не можем во всем воздерживаться от взаимного общения. Но Павел

говорит здесь о ярме нечестия. То есть – о соучастии в делах, в которые не подобает ввязываться христианам. По этой причине также запрещается брак с неверными. Ведь он – западня, в которую попадают и мужья, и жены, вынужденные соглашаться с нечестием противоположной стороны. Однако я хочу сказать, что учение Павла более широко и не ограничивается одним браком. Здесь идет речь об избежании идолопоклонства, в силу чего нам также запрещается заключать с неверными брак.

Что общего? Павел подтверждает свое увещание, указывая на то, сколь абсурдно и чудовищно соединение столь противных друг другу вещей. Эти вещи подходят друг другу не больше, чем огонь и вода. Итог таков: если коринфяне не желают все смешать, им следует воздерживаться от скверны нечестивых. Отсюда мы выводим: даже те, кто не одобряет суеверие в душе, сквернятся от подражания ему, если открыто не станут его сторониться.

15) *Какое согласие между Христом и Велиаром.* Об этимологии слова Велиал [в Синодальном пер.: Велиар; – комм. пер.] даже евреи между собой не согласны. Однако значение его несомненно. Ведь Моисей назвал нечестивые и распутные помышления словом и мыслями Велиала. Повсеместно сыны и люди Велиала зовутся преступными и развратными. Поэтому Павел употребил это слово, как означающее дьявола – главу всех беззаконников. И от подобия главы он быстро переходит к его членам, как бы говоря: между Христом и Велиалом непримиримая вражда, и такое же разделение должно быть между нами и нечестивыми. Кроме того, отрицая, что у коринфян есть доля с неверными, он имеет в виду не пропитание, одежду, поместья, солнце, воздух, – о чем я говорил выше, – но то, что свойственно именно неверным, от коих нас отделил Господь.

16) *Какая совместность храма Божия с идолами?* До сих пор Павел в целом запрещал верным соединяться с нечестивыми. Теперь же он объясняет, почему именно запрещает такой союз. Потому что они перестали считать грехом внешнее идолопоклонство. И в предыдущем послании Павел обличает подобную вседозволенность, понося ее многими словами. Вероятно еще не все были убеждены, не все были готовы принять данный им совет. Посему Павел жалуется на тесноту их утробы, которая одна только и виновна в отсутствии успеха. Он не повторяет заново прежние доводы, но довольствуется коротким увещанием, как мы обычно поступаем, когда говорим об известном деле. Хотя краткость не мешает ему быть острым. Ибо какая пламенность содержится в одном только слове, когда Павел утверждает, что нет общения храма Божия с идолами! Богохульная профанация – внести в храм Божий идола или какой-нибудь идолопоклоннический культ. Кроме того, мы и есть истинный храм Божий. Значит, святотатственно осквернять себя каким-либо прикосновением к идолам. Одна эта причина должна заменить тебе сто других. Если ты христианин, что у тебя общего с идолами? Ведь ты – храм Божий. Но Павел (как я уже говорил) использует не столько учение, сколько увещание, ибо излишне было рассуждать об этом как о неясной и сомнительной вещи.

Как сказал Бог: вселюсь. Павел доказывает, что мы – храм Божий, из того, что Бог некогда обещал израильскому народу обитать в его среде. Во-первых, Бог не может обитать среди нас, не обитая отдельно в каждом из нас. Ведь сказав: буду обитать среди вас, – Бог обещал нам некое особое благоденствие. И это обитание и присутствие не состоит в одних земных благословениях, но особо относится к духовной благодати. Итак, Павел хочет сказать не только то, что Бог близок к нам, как бы носясь в воздухе и обнимая нас со всех сторон. Он прежде всего имеет в виду, что престол Его расположен в нашем сердце. Если кто возразит, что слово «в» означает здесь «между», я охотно соглашусь. Но из того, что Бог обещает обитать между нами, я вывожу, что Он пребывает также внутри нас. Таков был и символ ковчега, о котором упоминал Моисей в том месте, которое, кажется, цитирует здесь Павел, а именно – Лев.26:12. Если же кто подумает, что Павел больше ссылается на Иез.37:27, смысл не изменится. Ведь пророк, описывая восстановление Церкви, как особое благо упоминает присутствие Божие, обещанное Им вначале через Моисея. То же, что означал тогда ковчег, более полно явлено нам во Христе, сделавшемся для нас Эммануилом. Посему думаю, что Павел скорее цитирует здесь Иезекииля, чем Моисея. Ведь Иезекииль также намекает на символ ковчега и возвещает, что все исполнится в царстве Христовом. Кроме того, апостол считает за данное, что Бог будет обитать только в святом месте. Если бы обитание относилось здесь к человеку, это был бы не храм, а обычный мирской дом. Но Богу присуще освящать то место, где Он соизволяет жить.

17) *И потому выйдете из среды их.* Увещание взято из Ис.52:11, где пророк, возвещая избавление народу, обращается с этими словами к священникам. Он имеет в виду именно священников, говоря: вы носите сосуды Господни. Ведь им было поручено попечение о сосудах, в которых совершались жертвоприношения и другие действия божественного культа. Нет сомнения: Исаия хотел их ободрить, дабы они, выходя, остерегались всякой скверны, которой кишела та местность. К нам это относится не меньше, чем к древним левитам. Ведь если такая чистота требуется от хранителей сосудов, то сколь больше ее требуется от самих сосудов? Однако все наши члены – суть сосуды, посвященные духовному божественному культу. А сами мы – царственное священство. Итак, будучи искупленными благодатью Божией, мы должны хранить себя чистыми от всякой скверны, дабы не бесчестить Божие святилище. Кроме того, пребывая в этом мире, мы искуплены и исхищены от скверны мира; поэтому, дабы избежать нечистоты, нам не нужно уходить из жизни, но следует лишь воздерживаться от недозволенного участия. Итог таков: если мы воистину всем сердцем опираемся на свое искупление, надо остерегаться осквернять себя прикосновением к нечистому.

18) *И буду вам Отцем.* Обетование сие встречается не только в этом месте, но повторяется везде. Павел добавляет его для того, чтобы, познав достоинство, которым нас наделил Бог, мы имели стимул к возрастанию в святости. Ведь если Бог восстановил Свою Церковь, собрав ее из мирских народов, из этого искупления следует, что верные должны быть Его сыновьями и дочерьми. Далеко не обычная честь – числиться среди детей Божиих. От нас же в свою очередь требуется представить себя Ему верными, не выродившимися детьми. Ведь какое оскорбление мы нанесем Богу, если, называя Его Отцем, оскверним себя идольской грязью? Итак, размышление о данном нам достоинстве должно обострить в нас усердие к святости и чистоте.

Глава 7

1. Итак, возлюбленные, имея такие обетования, очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божиим.

(Итак, возлюбленные, имея такие обетования, очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божиим.)

1) *Итак, возлюбленные.* Бог в Своих обетованиях упреждает нас чистой благодатью. Но, добровольно дав нам Свою благодать, Он сразу же требует от нас взаимную благодарность. Так Он говорил и Аврааму: Я – Бог твой, – вот приглашение незаслуженной благодати. Однако добавляется и требование: Ходи предо Мною и будь непорочен. Поскольку же эта вторая часть приводится не всегда, Павел утверждает, что данное условие присуще всем обетованиям, являясь для нас побуждением продвигать славу Божию. Откуда же он заимствует довод для нашего побуждения? Из того, что Бог удостоил нас толикой чести. Итак, такова природа обетования: оно должно призывать нас к освящению, в силу заключенного, как бы по умолчанию, договора с Богом. Мы знаем, чему повсеместно учит Писание о цели нашего искупления. И это же надо относить к отдельным проявлениям божественной благодати.

От всякой скверны плоти и духа. Поскольку Павел уже доказал, что мы призваны к чистоте, теперь он добавляет: она должна проявляться и в нашем теле, и в нашей душе. Ведь ясно, что под плотью он имеет в виду тело, а под духом – душу. Действительно, если бы Павел словом «дух» обозначил благодать возрождения, то фраза о скверне духа стала бы абсурдной. Итак, он хочет, чтобы мы были чистыми от скверны не только внутри, о чем может знать только один Бог, но и снаружи, что подлежит наблюдению людей. Павел как бы говорит: пусть у нас перед Богом будут чиста не только одна совесть. Мы также должны посвятить Ему наше тело и все наши члены, дабы ни в какой части не обитала в нас нечистота. Если же подумать о том, какой он приводит довод, мы легко увидим: весьма глупо поступают те, кто извиняет внешнее идолопоклонство незнамо какими оговорками. Ведь внутреннее нечестие и любое суеверие есть осквернение духа, что же разумеют они под скверною плотью, если не внешнее проявление нечестия, неважно, вынужденное или совершаемое добровольно? Они хвалятся чистой совестью. И хвалятся ложно. Но пусть даже хвалятся истинно, все равно они делают лишь половину того, что Павел требует от верных. Посему они не должны думать, что угодят Богу такой половинчатостью. Ведь тот, кто совершает какой-либо вид идолопоклонства или участвует в превратных, суеверных обрядах, даже если и чист душою (что на самом деле невозможно), все равно не избежит вины за осквернение своего тела.

Совершая святыню. Поскольку слово *ἐπιτελεῖν* означает у греков то совершать, то исполнять священные обряды, Павел изящно употребляет его в первом более общепринятом смысле. Одновременно он намекает и на освящение, о котором теперь ведет речь. Ведь слово «совершать», кажется, умышленно переносится здесь на священнодействия, поскольку в божественном культе нет ничего ущербного, но все должно быть совершенным. Итак, чтобы правильно посвятить себя Богу, надо твердо посвятить Ему и тело, и душу.

В страхе Божиим. Если бы в нас процветал страх Божий, мы бы не потакали себе столь сильно. И в коринфянах не проявилась бы подобная распущенность. Почему многие так потакают себе во внешнем идолопоклонстве и, не моргнув глазом, защищают столь тяжкий порок? Потому что им кажется, будто они безнаказанно смеются над Богом. Если бы в них восторжествовал страх Божий, они бы без всяких убеждений сразу же оставили свои уловки.

2. Вместите нас. Мы никого не обидели, никому не повредили, ни от кого не искали корысти. 3. Не в осуждение говорю; ибо я прежде сказал, что вы в сердцах наших, так чтобы вместе и умереть и жить. 4. Я много надеюсь на вас, много хвалюсь вами; я исполнен утешением, преизобилую радостью, при всей скорби нашей. 5. Ибо, когда пришли мы в Македонию, плоть наша не имела никакого покоя, но мы были стеснены отовсюду: отвне – нападения, внутри – страхи. 6. Но Бог, утешающий смиренных, утешил нас прибытием Тита, 7. и не только прибытием его, но и утешением, которым он утешался о вас, пересказывая нам о вашем усердии, о вашем плаче, о вашей ревности по мне, так что я еще более обрадовался.

(2. Вместите нас. Мы никого не обидели, никому не повредили, никого не обманули. 3. Не в осуждение говорю; ибо я прежде сказал, что вы в сердцах наших, чтобы вместе и умереть и жить. 4. У меня большое упование на вас, большая похвала вами; я исполнен утешением, преизобилую радостью во всякой скорби нашей. 5. Ибо, когда пришли мы в Македонию, плоть наша не имела никакого покоя, но мы были стеснены отовсюду: отвне – нападения, внутри – страхи. 6. Но Утешающий смиренных Бог утешил нас прибытием

Тита, 7. и не только прибытием его, но и утешением, которым он утешался о вас, возвещая нам о вашем ревении, ваших слезах, о вашей ревности по мне, так что я еще более обрадовался.)

2) *Вместите нас.* От учения апостол снова возвращается к своей личности. Но лишь с тем намерением, чтобы, научив коринфян, помочь своему делу. Предыдущее увещевание он завершает тем же предложением, которым ранее воспользовался в качестве введения. Ибо что значит фраза «вместите нас, или будьте способны нас вместить»? Она значит «расширьте свое сердце». То есть, не допускайте, чтобы дурные чувства и сомнительные мнения препятствовали учению проникнуть в ваши души и в них утвердиться. Ведь я с отеческим усердием стараюсь о вашем спасении. Несправедливо было бы, если б я обращался к глухим.

Никого не обидели. Апостол свидетельствует, что у них нет причины для отчуждения. Ведь он ни в чем их не обидел. Павел говорит о трех видах обиды, и утверждает, что от них чист. Первый – прямой вред и несправедливость. Второй – развращение посредством ложного учения. Третий – обман в отношении материальных благ. Этими тремя проступками пасторы обычно отчуждают от себя подопечный народ. Либо, когда ведут себя надменно и под предлогом своей власти прибегают к тиранической жестокости, либо, когда уводят с правого пути тех, кому должны быть вождями, и потчуют их искаженным учением, либо, когда, зарясь на чужое благо, являют неумеренное стяжательство. Кратко говоря: первый вид – это жесткость и злоупотребление властью, второй – неверность в учении, а третий – алчность.

3) *Не в осуждение.* Поскольку приведенное выше оправдание по виду было ультимативным, а, предъявляя ультиматумы, мы обычно кого-то оскорбляем, Павел смягчает сказанное. Я, – говорит он, – очищаю себя так, что хочу одновременно не попрекнуть и вас. Коринфяне проявили бесчеловечность и были достойны стать подсудимыми вместо Павла. Они были виновны дважды: в неблагодарности, и в том, что клеветали на невинного. Но мягкость апостола состояла в том, чтобы, довольствуясь одной защитой, воздержаться от ответных обвинений.

Я прежде сказал. Любящие никого не преследуют. Больше того, если кто согрешил, они делают вид, что не заметили, или же кротостью смягчают провинившегося. Посему Павел, доказывая, что не хочет обвинять коринфян, говорит о своей к ним любви. В определенном смысле он несомненно их осуждает, однако же отрицает, что это так. Ведь между желчью и укусом большая разница. Так и между осуждением, когда мучают и бесславят человека из ненависти, и осуждением, когда пытаются обратить грешника, чтобы вместе со спасением он вернул себе и честь.

В сердцах наших. То есть, я ношу вас в своей груди и живя, и умирая. И никакая перемена не расторгнет эту любовь. Ведь я готов не только жить вместе с вами, но, если потребуется, и умереть. Я пойду на что угодно, лишь бы не отречься от вашей дружбы. Вот какое чувство подобает иметь всем пастырям.

4) *Я много надеюсь.* Словно сумев, как хотел, открыть сердца коринфян, Павел, опуская все жалобы, изливает им свое сердце. Он как бы говорит: зачем, завершив дело, угруздаться еще? Ведь, кажется, я обладаю уже тем, чего прошу. То, что мне сообщил о вас Тит, не только достаточно для успокоения, но и дает повод уверенно о вас хвалиться. Это даже устранило печаль, причиненную мне другими тяготами. Апостол постепенно усиливает свою речь. Ведь хвалиться – это больше, чем быть спокойным в душе, а еще больше – избавиться от печали, вызванной многочисленными невзгодами. Златоуст толкует упование следующим образом: то, что я свободно говорю с вами, вызвано тем, что, уповая на ваше ко мне благоволение, надеюсь на позволение подобной вольности. Но я привел толкование, которое считают более вероятным, а именно: сообщение Тита устранило ложное мнение, прежде терзавшее душу Павла.

5) *Когда пришли мы в Македонию.* Величие скорби показывает действенность наступившего утешения. Я, – говорит апостол, – стеснен отовсюду, и внутренними и внешними тяготами. Однако все это не мешает изобилывать доставленной от вас радости. Слова «плоть наша не имела никакого покоя» означают следующее: в человеческом понимании я не имел облегчения. Он исключает отсюда духовные утешения, коими все время поддерживался. Итак, апостол тяготился не только телом, но и душою. Так что по-человечески он чувствовал лишь огромную горечь скорбей.

Отвне – нападения. Под нападениями Павел разумеет внешние нападки противников, причинявших ему беспокойство. Под страхом – тревогу, которую испытывал от внутренних проблем Церкви. Ибо он стеснялся не столько собственными, сколько общественными скорбями. Итак, Павел хочет сказать: его тяготили не только открытые враги, он претерпел великие скорби и от внутренних неурядиц. Ведь апостол видел, какова была немощь многих, почти всех верующих; сколь многими разнообразными кознями сатана пытался все привести в расстройство; сколь мало было искренних и постоянных христиан. А с другой стороны – притворные и никчемные люди, гордецы и смутьяны. Среди всех этих трудностей рабы Божии неизбежно мучаются страхом и трепещут. Тем более что вынуждены на многое закрывать глаза, лишь бы способствовать церковному миру. Посему Павел, сказав: отвне – нападения, внутри – страхи, – выразился вполне буквально. Верные пасторы открыто противостоят врагам, прямо нападающим на Христово царство. Но внутри также мучаются, видя, как Церковь страдает от внутренних тягот, с которыми они боятся публично бороться. И хотя Павел всегда пребывал в борьбе, на этот раз он, похоже, страдал особенно сильно. Действительно, слуги Христовы едва ли когда-нибудь свободны от страхов, а Павел был редко свободен даже от внешних

нападок. Но, поскольку в то время апостол скорбел особо, для нападения и страхов он использует множественное число, означая, что сражался со многими врагами и испытывал разные виды страха.

б) *Утешающий смиренных.* Это приводится в качестве причины. Ведь апостол знает: утешение дано ему потому, что он был сверх меры отягощен и подавлен. Бог обычно утешает смиренных, то есть – отчаявшихся. Отсюда можно вывести полезнейшее учение: чем больше мы скорбим, тем большее утешение уготовано нам от Бога. Так что в этом божественном качестве содержится великое обетование. Павел как бы говорит: прямая задача Бога – утешать несчастных и сокрушенных людей.

7) *И не только прибытием.* Дабы коринфяне не возразили: какое нам дело, что Тит обрадовал тебя своим приходом (то есть, ты любишь его, потому тебе и приятно было его видеть), – Павел говорит о причине этой радости. Ведь Тит, вернувшись от них, принес с собой радостные вести. Итак, Павел говорит, что обрадован не столько приходом одного человека, сколько благополучным состоянием коринфян.

Вашем усердии. Вот, сколь радостно было слушать Павлу рассказ о коринфянах. От большого уважения к его учению в коринфянах проснулось рвение. Слезы⁴ – это знак почтения. Ведь, проникшись упреками Павла, коринфяне стали оплакивать свои грехи. Усердие же свидетельствует о хорошем отношении. Из этих трех вещей выводится покаяние коринфян. А из него – полное удовлетворение Павла, ибо цель его состояла лишь в том, чтобы способствовать их спасению.

Еще более обрадовался. То есть, радость победила все страдания и скорби. Отсюда явствует не только то, сколь пламенно желал Павел общего блага Церкви, но и то, сколь кроток и милостив был его нрав. Он сразу же забыл все нанесенные ему тяжкие оскорбления. Хотя все это можно истолковать и иначе, в большем согласии с последующими словами. Так что, не знаю, таков ли в точности смысл сказанного апостолом. Но, поскольку вопрос этот не особенно важен, я с готовностью его пропускаю.

8. Посему, если я опечалил вас посланием, не жалею, хотя и пожалел было; ибо вижу, что послание то опечалило вас, впрочем на время. 9. Теперь я радуюсь не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились к покаянию; ибо опечалились ради Бога, так что нисколько не понесли от нас вреда. 10. Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть. 11. Ибо то самое, что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело в вас усердие, какие извинения, какое негодование на виновного, какой страх, какое желание, какую ревность, какое взыскание!

(8. Посему, если я опечалил вас посланием, не жалею, хотя и пожалел было; ибо вижу, что послание то опечалило вас, впрочем на время. 9. Теперь я радуюсь: не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились к покаянию; ибо опечалились ради Бога, так что нисколько не понесли от нас вреда. 10. Ибо печаль ради Бога производит нераскаянное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть. 11. Ибо то самое, что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело в вас усердие, и не только, но и защиту, негодование, страх, желание, ревность, взыскание!)

8) *Посему.* Теперь апостол начинает оправдывать коринфян. Ведь в предыдущем послании он обошелся с ними чересчур жестко. Надо отметить, сколь по-разному Павел ведет себя с ними, приспосабливаясь к разным людям. Причина в том, что речь его обращена ко всей Церкви, в которой одни думали о нем плохо, другие заслуженно ценили, – одни сомневались, другие были уверены, – одни способны к научению, другие ожесточены. И среди такого разнообразия апостол обращается то к одним, то к другим, дабы приспособиться ко всем. Кроме того, он смягчает проявленную ранее суровость, или, скорее, устраняет ее таким образом, чтобы это способствовало их спасению. Спасение ваше, говорит апостол, столь для меня ценно, что мне угодно все полезное для вас. И такая кротость лишь тогда уместна, когда учитель уже достаточно достиг своими упреками. Ведь если бы апостол обнаружил, что души коринфян еще ожесточены, и не почувствовал бы успеха от своих обличений, он никогда не смягчил бы своей суровости. Следует отметить: Павел радуется, что причинил печаль тем, кого любит. Он предпочел быть для них не приятным, а полезным. Но почему он добавляет «хотя и пожалел было»? Ведь если сказать, что Павлу не понравилось написанное им ранее, последует большая нелепость: предыдущее послание окажется написанным в необдуманном порыве, а не под диктовку Святого Духа. Отвечаю: слово «жалеть» употребляется здесь в несобственном смысле и означает «печалиться». Павел, опечалив коринфян, взял на себя и сам часть их печали, неким образом навлекая на себя грусть. Итак, он как бы говорит: хотя я невольно опечалил вас, и страдал от того, что был вынужден это сделать, теперь же я прекращаю скорбеть, поскольку вижу, что принес вам пользу. Возьмем, к примеру, отца. Отец, наказывая сына, скорбит от своей суровости. Однако же одобряет ее, поскольку видит ее полезной для сына. Так и Павлу было неприятно попрекать коринфян, но он понимал обоснованность попреков и предпочел исполнение долга собственному чувству.

Ибо вижу. Контекст здесь прерван. Однако это никак не затемняет смысла. Во-первых, Павел говорит, что понял, что его первое послание, хотя и было неприятным для коринфян, в конце концов, принесло им пользу. Во-вторых, он говорит, что радуется этой их пользе.

---

⁴ Плач.

9) *Не потому, что вы опечалились.* Апостол хочет сказать, что не услаждается их печалью. Скорее, если бы была возможность, он предпочел бы способствовать не только их спасению, но и радости. Однако Павел не мог действовать иначе. Поэтому говорит: их спасение столь ему дорого, что он радуется их печали, ведущей к покаянию. Есть врачи хорошие, но не милостивые, которые не щадят больных. Павел же отрицает, что таким является. Он употребляет горькие лекарства лишь в силу необходимости. Поскольку же, испробовав это врачевство, он добился успеха, Павел себя с ним и поздравляет. Таким же способом выражения он воспользовался в главе 5, ст. 4: мы вздыхаем, отягощенные этим жилищем, желая не совлечься, но облечься.

10) *Печаль ради Бога.* Дабы понять, что означает фраза «ради Бога», следует, во-первых, отметить присутствующее здесь противопоставление. Ведь печаль ради Бога апостол противопоставляет печали мирской. Теперь рассмотрим антитезис двойной радости. Радость мирская – это когда глупо и без страха Господня люди веселятся о чем-то пустом и напрасном, то есть, о настоящем мире. Опьяненные преходящей радостью они видят одно только земное. Радость же ради Бога – это когда люди все свое счастье полагают в Боге, обретая покой в Его милости. И при этом выказывают презрение к миру, пользуясь земным благополучием так, словно не пользуются им вообще, оставаясь радостными во всех тяготах и невзгодах. Итак, радость мирская – когда отчаиваются и плачут из-за земных скорбей, а радость ради Бога – та, которая взирает на Бога и считает единственным несчастьем отпасть от Его благодати, – когда люди, пораженные страхом суда, оплакивают свои грехи. Эту радость Павел и делает причиной и началом покаяния, что следует тщательно отметить. Ведь если грешник не станет себе неприятен, не возненавидит свою жизнь, не будет искренне скорбеть о своем грехе, он никогда не обратится к Господу. И наоборот, подобная грусть неизбежно обновит душу грешника. Значит, покаяние, по указанной мною причине, начинается со скорби. Никто не может вернуться на правильный путь, если прежде не возненавидит грех. Там же, где есть ненависть ко греху, также присутствует отвращение к себе самому. Выразительный намек апостол дает, говоря о «нераскаянном покаянии». На первый взгляд оно кажется горьким, но приносимая польза вынуждает его желать. Слово «нераскаянное» может относиться как к спасению, так и к покаянию, но, мне думается, оно больше подходит ко второму. Апостол как бы говорит: сама жизнь убеждает нас, что скорбь не должна быть тягостной. Хотя покаяние и содержит в себе нечто горькое, оно зовется «нераскаянным» вследствие драгоценного и приятного своего плода.

Ко спасению. Кажется, что покаяние Павел делает причиной спасения. Если же это истинно, значит мы оправдываемся делами. Отвечаю: следует отметить, о чем именно говорит здесь апостол. Он не ведет речь о причине спасения. Он лишь рекомендует покаяние, ссылаясь на его плод, называет его путем, ведущим нас ко спасению. И вполне уместно. Ведь Христос призывает нас незаслуженно, но призывает именно к покаянию. Бог незаслуженно отпускает нам грехи, но только тогда, когда мы отрекаемся от себя. Больше того, Бог производит в нас и то, и другое, чтобы мы, обновленные покаянием, избавились от рабства греху, и чтобы оправданные верою избавились от его проклятия. Итак, эти виды благодати неотделимы друг от друга. И вследствие их неразрывной связи покаяние уместно называется введением ко спасению. Но таким образом больше указывается следствие, нежели причина. И это не изворотливые уловки, а истинный и простой ответ. Ведь Писание учит нас, что отпущение грехов никогда не происходит без покаяния, и одновременно повсюду провозглашает его причиной одно лишь божественное милосердие.

11) *Какое произвело в вас усердие.* Я не спорю о том, является ли перечисляемое здесь Павлом следствием покаяния, или его составной частью, либо же подготовкой к нему. Ведь все это вовсе не нужно, чтобы понять мысль апостола. Он лишь доказывает покаяние коринфян, исходя из его признаков или сопутствующих свойств. Хотя печаль ради Бога он делает началом, из которого рождаются все эти свойства. Ведь как только мы начинаем не нравиться себе, то сразу же на что-то вдохновляемся. Что означает здесь слово «усердие» можно понять от противоположного. Покуда отсутствует признание греха, мы остаемся ленивыми и вялыми. Итак, оцепенение или беззаботность противоположна тому усердию, о котором говорит Павел. Значит, усердие есть не что иное, как упорное старание исправить свой грех и изменить к лучшему свою жизнь.

Какие извинения. Поскольку Эразм перевел это как «удовлетворение», неопытные, обманувшись двусмысленностью слова, отнесли его к папистским удовлетворениям. Павел же употребляет термин *ἀπολογία*. Вот, причина, почему я предпочел удержать версию «защита» (приведенную древним переводчиком). Однако следует отметить: вид этой защиты состоит больше в мольбах и просьбах, чем в оправдании от преступлений. Подобно тому, как сын, желающий защититься перед отцом, не возбуждает против него дело, но, признав вину, оправдывается скорее смиренно, нежели самоуверенно. Оправдываются также и лицемеры, больше того, заносчиво себя защищают, но, скорее, чтобы спорить с Богом, нежели чтобы вернуться в Его благодать. Но если кому-то больше нравится слово «извинять», я не буду спорить. Ведь смысл будет тот же: коринфяне поняли, что им нужно оправдываться, хотя прежде они пренебрежительно относились к суду Павла.

Какое негодование. Здесь святую печаль сопровождает чувство, так что грешник восстает против себя и собственных пороков. Также любой, наделенный правым рвением, негодует всякий раз, когда видит Бога оскорбленным. Это чувство более пылко, чем печаль. Ведь первая ступень заключается в том, что зло перестает нам нравиться. Вторая – в том, что, вознегодовав, мы гневно восстаем против себя, чтобы совесть ощутила

искреннее раскаяние. Хотя негодование может также значить, что коринфяне воспламенились против грехов тех людей, которым раньше потакали. Таким образом, они раскаялись в своем предыдущем потворстве или равнодушии. Страх проистекает из ощущения суда. Грешник думает: вот, тебе предстоит дать отчет. И что ты скажешь перед таким судьей? И грешник трепещет от подобного помышления. Поскольку же подобный страх иногда охватывает и нечестивых, апостол присоединяет к нему желание. А это чувство более добровольно, чем страх. Ведь мы часто боимся против воли, но никогда не желаем под принуждением. Итак, наученные Павлом коринфяне убоялись кары, но одновременно пылко возжелали исправления. Однако, что надо понимать под рвением? Несомненно апостол постепенно увеличивает степень добродетели. Рвение выражает больше, чем желание. Можно предположить, что коринфяне воспламенялись взаимной ревностью. Но проще думать, что каждый с большим усердием стремился доказать собственное раскаяние. Таким образом, рвение есть стремление продемонстрировать желание другим.

Какое взыскание. То, что мы сказали о негодовании, также применимо и к взысканию. Ведь коринфяне явили себя взыскателями с тех, чьим грехам они прежде потакали равнодушием и вседозволенностью. Некоторое время они терпели инцест, но, наученные Павлом, не только перестали ему потакать, но и стали строгими его обличителями. В этом и выражается взыскание. Кроме того, поскольку мы должны взыскивать за любые грехи, и начинать в этом с самих себя, сказанное апостолом применимо еще шире. Ибо он говорит о признаках покаяния. Среди прочих признаков выделяется один: взыскивая за свои грехи, мы неким образом предвосхищаем суд Божий. Как учит Павел и в другом месте (1Кор.11:31): если мы судим себя, то не будем судимы Господом. Однако отсюда нельзя выводить, что люди, мстя самим себе, исполняют положенное им от Бога наказание и таким образом избавляются от Его руки. Дело обстоит иначе. Поскольку замысел Божий заключается в том, чтобы, наказывая нас, стряхнуть с нас беззаботность, дабы мы, вспомнив о Его гневе, в будущем стали острожными, грешник, добровольно отмщая себе, делает ненужным подобное напоминание. Спрашивается: в своем рвении и взыскании, в желании и всем прочем имели ли в виду коринфяне Павла или Бога? Отвечаю: все это всегда сопровождает покаяние. Однако разница в том, грешит ли кто перед Богом, или открыто перед всем миром. Тому, чей грех совершен в тайне, достаточно испытать подобные чувства перед Богом. Там же, где грех совершается открыто, требуется явное подтверждение покаяния. Таким образом, коринфяне, согрешившие явно и давшие тяжкое преткновение благочестивым, с необходимостью должны были этими знаками засвидетельствовать свое покаяние.

По всему вы показали себя чистыми в этом деле. 12. Итак, если я писал к вам, то не ради оскорбителя и не ради оскорбленного, но чтобы вам открылось попечение наше о вас пред Богом. 13. Посему мы утешились утешением вашим; а еще более обрадованы мы радостью Тита, что вы все успокоили дух его. 14. Итак я не остался в стыде, если чем-либо о вас похвалился перед ним, но как вам мы говорили все истину, так и перед Титом похвала наша оказалась истинною; 15. и сердце его весьма расположено к вам, при воспоминаниях о послушании всех вас, как вы приняли его со страхом и трепетом. 16. Итак радуюсь, что во всем могу положиться на вас.

(По всему вы показали себя чистыми в этом деле. 12. Итак, если я писал к вам, то не ради оскорбителя и не ради оскорбленного, но чтобы вам открылось попечение наше о вас пред Богом. 13. Посему мы утешились утешением вашим; а еще более обрадованы мы радостью Тита, что вы все успокоили дух его. 14. Итак я не остался в стыде, если чем-либо о вас похвалился перед ним, но как вам мы говорили все истину, так и перед Титом похвала наша оказалась истинною; 15. и сердце его весьма расположено к вам, при воспоминаниях о послушании всех вас, как вы приняли его со страхом и трепетом. 16. Итак радуюсь, что во всем на вас полагаюсь.)

По всему. Древний переводчик читает «вы явили», Эразм – «вы препоручили». Я предпочел третий вариант, который мне кажется более подходящим. Коринфяне явили подлинные свидетельства того, что не были сообщниками преступления, которому, как будто, потакали, не обращая на него внимания. Каковы же были те свидетельства, мы уже видели. Хотя Павел не полностью их извиняет, но лишь смягчает их вину. Ибо чрезмерная терпимость коринфян не лишена вины, но извиняет их от сочувствия преступлению. Следует отметить: не все из них таким образом оправданы, но только лишь их церковь. Вероятно, некоторые из них потакали греху сознательно. Но, хотя все поимели от этого общее бесславие, потом выяснилось, что вина распространяется лишь на немногих.

12) *Итак, если я писал.* Апостол делает то, что обычно делают ищущие примирения. Он хочет забыть о прошлом, и больше ничего не порицает, ничего не обличает, ничего не требует, забывая обо всем плохом. Он довольствуется одним лишь их покаянием. Действительно, правильный путь: не истязать сверх меры грешников, если те пришли к раскаянию. Ведь, если мы продолжаем вспоминать их грехи, то несомненно делаем это скорее по злобе, нежели по правому разумению и желанию их спасти. Кроме того, это сказано Павлом в качестве уступки. Ибо раньше он, действительно, мстил за свое оскорбление и хотел покарать зачинщика соблазна. Но теперь покрывает все, способное внушить неприязнь. Он как бы говорит: я написал все, что написал, лишь с той целью, чтобы вы проявили ко мне внимание. Теперь же давайте забудем все сказанное. Другие толкуют иначе: он действовал не как частное лицо, но думал о благе всех. Однако первый смысл представляется более подходящим.

Наше о вас попечение. Поскольку это чтение принято у греков, я не рискнул его заменить. Хотя в греческом кодексе сказано ἡμῶν, что содержится и в комментариях Златоуста, латинское чтение у греков также было употребительным. А именно: дабы вам стала явна наша о вас забота. То есть: чтобы коринфяне поняли, сколь сильно заботится о них Павел. Однако другое чтение, с которым ныне согласна большая часть греческих кодексов, еще вероятнее. Ибо Павел поздравляет коринфян с тем, что они, наконец, осознали, как он к ним относится. Он как бы говорит: вы не разумели, сколь сильно я о вас пекусь, откуда не поняли этого на деле. Другие толкуют это место следующим образом: дабы вам стало ясно, как мне дорог каждый из вас. И, пользуясь случаем, каждый показал то, что ранее скрывалось в его душе. Поскольку смысл от этого не сильно меняется, я оставляю читателям свободу избрать то, что им нравится больше. Однако, поскольку Павел добавляет «перед Богом», кажется, он желает, чтобы каждый подверг себя серьезному испытанию, (словно представ перед Богом), и познал себя лучше, чем знал прежде.

13) *Утешились утешением.* Павел полностью отдается тому, чтобы убедить коринфян: он больше всего желает их блага. Посему и называет их утешение общим со своим. Кроме того, утешение состояло в том, чтобы, признав вину, не только согласиться с обличением, но и возрадоваться ему. Ведь горечь обличения сразу смягчается, как только мы начинаем понимать, сколь оно для нас полезно. Добавленное же Павлом, что он еще больше возрадовался от утешения Тита, относится к поздравлениям. Тит обрадовался тому, что нашел коринфян более послушными, чем ожидал. Более того, он нашел, что они внезапно изменились к лучшему. Отсюда выводится, что мягкость Павла была далека от лести. Ведь он не только возрадовался от их радости, но и услаждался от их покаяния.

14) *Похвалился перед ним.* Апостол дает понять, сколь дружески всегда относился к коринфянам, сколь искренне и человечно он о них судил. Ведь когда они казались недостойными похвалы, он много обещал себе в их отношении. Действительно, особый знак правого сердца: в лицо упрекать тех, кого любишь. Однако еще больше – надеяться о них на лучшее и давать повод надеяться другим. Эта искренность должна была подвигнуть их не принимать во зло его обличение. Одновременно Павел снова хвалит свою добросовестность во всех делах. Он как бы говорит: вам хорошо известно мое рвение, что я показываю себя правдивым во всем. Итак, я радуюсь, что оказался правдивым и теперь, расхваливая вас перед другими.

15) *Сердце его.* Поскольку чувства гнездятся в сердце, этим именем означает милосердие, любовь и всякое благочестивое расположение. Апостол хотел подчеркнуть: Тит еще раньше любил коринфян, но теперь возлюбил их еще больше и от всего сердца. Кроме того, этими словами он побуждает коринфян любить Тита. Ведь любить слуг Христовых тем более полезно, чем более они полезны для нас. Одновременно апостол воодушевляет их продолжать делать добро, чтобы вызывать любовь у всех благочестивых.

Со страхом и трепетом. Этими словами Павел иногда выражает простое уважение, что подходит и к данному месту. Хотя, возможно, трепет указан для того, чтобы сознающие за собой зло устрашились встречи с апостолом. Перед судьей трепещут и те, кто упорствует в своих преступлениях, но добровольный трепет, происходящий из подлинного стыда, есть признак покаяния. Какое бы толкование ни избрать, данное место учит, каким должно быть принятие Христовых слуг. Не пышные пиршества, не дорогие одеяния, не льстивые приветствия, не театральные аплодисменты ублажают верного пастыря. Он получает полное удовлетворение лишь тогда, когда почтительно принимается спасительное учение, когда он осознает свой авторитет в назидании Церкви, когда народ соглашается учиться у него, чтобы управляться Христом через его служение. Пример этого мы видим в Тите. Итак, в этом отрывке Павел подтверждает сказанное ранее: он никогда не оскорблялся настолько, чтобы полностью разувериться в коринфянах.